

Российский государственный  
педагогический университет им. А. И. Герцена



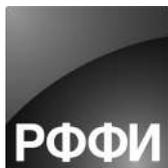
Е. Ю. Коржова, С. А. Безгодова,  
А. В. Микляева, Е. В. Юркова

ПСИХОЛОГИЯ ОПЕКУНСКОЙ СЕМЬИ:  
СИТУАЦИОННЫЙ ПОДХОД

*Монография*

Санкт-Петербург  
Издательство РГПУ им. А. И. Герцена  
2020

УДК 159.9  
ББК 88.5  
К66



*Монография подготовлена и издана при поддержке  
Российского фонда фундаментальных исследований,  
проект № 18-013-00085.*

Рецензенты:

**Горьковская Ирина Алексеевна**, доктор психологических наук, профессор, профессор кафедры психологии человека ФГБОУ ВО «Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена»

**Махнач Александр Валентинович**, доктор психологических наук, заместитель директора по науке ФГБУН «Институт психологии Российской академии наук»

**Тузова Ольга Николаевна**, кандидат психологических наук, доцент кафедры психологии ФГБОУ ВО «Мурманский арктический государственный университет»

**Коржова Е. Ю., Безгодова С. А., Микляева А. В., Юркова Е. В.**  
К66 Психология опекунской семьи: ситуационный подход: монография. — СПб.: Изд-во РГПУ им. А. И. Герцена, 2020. — 248 с.  
ISBN 978-5-8064-2979-8

Опека является распространенной формой жизнеустройства детей, остающихся без попечения родителей. В монографии представлены результаты теоретико-эмпирического исследования психологии опекунской семьи как особой жизненной ситуации. Представлена типология опекунских семей. Рассмотрены проявления взаимодействия с жизненной ситуацией опекунов и опекаемых детей: субъективные (событийная наполненность жизненной перспективы) и объективные (специфика взаимодействия членов семьи). Разработана модель сопровождения опекунской семьи.

**УДК 159.9**  
**ББК 88.5**

© Е. Ю. Коржова, С. А. Безгодова,  
А. В. Микляева, Е. В. Юркова, 2020  
© О. В. Гирдова, оформление обложки, 2020  
© Издательство РГПУ им. А. И. Герцена, 2020

**ISBN 978-5-8064-2979-8**

# ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение .....	5
<b>Глава 1</b>	
Жизненная ситуация опеки: теоретико-методологические основания исследования .....	8
1.1. Ситуационный подход в психологии .....	8
1.2. Ситуационный подход в исследовании опекунской семьи ...	29
<b>Глава 2</b>	
Эмпирическое исследование жизненной ситуации опекунской семьи: программа исследования, характеристика выборки .....	48
2.1. Цель и задачи эмпирического исследования .....	48
2.2. Характеристика выборки .....	48
2.3. Процедура и методы исследования .....	51
<b>Глава 3</b>	
Жизненная ситуация опекунской семьи и ее типология .....	75
3.1. Жизненная ситуация принятия опекунских обязанностей ...	78
3.2. Жизненная ситуация опеки глазами детей .....	85
3.3. Отражение семейной ситуации в рисунках детей и подростков, находящихся под опекой кровных и некровных родственников .....	90
3.4. Типология трудных ситуаций и ситуаций, приносящих удовлетворение, в семьях кровной и некровной опеки .....	95
<b>Глава 4</b>	
Субъективный аспект взаимодействия с жизненной ситуацией опеки опекунов и опекаемых: событийная наполненность жизненной перспективы .....	105
4.1. Событийная наполненность субъективной картины жизненного пути опекунов .....	108
4.2. Событийная наполненность субъективной картины жизненного пути опекаемых .....	115

## Глава 5

Объективный аспект взаимодействия с жизненной ситуацией опеки опекунов и опекаемых .....	122
5.1. Семейное благополучие опекунов и опекаемых детей .....	122
5.2. Функционально-ролевая структура опекунской семьи .....	140
5.3. Стили взаимодействия опекунов и опекаемых .....	148

## Глава 6

Психологическое сопровождение опекунской семьи (семьи кровной опеки) .....	158
6.1. Организация и содержание сопровождения детей, оставшихся без попечения родителей .....	158
6.2. Модель психолого-педагогического сопровождения семьи кровной опеки .....	172
6.3. Особенности психолого-педагогического консультирования семей кровной опеки .....	179
Заключение .....	185
Литература .....	190
Приложения .....	204
Приложение 1. Бланки для интервьюеров .....	204
Приложение 2. Образцы информированных согласий .....	246

## ВВЕДЕНИЕ

Сегодня семья все чаще рассматривается как наиболее благоприятная среда для становления личности. Психологическое благополучие современной семьи становится одной из ключевых проблем современного общества.

В настоящее время в связи с ростом количества детей, по разным причинам остающихся без попечения родителей, особенно острым становится вопрос об их жизнеустройстве, в том числе о преимуществах тех или иных форм семейного жизнеустройства. Соответственно, приобретают актуальность психологические исследования замещающей семьи с выходом на разработку программ подготовки приемных родителей и сопровождения семей.

Среди замещающих семей весьма распространенными являются опекунские семьи. Немногочисленные исследования опекунских семей в современной психологии в подавляющем большинстве случаев опираются на достижения в области психологии семьи. При этом практически не изучены замещающие семьи, где опекуном/попечителем становится один из родственников ребенка. Опекунская кровная семья отличается от других типов замещающих семей и семей с родными детьми неблагоприятными внешними обстоятельствами, предшествовавшими опеке, и целым рядом структурных и функциональных параметров, среди которых смешение роли опекуна и других семейных ролей, трансформация психологических функций, реализуемых семьей, изменение контекста семейной социализации ребенка. Это не означает заведомой дисфункциональности семей кровной опеки. Преимуществом таких семей является сохранение у ребенка чувства рода, включенность в семейную историю, ее прошлое и будущее. Свои преимущества у семьи некровной опеки, например, отсутствие психотравмирующего фона. Остается неизученной опекунская семья как целостность, ресурс и итог взаимодействия всех членов семьи с индивидуально-психологическими особенностями каждого.

Для решения этой проблемы нам представляется целесообразным обращение к ситуационному подходу, позволяющему в равной мере учитывать психологические ресурсы участников ситуации и объективные

обстоятельства, значимые для них. Опекунская семья может быть рассмотрена как особая и весьма сложная жизненная ситуация. Различие обстоятельств принятия под опеку служит предпосылкой различий в жизненных ситуациях опекунов и опекаемых в целом. Ситуационный подход позволяет учитывать психологические проявления членов семьи в семейном взаимодействии в контексте объективных обстоятельств жизни, возникающих вопреки традиционной логике развития семейных отношений, в первую очередь, в жизни ребенка (отказ, недееспособность, лишение прав или смерть родителей), опекуна, который может перестать быть им по разным причинам. Взаимоотношения в опекунской семье проявляются в различных формах поведения, что отражается в уровне психологического благополучия. Ситуация опеки влетает в событийную структуру жизненного пути личности, которой предшествовало событие.

Каждая жизненная ситуация может рассматриваться как таковая, а также в русле взаимодействия ее субъектов с жизненной ситуацией. Особенности жизненной ситуации опекунских семей зависят от наличия или отсутствия кровного родства опекуна, степени его включенности в воспитание ребенка до того, как возникла необходимость опеки, местом опеки в общем контексте жизненного пути. Психологические характеристики жизненной ситуации опекунской семьи могут быть рассмотрены, прежде всего, с позиции ее структуры, а также типологизации. Субъективная сторона взаимодействия с жизненной ситуацией опеки представляет собой отношение к событиям, предшествовавшим опеке и последовавшим за ней, наполненность жизненной перспективы; объективная сторона — в специфике межличностного взаимодействия.

В нашем исследовании осуществлялось сравнение жизненной ситуации опеки, отношение к ней детьми и опекунами в кровных опекунских семьях и некровных опекунских семьях, а также их сравнение с семейными ситуациями в кровных родительских семьях, по степени удовлетворенности семейными отношениями, характеристиках переживания опекунской ситуации в семье, по отношению к выполнению родительских функций кровными и некровными опекунами, а также кровными (родными) матерями и бабушками; по степени ролевой идентификации опекуна с ролью родителя, характеристикам родительских установок и проявления ролевого поведения в семьях кровной и некровной опеки, а также в кровных семьях. Отличительной особенностью нашего исследования было изучение переживания отношений в семье и удовлетворенности ими не только взрослым, но ребенком, с учетом возрастных особенностей; построение типологии жизненных ситуаций опекунской семьи; изучение особенностей взаимодействия опекунов и опекаемых

с различными типами жизненных ситуаций опекунских семей; исследование проявления субъектных характеристик опекунов в способах взаимодействия опекунов с различными типами жизненных ситуаций; исследование особенностей взаимодействия опекунов/попечителей и опекаемых/подопечных в зависимости от типа жизненной ситуации; разработка и апробация модели сопровождения опекунской семьи.

Для исследования был избран формат интервью. Диагностические инструменты, релевантные методологии ситуационного подхода, избранной нами в качестве исследовательского фундамента, были модифицированы для использования в режиме интервьюирования. В соответствии с теоретико-методологическим анализом и полученными эмпирическими данными представлена модель психологического сопровождения опекунских семей.

Полученные результаты указывают на неоднозначность и определенную психологическую противоречивость опекунских семей, на необходимость дифференцированного подхода к психологическому сопровождению семей кровной и некровной опеки, предполагающего, в частности, учет жизненных обстоятельств, предшествовавших опеке, а также отношения не только опекуна, но и опекаемого ребенка к актуальной жизненной ситуации.

Книга состоит из введения, шести глав и заключения. В первой главе представлены теоретико-методологические основания исследования жизненной ситуации опеки, обосновано применение ситуационного подхода в исследовании опекунской семьи. Во второй главе намечены предпосылки эмпирического исследования опекунской семьи, определена его программа. В третьей главе жизненная ситуация опекунской семьи рассматривается как таковая, причем главами как взрослых членов семьи, так и детей; дана типология опекунских семей. В четвертой главе представлен субъективный аспект взаимодействия с жизненной ситуацией опеки, а именно, событийная наполненность жизненной перспективы детей и взрослых. В пятой главе раскрыт объективный аспект взаимодействия с жизненной ситуацией опеки: показана функционально-ролевая структура опекунской семьи, стили взаимодействия в опекунской семье и семейное благополучие детей и взрослых. Шестая глава посвящена психологическому сопровождению опекунской семьи.

В коллективной монографии представлены результаты исследования по гранту РФФИ «Психология опекунской семьи: ситуационный подход» (проект № 18-013-00085).

# Глава 1

## ЖИЗНЕННАЯ СИТУАЦИЯ ОПЕКИ: ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ

### 1.1. Ситуационный подход в психологии

Ситуация, в той или иной форме, — неотъемлемый элемент человеческой жизни. Жизненная проблематика на протяжении всей истории человечества занимала особое место в умах мыслителей, раскрывая глубокие тайны бытия, значимые для каждого, и придавая исследованиям онтологический уровень, тесно соприкасаясь не только с различными сферами гуманитарного знания, но и с религией, философией, культурой в целом.

Среди многообразия подходов к изучению жизненного пути представляется перспективным акцент на ситуационном направлении, которое также в силу своей разнонаправленности и многоаспектности не противоречит другим подходам, а позволяет в содружестве с ними более глубоко и целостно исследовать феномен жизненного пути. Ситуационный подход возник первоначально в зарубежной психологии (Lewin K., 1936; Mischel W., Shoda Y., Ayduk O., 2007; Webster G., 2009 и др.) и получил свое развитие в отечественных исследованиях (Бурлачук Л. Ф., Коржова Е. Ю., 1998; Гришина Н. В., 2016; Коржова Е. Ю., 2015 и др.). Сегодня ситуационный подход является одним из значимых направлений психологической теории и практики.

Очевидно, что значение категории «ситуация» для психологии не оценимо: ее использование придает многомерность психологическому исследованию, позволяет преодолеть взгляда на человека как на замкнутое целое. Между человеком и условиями его жизни существует неразрывная связь. Когда расширился круг психологических исследований, постепенно стали учитываться не только социальные процессы в обществе, не только, еще более широко, среда, но и конкретные ситуации жизни. Становится очевидным, что ситуационные переменные следует подвергать анализу в той же мере, что и собственно психологические. Это придает психологическому исследованию многомерность

и позволяет уйти от привычного рассмотрения человека как замкнутого целого.

Использование понятия ситуации позволяет по-новому решать проблему соотношения внутреннего и внешнего, субъекта и объекта, что имеет важное методологическое значение. Ситуация выступает как «проявитель» внутренних детерминант человеческого бытия. Отсюда понятна роль этой категории в разных науках, рассматривающих широчайший спектр ситуаций (социокультурных, производственных, конфликтных, фрустрационных, учебно-познавательных, воспитательных, организационных, ситуаций общения, риска, принятия решений, успеха и т. д.) (Логонова Н. А., 2001; Гришина Н. В., Погребницкая В. Е., Абдульманова Д. М., Аллахвердов М. В., 2011; Гришина Н. В., 2018 и др.).

В настоящее время отсутствует единство в понимании сущности ситуации. Множество разнородных определений во многом связано с оперированием понятием ситуации в самых разных психологических областях (интеракционизм, психология социального научения, психология среды и психологическая экология, социо- и психолингвистика, социальная психология, психология обучения, наконец, клиническая психология). Кроме того, к понятию ситуации, помимо психологов, обращались философы, теологи, юристы. Таким образом, интерес к ситуационным детерминантам поведения не нов и не исключителен для социальных наук. Сегодня существует более тысячи работ, касающихся ситуаций, причем в самых различных областях исследования — от архитектуры до антропологии, от маркетинга до микро-социологии.

Разнообразие толкований понятия ситуации в немалой степени способствует особенностям человеческого восприятия. Восприятие человека происходит в сложных конструктах типа «человек в ситуации», поэтому общение достаточно эффективно без учета отдельных личностных черт собеседника. Однако, характеризуя другого, обычно прибегают к личностным чертам. Известная фундаментальная ошибка атрибуции (предубеждение соответствия) заключается в склонности человека объяснять поступки других их чертами, тогда как свои — ситуацией.

Термин «жизненная ситуация», наиболее адекватный при исследовании жизненного пути, используется довольно редко, часто в сочетании с прилагательными «конфликтная», «критическая», «кризисная» и т. п. Используются также понятия «ситуация жизненных перемен», «трудные жизненные условия», «адаптогенная ситуация». Определенный негативный оттенок, присутствующий во всех этих терминах, свидетельствует об имеющемся в них акценте на препятствиях и, соответственно, на усилиях человека по преодолению такой ситуации.

Жизненные ситуации часто понимают как «жизненные события», или просто «события». В этом случае они чаще рассматриваются в контексте жизненного пути.

Жизненная ситуация может быть понята в качестве фрагмента среды как внешних объективных обстоятельств жизнедеятельности, с которыми происходит непосредственный контакт человека. Социальной жизненной ситуацией является в том смысле, что человек, бесспорно, социальное существо, в индивидуальном бытии которого неизбежно осуществляется учет бытия других людей. Тем не менее, в понятии «жизненная ситуация» акцент ставится на личной, «индивидуальной» жизни. Таким образом, жизненная ситуация — это ситуация личной жизни.

Далее рассмотрим соотношение термина «жизненная ситуация» со смежными понятиями.

*Жизненная ситуация и социальная ситуация.* Наиболее часто при рассмотрении ситуативного контекста употребляется понятие «социальная ситуация», либо просто «ситуация» (в значении «социальная ситуация») — естественный сегмент социальной жизни, определяющийся вовлеченными в нее людьми, местом действия, сущностью деятельности и др. (The psychology of social situations, 1981). При этом речь идет о ситуациях, в которых осуществляется социальное поведение, различного рода взаимодействия людей. Это проявления общительности, честности, агрессивности, конформизма и других социально-психологических феноменов.

*Жизненная ситуация и критическая ситуация (фрустрирующая, трудная, стрессовая и т. д.).* Всякая критическая ситуация является критической. К счастью, в жизни человека есть и позитивно окрашенные ситуации. Если иметь в виду «переломность», «эпохальность» для личности, тогда эти понятия очень близки (особенно если речь идет о жизненном событии как «вехе» в истории развития личности).

*Жизненная ситуация и адаптогенная ситуация.* Всякая адаптогенная ситуация является жизненной. Жизненная ситуация не всегда адаптогенна (в понятии «адаптогенная ситуация» подчеркивается ее актуальность для личности, это ситуация «здесь-и-сейчас», меняющиеся в данный момент времени условия и взаимоотношения с ними личности; кроме того, в этом понятии акцент ставится на необходимости справиться с такой ситуацией).

*Жизненная ситуация и ситуация риска, выбора, принятия решения, успеха и т. д.* В данном случае речь идет о гораздо более узких, частных категориях по отношению к категории «жизненная ситуация».

*Жизненная ситуация и проблемная ситуация.* Жизненная ситуация не всегда проблемна. Жизненная ситуация, в которой человек видит противоречие, выделяется им как проблемная, и в таком виде противостоит человеку как объект жизнедеятельности ее субъекту.

*Жизненная ситуация и жизненное событие.* Жизненные события — наиболее важные, значимые для личности жизненные ситуации.

Существует два принципиально различных подхода к пониманию ситуации.

*Ситуация как внешние условия протекания жизнедеятельности.* Весьма распространен взгляд на ситуацию как на совокупность элементов среды либо как на фрагмент среды на определенном этапе жизнедеятельности индивида. Такое определение ситуации наиболее распространено за рубежом.

В этом случае структура ситуации включает в себя действующих лиц, осуществляемую ими деятельность, ее временные и пространственные аспекты. Ситуации различают по экологическим, географическим, архитектурным, психосоциальным и другим переменным среды и их атрибутам. Близкими по содержанию являются понятия «социальный случай», «случай», «социальный эпизод». Ситуация может быть определена на разных уровнях, от микро- к макро. Так, Д. Магнуссон (1983) предложил 5 уровней определения ситуации:

А. Стимулы (Stimuli) — отдельные объекты или действия.

В. Эпизоды (Episodes) — особые значимые события, имеющие причину и следствие.

С. Ситуации (Situations) — физические, временные и психологические параметры, определяемые внешними условиями. Восприятие и интерпретация ситуации придает значение стимулам и эпизодам.

Д. Окружение (Settings) — обобщающее понятие, характеризующее типы ситуаций.

Е. Среда (Environments) — совокупность физических и социальных переменных внешнего мира.

*Ситуация как результат активного взаимодействия личности и среды.* Ситуация определяется как система субъективных и объективных элементов, объединяющихся в деятельности субъекта. При таком понимании ситуации выделяются объективные и субъективные ситуации по преобладающей роли внешних обстоятельств или личности. Если в зарубежных исследованиях в ситуацию включались преимущественно элементы внешней среды, то для отечественных подходов более характерно представление о сочетании в ситуации элементов внутреннего и внешнего мира. В этом случае ситуация в большей мере включается в контекст реальной жизни человека, однако первый вариант понимания

ситуации позволяет в конкретном психологическом исследовании четко разделять психологические и средовые переменные. При первом варианте понимания ситуации можно утверждать, что по форме жизненная ситуация представляет собой фрагмент среды как внешних объективных обстоятельств жизнедеятельности, с которыми непосредственно контактирует человек; содержательно это ситуация личной жизни, т. е. жизненные обстоятельства, наиболее близкие (значимые) для человека. Это методологически удобно, т. к. такой подход позволяет более четко отграничить предмет исследования и понять, в чем его содержательное отличие от смежных понятий (например, самый частый случай, социальная ситуация, критическая ситуация (а также любая ситуация со знаком «минус»), жизненное событие.

Начало ситуационных исследований можно отнести еще к 1912 г., когда К. Lewin, будучи студентом, делал первые шаги в разработке теории поля. Благодаря К. Lewin временное измерение личностного функционирования было дополнено пространственным. К. Lewin предложил понятие «жизненное пространство» в рамках топологической концепции поля. Под жизненным пространством понималось единство человека и его ситуации как психологической среды, в том виде, в котором она для него существует. Среда представляет собой внешнее поле сил и воздействий, личность — внутреннее поле систем напряжения. Это два полюса жизненного пространства как новой целостности. Таким образом, жизненное пространство представляет личность и среду в их взаимодействиях и взаимосвязях. За его пределами остаются многие явления внешнего мира, не имеющие непосредственного отношения к человеку. Если они соседствуют с границей жизненного пространства, то могут оказывать на него воздействие. Также существует и возможность обратного воздействия. Это означает, что граница между жизненным пространством и внешним миром обладает свойством проницаемости. Поэтому, с точки зрения К. Lewin, задача психолога и состоит в том, чтобы описать и объяснить конкретную ситуацию, вместо того, чтобы предсказывать поведение в будущем (2000). Личные проблемы могут быть рассмотрены как препятствия в удовлетворении потребностей в связи с соответствующими замещающими действиями.

В работах, выполненных К. Lewin и под его руководством, возникло много оригинальных идей относительно личностно-ситуационного функционирования: систематическая концепция взаимосвязи событий, опирающаяся на признание влияния событий в непосредственно предшествующий промежуток времени на актуальные события; определение поведения как функции взаимосвязи личности и ситуации; идеи относительно изменений жизненного пространства с возрастом, а также

относительно роли определенности в ситуации. Сегодня во многих современных работах осуществляется развитие этих исследовательских линий. Происходит также осмысление полученных в школе К. Lewin результатов с позиций современной науки. Работы К. Lewin могут использоваться и в более широком контексте. Как видит Н. В. Гришина (2018), сам принцип К. Lewin изменения ситуации через модификацию ее отдельных элементов может быть использован как в экспериментальном изучении социальных проблем, так и в практике решения самых разнообразных задач, в том числе экзистенциального плана.

В 30-е годы XX века в американских социологических журналах велись оживленные дискуссии о детерминации социального поведения и роли личности и ситуации в ней. Наиболее отчетливо идеи восприятия и интерпретации ситуации впервые обозначились у W.I Thomas, работы которого стали отправным пунктом многочисленных исследований в области микросоциологии, проводившихся под флагом символического интеракционизма. Так называемая «теорема Томаса», выдвинутая в 1923 г., заключается в следующем: «Если ситуации определяются как реальные, они становятся реальными по своим последствиям» (Thomas W.I., Thomas D. S., 1928, p. 571–572). Вслед за К. Lewin W.I Thomas подчеркивается единство личности и ситуации, в которой человек находится: определяя ситуацию, он создает особый мир — и живет в этом мире.

Широкую известность приобрели широкомасштабные исследования социальных психологов Оксфордского университета под руководством М. Argyle, в которых осуществлялся синтез различных подходов — микросоциологического, этногенетического, социолингвистического, структурно-функционального и др. (The psychology of social situations, 1981). Эти исследования опирались на функциональную модель социальной ситуации, которую составляли цели, правила, роли как модели взаимодействия людей, набор элементарных действий, последовательность поведенческих актов, понятийный аппарат, соотнесенность с окружающей средой, коммуникативные средства, трудности взаимодействия. Положительная сторона определенной эклектичности таких работ заключается в возможности синтезировать различные точки зрения на социальную ситуацию.

Среди зарубежных исследований наиболее стойкий интерес к проблеме личностно-ситуационного взаимодействия проявился в интеракционизме, первоначально склонявшегося к признанию ведущей роли за ситуацией, а в последнее время за личностной активностью восприятия ситуации. Значению и определению ситуации много внимания уделяет также Т. Shibutani, показавший, что «эффективное окружение, в котором живут люди, может рассматриваться как система значений,

упорядочивающих способы действий» (Шибутани Т., 1969, с. 116). И далее: «То, что делает человек, есть реакция не столько на естественное окружение, сколько на его собственную интерпретацию одной из сторон последнего» (Там же, с. 162). Определение ситуации происходит посредством придания значения объективной ситуации. Тем самым она становится субъективной. Исследования, проводимые под руководством D. Magnusson, руководствуются положением, согласно которому влияние ситуации опосредуется т. н. «воспринимающе-когнитивными системами индивида» (Магнуссон Д., 1983). L. Ross, R. Nisbett (1999), следуя в понимании ситуации за К. Lewin, используют термин «construal», означающий активную субъективную интерпретацию (когнитивную, мотивационную) объективного стимула.

Исследования социальных ситуаций в последнее время становятся все более многочисленными. L. Ross, R. Nisbett в связи с этим приводят обзор большого количества экспериментов, в том числе ставших в социальной психологии классическими, анализируя их результаты в русле проблемы социальной перцепции (Росс Л., Нисбетт Р., 1999). Как отмечает П. Н. Шихирев, это направление социальной психологии за рубежом является наиболее развитым и перспективным; разве что в теоретическом плане (но не в эмпирическом) с ним может конкурировать только анализ межгрупповых отношений (Шихирев П. Н., 1999).

Ситуационный подход получил широкое распространение в современной отечественной психологии (Бурлачук Л. Ф., Коржова Е. Ю., 1998; Гришина Н. В., Погребницкая В. Е., Абдульманова Д. М., Аллахвердов М. В., 2011; Коржова Е. Ю., 2015 и др.).

Первоначально в русском научном языке термин «ситуация» использовался как геодезический. Его оттенок сохраняется и в настоящее время в понимании ситуации как, прежде всего, совокупности внешних обстоятельств, условий (Емельянов Ю. Н.). В русский язык понятие «ситуация» пришло из французского, от латинского «situs» — 1) положение, расположение; 2) поставленный, положенный, лежащий, находящийся; 3) обитающий, живущий. Таким образом, значение понятия «ситуация» было шире, чем сегодня, и предусматривало наличие субъекта.

В отечественной психологии признание активности личности в ситуации свойственно многим исследователям. Так, А. Н. Леонтьев ввел понятие личностного смысла, понимаемого как оценка значения для субъекта объективных обстоятельств и его действий в них (Леонтьев А. Н., 1975). Согласно теории установки (Узнадзе Д. Н., 1966; Надирашвили Ш. А., 1974), помимо стимула, реакция обуславливается установкой как целостным психическим состоянием индивида, формирующимся

под влиянием действительности. В. Н. Мясищев (1960) в концепции отношений личности предложил понятие значимой ситуации, подчеркнув при этом уязвимость личности к определенным факторам среды. Еще его учитель, А. Ф. Лазурский (1923), выдвинул принцип активного приспособления личности к среде, дифференцировав уровни отношений к среде (полная зависимость личности от среды; приспособление с пользой для себя и общества; творческое отношение к среде). Более современные авторы В. Н. Воронин, В. Н. Князев (1989) ситуацию описывают как когнитивный конструкт личности, который отражает часть объективной реальности, существующей в пространстве и времени и характеризующейся тем или иным социальным контекстом. По поводу представленности ситуации в сознании индивида выделяются два момента: формирование и развитие конструкта ситуации; функционирование конструкта, отражающего ситуацию в качестве элемента целостной системы, представляющей картину мира. В связи с этим описываются уровни психологической репрезентации ситуации в зависимости от степени полноты представленности в целостной картине мира. Отмечается, что ситуация задает контекст восприятия человека, внося упорядоченность в общую картину социального мира. Понятие социальной ситуации развития была рассмотрено Л. С. Выготским. В понятие включались внешние условия среды во взаимосвязи, в единстве с внутренними условиями развития ребенка (Выготский Л. С., 1984).

Еще древние заметили, что жизненные обстоятельства неотъемлемы от внутреннего устройства человека: «В соответствии с деятельностью сердца изменяются внешние обстоятельства — (в зависимости от того, настроена ли она) на добрые (дела), или на искушения» (Прп. Исаак Сирий, 2006, с. 54). Жизненные обстоятельства приносят человеку неограниченную пользу, поскольку существует Промысл Божий — непрерывное действие Божие по отношению к миру. Имеют значение не только судьбоносные жизненные ситуации, но и обыденные, повседневные. «Внешнее наше — сток наших дел, их поприще, и вместе повод и поддержка — зарождение и окончание. Его можно бы оставить в покое, если б оно не воздействовало на нас обратно», — пишет свт. Феофан Затворник (2003, с. 233).

В рамках ситуационного подхода не сложилось единого мнения относительно способа характеристики ситуаций. Одним из распространенных подходов является дедуктивный подход, при котором для описания ситуации заранее разрабатывается или принимается известная схема характеристики. Возможно пошаговое моделирование ситуации. Модель жизненной ситуации — это описание ситуации по заранее избранной схеме. Так, разработаны модели ситуаций спорта

и игр (Argyle M., 1979), театра (Harré, H. Rom, & Secord, P. F., 1973), хирургической ситуации (Janis I. L., 1974). К описанию ситуации могут быть применены специально разработанные критерии, которые могут быть достаточно свободными, что приближает в определенной мере ситуационный анализ к идиографическому. Требуется значительный объем предварительной работы по анализу и систематизации научной литературы, в которой рассмотрены те или иные аспекты ситуации.

Структурный подход к анализу ситуаций предполагает выделение ее структурных элементов. Так, например, структурные аспекты ситуаций выделяет L. Pervin (1970), определяющий ситуацию как некий гештальт, характеризующийся сочетанием четырех компонентов — действующих лиц, осуществляемой ими деятельности, а также ее временем и местом. Для описания ситуаций возможно выделение ряда переменных среды (Moos R., 1973): экологические (например, особенности климата, географические, архитектурные, особенности места жительства); организационные (например, плотность населения, врачебный персонал, взаимоотношения «учитель — ученик»); поведенческая среда (behavioral settings) (например, школа, аптека, церковь, футбольное поле); особенности жителей (возраст, пол, способности, статус); воспринимаемый социальный климат (психосоциальные характеристики) (сущность и интенсивность межличностных отношений); функциональные особенности (подкрепление последствий определенного поведения в данной ситуации).

Содержательный подход также может опираться на различные критерии. Так, J. P. Forgas (1979) обращает внимание прежде всего на когнитивную репрезентацию имеющих место социальных интеракций. Другая классификация подходов к анализу ситуаций, предложенная D. Magnusson, может включать в себя следующие аспекты: 1) анализ особенностей восприятия ситуаций; 2) анализ мотивационной стороны; 3) анализ реакций на ситуацию. Таким образом, становится ясно, что в работах, опирающихся на понятия «субъективной ситуации», «интерпретации ситуации», «субъективности ситуации», а также в какой-то мере «ситуации как когнитивных конструкторов», «установки», «значимой ситуации», «личностного смысла» подразумевается именно перцептивный аспект ситуаций, если последние понимать как элементы среды (Магнуссон Д., 1983). Таким образом снимается кажущееся противоречие между двумя основными подходами к определению понятия «ситуация».

В связи с данной проблематикой в современной зарубежной психологии наиболее изучен вопрос о стратегиях совладания с жизненными трудностями, что связано с запросами практики (Муздыбаев К., 1988).

Трудная ситуация часто вынуждает человека принимать неординарные решения, прилагать необычные усилия, которые могут быть успешными, а могут и не дать желаемого результата. Роль личности в процессе отбора и использования стратегий совладания с трудностями настолько велика, что само понятие совладания с жизненными трудностями трактуется как одно из свойств личности. Кроме того, оно может быть понято и как процесс управления ресурсами, как мобилизация ресурсов личности и среды, а также их оптимального использования.

Особую роль играют в жизнедеятельности человека радостные события. Они так же, как и трудные, могут быть проблемными, и также «проявлять» личность. На этот широкий и пока почти не изученный класс ситуаций пока обращается внимание достаточно редко (Lazarus R., 1977; Рейнуотер Дж., 1993). Л. И. Анцыферова (1993) отмечает, что счастливые события обладают не менее проблемным характером, чем неприятные, однако в психологии пока не разработаны как понятия, так и средства анализа поведения человека в радости, его «солнечной стороны жизни». Ф. В. Василюк (1984) также отмечает, что переживание как особая форма деятельности по восстановлению душевного равновесия и «производству смысла» имеет место не только в ситуации неудачи, но также и в ситуации успеха. Можно согласиться с тем, что далеко не во всех позитивных ситуациях человек производит внутренние усилия и проявляет активность. В наших исследованиях было показано, что в ситуациях со знаком «+» личность проявляется не столь ярко, как в ситуациях со знаком «-», очевидно, что она раскрывается не во всей своей глубине (Коржова Е. Ю., 2006).

Психология не обошла вниманием вопрос о том, как человек пытается придать обстоятельствам позитивное значение. К. Муздыбаев (1988) упоминает о том, что при несомненном уменьшении дистресса и эмоциональном приспособлении к стрессу такой, во многом искусственный, перенос внимания может отвлечь от решения конкретной проблемы. Поэтому такая стратегия совладания не слишком эффективна. Действительно, без внутренней переработки жизненных трудностей никакие «внешние», «искусственные» приемы не могут привести к существенному изменению личности — единственной эффективной «стратегии совладания».

Несмотря на достаточный опыт ситуационных исследований, лицо неопределенность научных взглядов, при очевидной широте исследовательского поля явна его нечеткость. При этом так пока и не преодолены многомерность и расплывчатость предметного поля; не всегда плодотворно стремление к преодолению взгляда на человека как замкнутое целое. Новизна многих терминов и создание оригинальных

методик сочетаются с их редким использованием. Объединяющим началом в таких исследованиях становится личность, несомненный центр внутреннего мира и регулятор связей человека с миром, в котором он пребывает. В самом общем плане жизненный путь может быть понят как цепочка взаимодействий личности с жизненными ситуациями.

Проблема соотношения человека и его ситуации традиционно ставится как вопрос о преимущественной детерминации поведения человека субъективными или объективными факторами предполагает ответ о том, есть ли во внутреннем мире человека нечто устойчивое, относительно неподвластное внешним воздействиям? Начало дискуссии положил W. Mischel вошедшим в историю так называемым «вызовом 1968 года», усомнившись в достоверности психометрических данных. Широкую известность приобрела многолетняя дискуссия между «персонологами» и «ситуацианистами», зачинщиком которой он выступил, руководя лагерем «ситуацианистов». В дальнейшем же он стал приближаться к интеракционистской позиции (Mischel W., 1984).

W. Mischel первоначально увлекался теорией Z. Freud (в Вене их дома стояли рядом), однако в дальнейшем его более привлекли позиции J. Rotter и J. Kelly, у которых он учился в Университете Огайо. В результате W. Mischel утвердился в мнении о том, что когнитивные и ситуационные предпосылки поведения более важны для понимания личности, чем знания о ее чертах, выводимых из поведения. Долгие годы совместной работы с A. Bandura в Стэнфордском университете способствовали сближению их взглядов, которые сегодня можно отнести к социально-когнитивной теории личности.

Персонологи, между тем, утверждали, что в поведении преобладающая роль отводится личностным факторам, и поэтому высказывались в пользу постоянства поведения в различных социальных ситуациях. Ситуационисты полагали, что поведение ситуационно специфично. Этой точки зрения придерживался первоначально и сам W. Mischel. Впоследствии он пересмотрел свои взгляды в пользу личностно-ситуационного взаимодействия. Возможно, одной из причин разногласий явилось различие в исследовательских подходах. Персонологи проводили исследования, «вооружась» корреляционным анализом, преимущественно лиц, отклоняющихся от среднестатистического испытуемого. Ситуационисты с помощью экспериментальных методик изучали преимущественно обычных, «средних», испытуемых. В настоящее время психологи склонны придерживаться модели личностно-ситуационного взаимодействия. В наиболее общем виде эта позиция представлена N. Endler, D. Magnusson (1976):

1. Поведение является функцией непрерывного процесса взаимодействия (interaction) личности и ситуации.

2. Личность в этом интерактивном процессе выступает в качестве активного, целенаправленно действующего субъекта.

3. Существенными личностными детерминантами поведения являются когнитивные и мотивационные особенности.

4. Существенными ситуационными детерминантами поведения являются психологические значения ситуации.

А. В. Махнач (1995), проводя анализ проблемы соотношения динамических психических состояний и стабильных черт личности, показывает, что повторяющиеся часто личностные качества можно рассматривать в качестве черт. В понятии «черта» происходит фиксация интегральной диспозиционной стратегии поведения. Качества, возникающие редко, случайно, относятся к понятию «психическое состояние». Многочисленные исследования в этой области свидетельствуют о том, что максимальный коэффициент корреляции между индивидуально-психологическими особенностями и поведением человека в новой ситуации равен 0,3 (например, эту цифру приводят L. Ross, D. Nisbett (1999)). Далеко не всегда возможно предсказать поведение человека в новой для него ситуации, исходя из его личностных качеств. Но человек — существо весьма самонадеянное: обычно люди думают, что могут предсказать поведение других. В этом проявляется феномен обыденного диспозиционизма: в обыденном сознании мы пытаемся объяснить поведение другого человека, исходя из его личностных качеств. Эта фундаментальная ошибка атрибуции в определенной мере может быть объяснена рассматриваемой Ю. Н. Емельяновым склонностью личности приписывать другим более высокий уровень самоидентификации, чем себе, считая себя более дезинтегрированным. Более последовательное поведение других, чем свое собственное, Ю. Н. Емельянов объясняет скрытостью эмоциональных и когнитивных процессов других людей от тех, кто за ними наблюдает (Емельянов Ю. Н., 1987).

Исследования ситуационной специфичности показывают, что, в целом, поведение, действительно, является функцией взаимодействия личности и среды, причем обе переменные изменяют свои характеристики. Тем не менее, L. A. Pervin (1970) показывает, что изменения поведения в разных ситуациях не обязательно означают личностные изменения. Причины этого таковы:

1. Выявленные изменения поведения могут быть в большей степени результатом применения ненадежного теста, нежели влияния ситуационных факторов.

2. Необходимо учитывать особенности выборки испытуемых. Так, возраст сильно влияет на результаты обследования.

3. Личностные характеристики могут быть прежними, но проявляться в другой форме.

4. Некоторые лица более стабильны в поведении, другие — менее.

L. A. Pervin для иллюстрации своих положений ссылается на собственное исследование проблемы удовлетворенности, в котором было показано, что люди, любящие себя, удовлетворены своей работой, и наоборот. С этими выводами согласуются результаты работы S. Rudin, R. Stagner (1958), согласно которым полнезависимые испытуемые больше подвержены личностным изменениям в различных ситуациях, чем полнезависимые. Отсюда возможен вывод о том, что вариабельность фактически сама по себе может служить личностной характеристикой: у одних людей личностные черты больше подвержены изменениям, чем у других. Поэтому методологически неверно говорить о вероятном постоянстве, поскольку можно упустить из виду важные аспекты индивидуальных различий. Кроме того, каждому индивиду свойственна некоторая стабильность. Причем одна и та же черта у одного индивида может быть стабильной, а у другого — нет. Так, ригидность проявлялась у испытуемых не во всех ситуациях. На ее проявление значительное влияние оказывали пол и возраст испытуемых. Еще один постулат L. A. Pervin — о существовании вариаций и среди ситуаций. Одни ситуации влияют сильнее, другие — слабее. В неструктурированной ситуации больше свободы выбора, чем в структурированной. Влияние новой среды зависит от степени ее отличия от первой. В наиболее яркой степени положение о различном влиянии жизненных ситуаций отразилось в гипотезе W. Mischel (1984; 2007) о так называемых «сильных» и «слабых» ситуациях.

*Стабильность личностных черт в биографическом масштабе.*

Личностные изменения изучаются в разных жизненных ситуациях. Показано, что индивиды различаются по восприятию жизненных изменений. Тем не менее, некоторые изменения (например, брак) в среднем воспринимаются более позитивно, чем другие (например, развод). Кроме того, варьирует степень воздействия жизненных изменений на индивида (например, женитьба или экзамены). Одни жизненные изменения изменяют и личность, другие — нет, т. к. личность справляется с ними в краткий срок. Жизненные изменения, ограниченные во времени, часто приводят к существенному изменению течения всей жизни. Лонгитюдные исследования взрослых и детей C. G. West, G. Graciano (1989) показали:

1. Чем длиннее интервал между двумя лонгитюдными исследованиями, тем ниже стабильность личности.

2. У взрослых коэффициент стабильности выше, чем у детей, при сравнимых временных интервалах.

3. Личностные черты различаются по степени стабильности. Интеллект наиболее стабилен, менее стабильны базовые личностные черты (невротизм — эмоциональная стабильность, экстраверсия — интроверсия), а черты, относящиеся к сфере «Я» (самоуважение и т. д.) гораздо более нестабильны.

4. Процессы взросления, старения влияют на коэффициент стабильности.

5. Применение различного измерительного инструментария также влияет на коэффициент стабильности.

При определении адаптации личности на протяжении жизненного пути взаимоотношения личности и ситуации рассматриваются сейчас также как сложное взаимодействие (считается, что ни личность, ни ситуация не существуют сами по себе). Имеются в виду оптимальные уровни взаимодействия со средой. В настоящее время такое понимание адаптации, в отличие от отношения к ней как к простому приспособлению, приобретает все больше сторонников. Еще J. Piaget показал, что существует сочетание аккомодации как преобразования среды и ассимиляции как усвоения правил среды. И. Б. Дерманова (2004), рассматривая реализацию предрасположенности к определенному типу адаптации людьми с различными психологическими типами (по С. Jung), в дополнение к этим двум основным адаптационным типам выделяет третий — это уход из среды, как в физической, так и в эмоциональной форме.

*Современное состояние проблемы личностно-ситуационного детерминизма поведения.*

В ходе дискуссий было проведено много эмпирических исследований, разработано немало диагностических процедур. В настоящее время наблюдается любопытная тенденция к укреплению позиции персонологов, которые, подобно W. Mischel, положившего начало дискуссии о соотношении роли личности и ситуации, отказался от позиций радикального ситуационизма в пользу интеракционистской перспективы. Личностные черты могут быть поняты как условные возможности, которые частное действие реализует в частной средовой ситуации. В когнитивно-аффективной теории предсказания поведения W. Mischel согласно основному постулату («обусловленной модели влияния личностной диспозиции»), поведение определяется не чертами личности, а тем, как человек воспринимает себя в конкретной ситуации. Каждый человек

обладает рядом когнитивно-аффективных единиц — фактически всех характеристик, которые могут выступать в качестве причины определенного способа взаимодействия со средой («схемы варьирования»). Среди них наиболее стабильны когнитивные компоненты — собственные версии реального мира. Система регуляции позволяет согласовать поведение с целями и ценностями. Цели связаны со способностью предвидеть будущее. Цели позволяют выбирать ситуации, устанавливая приоритеты, не поддаваться различным ситуативным влияниям.

W. Mischel в качестве способа взаимосвязи внутриспсихической организации и внешнего мира выделяет схему варьирования поведения, которую он назвал «личным автографом» (Mischel W., Shoda Y., Ayduk O., 2007). Это способ варьирования собственного поведения в разных ситуациях, остающийся неизменным, стабильным даже при изменении поведения. В соответствии с выделенным W. Mischel «парадоксом последовательности», человеку присуще верить в последовательность поведения благодаря наличию устойчивых черт, тогда как в действительности это совсем не так.

С точки зрения W. Mischel, поведение не имеет жесткой связи с чертами личности. Главное — взаимодействие личностных и ситуационных переменных, что и отражается в понятии личного автографа. При такой позиции исчезает кажущаяся непоследовательность поведения. Действительно, поведение в разных ситуациях не остается постоянным, изменяется, но всегда одним и тем же способом. W. Mischel полагает, что поведение возможно объяснить, используя категорию взаимодействия между человеком и его окружением, и рассматривает поведение как процесс реализации восприятия себя в конкретной ситуации. Поведение определяется взаимодействием когнитивно-аффективных единиц и ситуативных переменных. Человек реагирует на ситуацию, и в то же время влияет на нее.

Предпринимаются попытки придерживаться в исследованиях личности принципа «компонентной перспективы», согласно которому поведение является функцией личности, ситуации и их взаимодействия. Для современных личностно-ситуационных исследований характерен в определенной мере возврат к пониманию личности как к набору черт, хотя и укладывающихся в иерархические схемы соотношения личностных черт и ситуаций, которые выстраиваются в результате применения статистических методов (Murtha T., Kanfer R., Ackerman P., 1996; Reeder G. D., 1993).

С опорой на достижения в этой области и на авторский многолетний опыт исследований, в концепции человека как субъекта жизнедеятельности и жизненного пути личности нами осуществлена интеграция

ситуационного, субъектного и личностного подходов (Коржова Е. Ю., 2006; 2016; 2017). Жизненный путь в таком ракурсе — это результирующая взаимодействия человека с жизненными ситуациями. В этом взаимодействии отдельно может рассматриваться феномен жизненной ситуации (само понятие, описание и классификация жизненных ситуаций), а также человек в жизненной ситуации. В последнем случае выделяется субъективный аспект их взаимодействия (осмысление отдельных ситуаций и внутренняя (субъективная) картина жизненного пути), а также объективный аспект (поведение и его стратегии), а, кроме того, жизненные ориентации, указывающие направление взаимодействия. Наконец, феномены взаимодействия человека с жизненными ситуациями интегрируются в жизненном пути личности.

По отношению к психологическому изучению семьи в рамках ситуационного подхода можно выделить такие его аспекты: исследование семейной ситуации как таковой; субъективный аспект взаимодействия человека с семейной ситуацией; объективный аспект взаимодействия человека с жизненной ситуацией.

При анализе семейной ситуации как таковой предполагается изучение прежде всего структуры семьи. Так, С. И. Голод (1998) в качестве структуры семьи рассмотрел отношения кровного родства, порождения и свойства. Им рассмотрены типы семьи — патриархальный, детоцентристский и супружеский. В качестве альтернативных моделей семьи названы внебрачные семьи (неполная и материнская), альтернативные семейные стили (фактические браки, «последовательная полигамия» и семья с неродными родителями) и альтернативные моногамным браки. Д. Фримен (2001) в структуре семьи выделяет четыре основные группы подсистем. Первая состоит из отдельных людей — членов семьи, вторая образована диадой муж-жена, третья — сиблингами, четвертая — диадами родитель-ребенок. Д. Фримен полагает, что удовлетворение потребностей семейных подсистем обеспечивается хорошо сбалансированной семейной системой (Фримен Д., 2001).

В. Н. Дружинин (2000) включает в структуру семьи членов семьи в качестве элементов, а также отношения между ними — доминирования-подчинения (власти), ответственности и эмоциональной близости. Структура отношений характеризует позиции и роли членов семьи. Структура реальной семьи определяется нормативной моделью, порождаемой каждой культурой. Например, для российской культуры более характерны эмоциональная близость и поддержка, чем контроль за соблюдением поведенческих норм. Предлагаются две ортогональные шкалы, задающие основания для исследователя, — «нормальная семья — реальная семья» и «идеальная семья — аномальная семья». Выполнение

семейных функций также характеризует семейную ситуацию. F. Feldman, F. Sherz (1967) называют следующие основные функции семьи: 1. Защитная — обеспечение выживания и защита членов семьи от внешних повреждающих факторов. 2. Репродуктивная — продолжение рода и воспитание детей. 3. Конформная — забота членов семьи друг о друге, создание и поддержание эмоциональных связей между собой. 4. Развивающая — создание эмоциональных, экономических, социальных и физических предпосылок для развития семьи. 5. Контролирующая — обеспечение социального контроля за поведением членов семьи.

Анализ взаимодействия с семейной ситуацией предполагает: а) его субъективный аспект; б) объективный аспект.

### **I. Субъективный аспект.**

С. И. Голод (1998) приводит данные массовых социологических опросов, согласно которым семья неизменно занимает первое место в иерархии сфер жизнедеятельности. Значимость семьи может быть рассмотрена с позиций психологии, что позволит «вскрыть» подоплеку индивидуально-психологических различий. В разработанной нами проективной экспрессивной методике «Психологическая автобиография» среди содержательных показателей можно обратиться к виду событий видов «родительская семья», «брак» и «дети», в соответствии с модифицированной нами классификацией R. H. Reese, M. A. Smyer (1983). Она дает возможность провести подробный содержательный анализ и побуждает исследователя к тщательному выяснению того, что стоит за каждым указываемым испытуемым событием, для которого определяются тип и вид (Коржова Е. Ю., 2002; 2015). К типам событий относятся разнородные события разных видов. В выборках соматически здоровых лиц (в различных наших исследованиях) события, связанные с детьми, занимают второе место по частоте встречаемости во внутренней картине жизненного пути, что характеризует их высокую значимость. События в родительской семье наряду с событиями на работе занимают третье место по значимости, события вида «брак» — четвертое место. Вообще же для мужчин события, связанные с семейной сферой, менее значимы, чем для женщин. Особенно это относится к виду «дети» (достоверность различий между выборками достигает уровня  $p < 0,001$ ). Если обратиться к возрастным различиям, то можно отметить, что для более молодых больше значимы события вида «брак», а для лиц более старшего возраста — «родительская семья».

При различных соматических заболеваниях (острый инфаркт миокарда, приобретенный порок сердца, хронический пиелонефрит) в целом сужается круг значимых переживаний и, соответственно, уменьшается событийная наполненность внутренней картины жизненного пути.

Однако «вес» событий, связанных с рождением и воспитанием детей, остается почти неизменным, в отличие, например, от событий, связанных с профессиональной деятельностью. Высоким остается и вес событий вида «брак» и «родительская семья» (Коржова Е. Ю., 1994). Таким образом, семья остается высокозначимой жизненной сферой при соматическом заболевании и играет роль психологической опоры в борьбе с болезнью. Например, при более тяжелом пороке сердца ревматической этиологии отмечается большая ориентация на прошедшие события, связанные с семьей. Аналогичную закономерность можно отметить и по отношению к длительно болеющим (Коржова Е. Ю., 2005).

В каузометрических исследованиях А. А. Кроника субъективной картины жизненного пути (1987) рассматривалась частота отнесения события к той или иной жизненной сфере. Каждое четвертое-пятое событие относилось к переменам в семье наравне с переменами на работе (для сравнения: каждое третье событие — изменение во внутреннем мире, каждое десятое — в сфере досуга; наиболее редкие события — изменения в здоровье, обществе и природе). То есть, события семейной жизни достаточно часто встречаются в субъективной картине жизненного пути. При анализе устойчивости событий в лонгитюдном исследовании (с интервалом опроса 4 года) было выявлено, что чаще всего «сохраняются» события семейной жизни, а также изменения в природе. Высокую устойчивость событий семейной жизни А. А. Кроник объясняет их наиболее тесной связью с жизнью значимых других, а именно, тем, что такие события являются фактом их биографии и продуктом совместного творчества. Эти события находятся в центре многих событийных групп. Устойчивость в субъективной картине жизненного пути перемен в природе, при их довольно редкой встречаемости, объясняется их необычностью и, в силу этого, хорошей запоминаемостью.

Рассматривая устойчивость событий при определении ретестовой надежности методики (интервал ретеста 4 месяца), было установлено, что достаточно надежен «вес» событий в родительской семье и событий, связанных с браком (коэффициент ретестовой надежности 0,71 и 0,65 соответственно). Эти данные согласуются с представленными ранее А. А. Кроником, несмотря на иной интервал ретеста и другую исследовательскую процедуру. События, связанные с детьми, отличаются более низкой устойчивостью (коэффициент ретестовой надежности равен 0,56). Как показало исследование конструктивной валидности методики, этот вид событий многопланов по своей природе, что отразилось в значимых корреляционных связях с показателями других методик, таких как управляемость жизнью, осмысленность жизни, самоуважение, отраженное самоотношение, самооценочность; взгляд на природу человека; многие

показатели локуса контроля; показатель разницы между психологическим и хронологическим возрастом (т. е. насколько человек считает себя психологически старше по сравнению с реальным хронологическим возрастом) и т. д. Все связи положительны, что дает основание заключить: значимые отношения к детям позитивно влияют на осмысленность жизни, формирование положительной самооценки и положительной оценки человеческой природы (очевидно, люди, для которых очень важны отношения с детьми, видят ребенка и во взрослом человеке). М. Argyle (1996) показал, что наличие детей оказывает положительное воздействие на соматическое и психическое здоровье, не только повышая стрессоустойчивость, но и увеличивая продолжительность жизни родителей.

Много значимых связей с показателями разных методик обнаруживает «вес» событий в родительской семье. Человек, для которого важна эта сфера отношений, характеризуется чувством «хозяина» жизни, имеет осмысленные цели, гармоничный внутренний мир, позитивно относится к человеческой сущности, испытывает чувство ответственности за свою жизнь, в том числе в сфере межличностных отношений. Потребность в родительской любви — самая сильная и продолжительная из всех человеческих потребностей (Спиваковская А. С., 2000).

«Вес» событий «брак» связан только с показателями локуса контроля и характеризует ответственное отношение к жизни.

Анализируя значимые события, следует учитывать целый ряд других показателей. Так, события прошлого более связаны с особенностями самоактуализации, а будущего — с самоотношением; радостные события обуславливаются рядом индивидуально-психологических особенностей, тогда как грустные — недавно происшедшими реальными жизненными изменениями. Продуктивность воспроизведения событий зависит от того, присуще ли данному человеку предвосхищение положительного отношения со стороны других людей и есть ли у него внутренний конфликт.

Событийная наполненность внутренней картины жизненного пути — интериоризованная субъектность — одна из важнейших характеристик проявлений субъектности в жизненных ситуациях (Коржова Е. Ю., 2002). Различия между разными типами субъект-объектных ориентаций в значимости для них семейных ситуаций определяются прежде всего общими характеристиками осмысления жизненных ситуаций.

В одномерной типологии в континууме жизненной пассивности-активности выделяются субъектная и объектная ориентации. В целом, субъектно-ориентированные характеризуются достоверно большим количеством и «весом» событий как прошлого, так и будущего, харак-

теризуясь более широким кругом значимых переживаний. Внутренняя картина жизненного пути объектно-ориентированных строится по принципу самосохранения посредством максимального «ограждения себя от событий» — в социальной среде, во внутреннем мире, в меньшей степени в физической среде, в среде организма. Внутреннюю картину жизненного пути субъектно-ориентированных можно рассматривать как открытую миру и себе самому гетеростатическую систему («растение», «река»), а внутреннюю картину жизнедеятельности объектно-ориентированных как гомеостатическую («улитка», «скорлупа»). Внутренняя картина жизнедеятельности субъектно-ориентированных имеет тенденцию развиваться, а объектно-ориентированных — «свиваться».

В двухмерной типологии субъект-объектных ориентаций выделяются следующие типы: преобразователь жизненной ситуации (адаптирующий интернальный), гармонизатор жизненной ситуации (адаптирующий экстернальный), пользователь жизненной ситуации (адаптивный интернальный) и потребитель жизненной ситуации (адаптивный экстернальный). Типы, близкие по выраженности творческой направленности (преобразователь и гармонизатор; пользователь и потребитель), сходны по глубине анализа своей жизни. У преобразователя и гармонизатора отмечается более глубокое осмысление жизни, проявляющееся в более событийно-насыщенной внутренней картине жизненного пути, чем у пользователя и потребителя. Типы, близкие по выраженности транситуационного локуса контроля, сходны по эмоциональной окраске жизненных переживаний (радостной у преобразователя и пользователя; грустной у гармонизатора и потребителя).

## **II. Объективный аспект.**

Помимо внутренней картины жизненного пути, важнейшей характеристикой проявления субъектности является выбор стратегий поведения — экстериоризированная субъектность. Ее особенности у представителей разных типов субъект-объектных ориентаций могут быть рассмотрены на материале мировой художественной литературы, представляющей многомерные описания жизненного пути литературных персонажей (Коржова Е. Ю., 2004; 2015). Стратегии поведения в семейных ситуациях возможно выделить и на основании анализа творчества одного писателя при условии его обращения к описанию разных типов.

Яркие представители субъектной ориентации (ее воплощением является в двухмерной типологии преобразователь жизненной ситуации) при взаимодействии с жизненной ситуацией ориентируются на свой собственный внутренний мир, свое «Я». По отношению к семейным ситуациям это выражается в свободном обращении с семейными традициями, постоянным выходом за их рамки (завязывание любовных

отношений, ведущих к браку, прекращение брачных отношений по своей инициативе, поиск нового партнера при наличии уже тяготящей семьи и др.). Энергичные, смелые, оригинальные, неординарные натуры, в своем «безграничном творчестве» они могут, не замечая того, становиться причиной горьких переживаний «оставленных» и «пренебрегаемых».

Полной противоположностью преобразователям являются потребители жизненной ситуации (воплощение объектной ориентации), управляемые ею, в поведении которых, как и во внутренней картине жизненного пути, сильны гомеостатические тенденции. В зависимости от отношения к людям и нравственных качеств могут проявляться либо беззаветная преданность семье, полностью заполняющей внутренний мир, либо избегание семейных уз в попытке отгородиться от мира, либо циничное отношение к ним.

Гармонизатор жизненной ситуации отличается погруженностью в мир романтических переживаний, которые могут быть связаны с желанием создать семью или по крайней мере устойчивый союз. В целом, более созерцательный и менее активный, чем преобразователь, гармонизатор, тем не менее, в критические моменты своей жизни также способен на радикальные поступки (уход из семьи к любовному «объекту» либо его завоевывание независимо от наличия семьи у последнего).

Пользователь жизненной ситуации, для которого характерно функциональное отношение к людям, стремление извлечь выгоду, рассматривает заключение брака и семейную жизнь как удобное средство «устроиться» в жизни с комфортом. Семейные «спутники» рассматриваются как неизбежное «приложение» к нему.

Так называемая «ситуативно-целостная личность» представляет собой человека, полного противоречий при отсутствии выраженной жизненной ориентации. Его непоследовательность отражается в частой перемене отношения к членам своей семьи и к любовным «объектам» за ее пределами (более мужской вариант) либо в противоречивом отношении к созданию семьи, принятии и отмене решения под влиянием случайных обстоятельств (более женский вариант).

Те, кто преодолевает как «Я»-мотивы, так и власть жизненной ситуации, тяготеют к «внутренне-целостной личности» и способны к конструктивным решениям и поступкам.

Сходство выбора стратегий поведения типов субъект-объектных ориентаций в жизненных ситуациях при творческой направленности заключается в легкости преодоления семейных рамок, традиций и ограничений (преобразователь, гармонизатор); при приспособительной

направленности — в принятии семьи как важного средства упорядочения жизни (пользователь, потребитель); при высокой интернальности — в навязывании близким своего образа жизни (преобразователь, пользователь); при низкой интернальности — в жизни интересами близких (гармонизатор, потребитель). Противоречивость лиц с невыраженным типом субъект-объектных ориентаций «снимается» при личностном росте и проявляется в общей гармонизации личности и в налаживании и упрочении семейных отношений.

Семья предоставляет прекрасные возможности для личностного развития на пути к внутренне-целостной личности представителям любого типа субъект-объектных ориентаций в жизненных ситуациях: для типов с творческой направленностью — при соотношении своих «творческих порывов» со строгими семейными рамками; для типов с приспособительной направленностью — при актуализации творческого потенциала в сложных семейных обстоятельствах; для высокоинтернальных типов — при учете потребностей других членов семьи; для низкоинтернальных типов — при определении своей позиции в семье. Немаловажную роль в этом играет духовно-нравственная сфера и ее развитие.

На разных уровнях жизнедеятельности взаимодействие человека и жизненной ситуации направлено на решение разных задач. Это задачи поддержания здоровья, обеспечения целостности психического, самоидентификации личности, обеспечения адекватности поведения и в духовном росте. Итоговая цель при этом — жизнеобеспечение в целом. В зависимости от способа реализации взаимодействия с жизненной ситуацией человек по-разному реализует свой потенциал, в конечном счете человеческую сущность.

В связи с этим ситуационный подход неотъемлем от субъектного, позволяющего рассматривать феномены психологии человека сквозь призму внутренней активности, и, на его основе, личностного, в рамках которого акцент ставится на содержании внутренней активности (Интегративная психология жизненного пути, 2016).

## **1.2. Ситуационный подход в исследовании опекунской семьи**

В настоящее время ситуационный подход становится весьма актуальным направлением психологии, позволяя учесть внешние и внутренние обстоятельства жизнедеятельности человека в разных ее сферах.

В рамках ситуационного подхода показано, что для характеристики жизненной ситуации важны как ее объективные условия, так и их субъективное преломление в ее образе. Жизненная ситуация может быть рассмотрена как фрагмент внешней среды, наиболее значимый для субъекта, содержательно — ситуация личной жизни. Жизненное событие как наиболее значимая жизненная ситуация при этом в наибольшей мере преломляет субъектные и личностные свойства участника ситуации. Анализ опекунской семьи как особой жизненной ситуации дает возможность рассматривать эту важнейшую социальную проблему как в социальном, так и в личностном контексте, с учетом объективного и субъективного контекста функционирования семьи, а также субъектной позиции членов семьи. Обстоятельства принятия под опеку и субъектная активность лиц, вовлеченных в данные обстоятельства, в совокупности определяют общую характеристику жизненной ситуации опеки (Богомягкова О. Н., 2015; Бонкало Т. И., 2009; Кондратьева Н. И., 2008).

В настоящее время усиливается интерес со стороны общества к семьям, в которых устанавливается опека над детьми. К сожалению, это обусловлено увеличением числа детей, оставшихся без попечения родителей, в частности, социального сиротства (Winokur M. A., Holtan A., Batchelder K. E., 2018). Это отражается в росте научных исследований в этой области. Несомненно, семья предоставляет ребенку много возможностей для психического и личностного развития. В современном мире семья рассматривается как наиболее благоприятная среда для становления личности в детском и подростковом возрасте, что обуславливает распространение семейных форм жизнеустройства детей, оставшихся без попечения родителей. В настоящее время в России реализуются различные формы семейного жизнеустройства, которые могут классифицироваться по разным основаниям, в том числе по основанию наличия или отсутствия кровного родства между ребенком и лицами, принявшими опеку над ним. Эта классификация крайне важна для понимания психологических закономерностей развития детей в опекунских семьях, поскольку она предполагает учет специфических особенностей жизненной ситуации семей, оказавшихся в условиях кровной или некровной опеки.

Сиротство является одной из наиболее актуальных и острых проблем в современной России. Она выражается не только в увеличении количества детей, оставшихся без родительской опеки, но и в недостатке действенных способов решения этой проблемы для смягчения ее негативных последствий. Так, установлено, что дети-сироты подвергаются физическому насилию почти в два раза чаще (Волкова Е. Н., Волкова И. В.,

Исаева О. М., 2016). В настоящее время все большее количество детей теряют родительское попечение не из-за смерти родителей, а по социальным причинам. Таких детей относят к социальным сиротам, родители которых живы, но не хотят или не могут заботиться о них. Причинами такой ситуации могут быть лишение родительских прав, отказ от детей младенческого возраста; фактическое неосуществление заботы о своих детях, признание в установленном порядке родителей недееспособными, безвестно отсутствующими, находящимися их в местах лишения свободы и т. д.

Зарубежные исследователи приводят разрозненные данные по численности детей, оставшихся без семьи, по которым можно хотя бы приблизительно судить о масштабе проблемы. Американские авторы называют цифру 100 тыс. детей, которые ждут опекуна или усыновления в США (Thomas L. J., Scharp K. M., 2017), отдельно для Нью-Йорка эта цифра на 2007 год составляет 600 усыновленных детей на 6 тыс. ожидающих усыновления (DeCataldo K. R., Carroll K., 2007). Польские авторы называют цифру 20 тыс. детей, ждущих усыновления внутри своей страны или в другие страны (Knuiman S. R., Hoksbergen R., van Baag A., 2015). Долгое время приоритетным видом жизнеустройства детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей в России, было помещение их в детское воспитательное учреждение: приют, дом ребенка, детский дом, интернат. Такая практика активно пропагандировалась начиная с середины 30-х годов прошлого века, когда по идеологическим соображениям акцент ставился на ведущей роли коллектива в развитии личности, а детский дом признавался лучшей моделью воспитательно-образовательного учреждения для сирот.

По данным Минобрнауки РФ на 30 июня 2017 года, в федеральном банке данных числилось 54,5 тыс. детей-сирот, при этом, по данным на 2016 год в стране работает более 1,6 тыс. образовательных организаций для детей-сирот (детские дома, коррекционные детские дома, школы-интернаты). Ежегодно из детских домов России выпускаются около 26 тысяч воспитанников. По международным данным, около трети всех детей-сирот на земном шаре, проживающих в таких учреждениях, приходилось на долю России (Захарова Ж. А., 2008).

Отрицательное влияние отсутствия родительского попечения на общее развитие ребенка известно давно. Первое научно обоснованное исследование влияния условий жизни в сиротском учреждении на развитие и социализацию ребенка-сироты было проведено известным английским психиатром и психоаналитиком J. Bowlby, искавшим ответ на вопрос, как на психике растущего ребенка сказывается отрыв

от матери и других значимых близких взрослых, дефицит общения с ними (Боулби Дж., 2003).

Дальнейшие исследования детско-родительского взаимодействия таких ученых как R. Spitz, M. Klein, M. Mahler, A. Freud, D. Winnicott и др., открыли новые аспекты значимости продолжительных эмоциональных взаимоотношений с матерью или лицом, ее заменяющим, для психического развития ребенка. Эти работы имели большое значение для понимания того, как недостаток сформированности привязанности в раннем детстве вследствие материнской и эмоциональной депривации влияет на психическое и физическое благополучие в последующие годы жизни ребенка.

Отечественные исследования, проведенные в 80–90-х годах в России, подтвердили вывод о том, что социальная ситуация воспитания и развития детей-сирот в закрытых детских учреждениях практически всегда включает в себя факторы, тормозящие их психическое развитие. Одним из главных факторов была признана родительская и эмоциональная депривация, понимаемая как недостаточное удовлетворение основных психических потребностей. К депривации приводят: обезличенный тип воспитания; коллективный уход в виде частой смены ухаживающих за ребенком взрослых, когда ребенок оказывается не в состоянии сформировать «заместительную привязанность» из-за отсутствия постоянного ухаживающего лица, несущего персональную ответственность за конкретного ребенка; дефицит эмоционально-личностного общения; множественность социальных контактов при их содержательной обедненности. Все перечисленные характеристики среды создают предпосылки для установления нарушенной, ненадежной привязанности (Мухина В. С., 1989; Прихожан А. М., Толстых Н. Н., 2009). Современные исследователи последствий родительской и эмоциональной депривации в закрытых детских учреждениях описывают синдром сиротства. Этот синдром проявляется в том, что у детей-сирот развиваются специфические комплексы психологических свойств, отличающие воспитанников таких учреждений от растущих в семье ровесников. Данный синдром обнаруживает себя в замедленном темпе развития высших психических функций, феномене мозаичного развития, дисфункции эмоциональной сферы в виде депривационной депрессии и общей эмоциональной дефицитарности, нарушениях личностной структуры с формированием таких проявлений как снижение способности к установлению привязанности, низкая коммуникативная компетентность, комплекс неадаптивных защитных механизмов (Прихожан А. М., Толстых Н. Н., 2009).

С середины 90-х годов в России в соответствии с общемировой тенденцией начинается переориентация на создание и поддержку семейных форм устройства детей-сирот, что явилось ответом общества на признание права каждого ребенка на постоянную семью и дом. Политика социального обеспечения детей, оставшихся без родительского попечения, ориентированная на их семейное жизнеустройство, предполагает подход к таким детям не как к изолированным субъектам, а как к членам семейной системы. Исследователи отмечают, что движение в сторону воспитания детей, оставшихся без родительского попечения, родственниками является прямым следствием парадигмального сдвига в сторону семейно-центрированных практик заботы о детях. Воспитание в кровной семье рассматривается как «экологичная», ориентированная на интересы ребенка модель, поэтому во второй половине XX века родственные семьи как пространство для размещения детей, потерявших родительскую опеку, стали выбором многих стран мира (Vericker T., Macomber J., Geen R., 2008). Отечественный опыт устройства детей, оставшихся без родительской опеки, убедительно свидетельствует о том, что замещающая семья имеет больше возможностей для компенсации депривационных нарушений в развитии детей-сирот имеет, обеспечивая непрерывность, продолжительность, устойчивость воспитания и общения ребенка, создавая ощущение безопасности и защищенности, давая положительный опыт семейной жизни, пройти внутрисемейный процесс социализации (Захарова Ж. А., 2008).

Во всем мире растет число семей, обладающих статусом «замещающая семья» (Анисимова В. В., 2003; Бонкало Т. И., 2009; Боулби Дж., 2003). К этой категории семей относятся приемные семьи с разными формами договора (усыновление, опека и попечительство, патронат). В настоящее время по данным Роскомстата статус опекаемых и подопечных имеют более полумиллиона детей, из них в трети семей опекунами выступают кровные родственники. В Российской Федерации существуют службы (по данным статистики таких служб в среднем две на каждый субъект Российской Федерации), занимающиеся сопровождением опекунских семей, в том числе в психологическом аспекте. Однако программы сопровождения, в целом ориентированные на поддержку семей с приемными детьми, где накоплен огромный отечественный и зарубежный опыт, не всегда оказываются эффективными в психологическом сопровождении опекунских семей (Бессчетнова О. В., 2008).

В настоящее время в России изучены:

- ✓ психологические характеристики замещающей семьи (Бессчетнова О. В., 2008; Богомягкова О. Н., 2015; Иванова Г. Ф., 2017; Прихожан А. М., Толстых Н. Н., 2009; Махнач А. В., 2016);

- ✓ адаптация детей в приемных семьях (Белова Л. А., 2010; Прихожан А. М., Толстых Н. Н., 2009);
- ✓ социально-психологическое сопровождение замещающих семей (Ослон В. Н., 2006; Петрановская Л. В., 2012).
- ✓ психологическое здоровье детей из замещающих семей (Бессчетнова О. В., 2008; Захарова Ж. А., 2008).

Следует отметить, что в зарубежной и отечественной психологии чаще исследуются проблемы приемной семьи, принявшей ребенка из детских учреждений с целью создания специальных программ для подготовки приемных родителей и сопровождения таких семей (Мухина В. С., 1989; Ослон В. Н., 2006; Петрановская Л. В., 2012). Вместе с тем, замещающие семьи, где опекуном/попечителем становится один из родственников ребенка, практически не изучены, несмотря на то статус таких семей закреплен законодательно в Российской Федерации и постсоветском пространстве.

Так, законодательством Российской Федерации предусматривается регламент присвоения статуса ребенку, оказавшемуся в трудной жизненной ситуации и без попечения родителей, на основании которого принимается решение о его дальнейшем жизнеустройстве, которое может осуществляться в форме размещения такого ребенка в специальном учреждении для детей, оставшихся без родительского попечения (детские дома), учреждении социальной защиты населения или в замещающей семье. Замещающие семьи, в свою очередь, могут быть разных видов: усыновление/удочерение, приемная семья, опекунская семья, патронатная семья. В зависимости от вида замещающей семьи подопечный ребенок и взрослый обладают определенным статусом:

1. Усыновление/удочерение предполагает статус ребенка как родного, взрослого как родителя, обладающего всеми правами и обязанности в отношении ребенка. Традиционное закрытое усыновление означает, что биологический родитель не знает усыновителей, а документы ребенка меняются. При таком виде замещающей семьи сохраняется естественная ролевая структура семьи, в которой присутствуют основные родительские роли.

2. Приемная семья создается на основе договора между приемным родителем и органом опеки и попечительства, в котором прописываются сроки воспитания ребенка в приемной семье. Приемный родитель получает статус воспитателя, получает пособие и заработную плату.

3. Опека и попечительство осуществляются безвозмездно. Статус опекуна предполагает воспитание, образование, развитие опекаемого или подопечного. Ребенок имеет статус воспитуемого и сохраняет при-

надлежность к своей кровной семье. Родственники ребенка могут поддерживать с ним контакт.

4. Патронатные семьи предполагают помещение ребенка в семью на определенный срок от одного месяца до полугода и от полугода и более.

Отметим, что за рубежом существует другая нормативно-правовая база, регулирующая семейные отношения. Поэтому среди исследований замещающих семей преобладают исследования профессиональных замещающих семей, а опекунские семьи изучены крайне фрагментарно (Бессчетнова О. В., 2008; Ослон В. Н., 2006; Campbell J., Handy J., 2011).

Опека представляет собой семейную форму устройства детей, оставшихся без попечительства родителей, когда ребенок передается на воспитание иному лицу с правами близкими к родительскими. В России институт опеки и попечительства является одной из старейших форм устройства детей-сирот. Первые сведения об опеке встречаются еще в сборнике правовых норм Киевской Руси (Быкова О. Н., Склярова Т. В., 2007).

Опека существует в двух формах: родственная и неродственная опека. При родственной опеке опекунами становятся родственники ребенка или близкие для него лица, которые имеют первоочередное право принять детей в свои семьи. В подавляющем большинстве случаев это бабушки ребенка, в меньшем — тети (дяди), старшие братья и сестры сирот, дедушки. Преимущество кровнородственной опеки заключается в том, что дети все-таки воспитываются близкими для них людьми, что позволяет минимизировать психотравмирующую ситуацию, связанную с потерей семьи, обеспечивая постоянство связей и социальных контактов ребенка.

Неродственная опека, обычно устанавливается в случае, если не находится среди родственников человека, готового взять ребенка на воспитание, или ребенок не может быть усыновлен по каким-то причинам, или опека выступает первым шагом к последующему усыновлению. Как правило, до момента установления такой опеки у детей уже есть опыт пребывания в институциональных условиях.

Мотивы установления опеки в родственных и неродственных семьях различаются. У опекунов-родственников значительная доля мотивационной составляющей строится на отсутствии выбора, чувстве долга и социальной желательности, т. е. их мотивы не вполне соотносятся с интересами приемного ребенка. У опекунов-неродственников это более осознанный выбор, в котором, наряду с компенсаторной составляющей (как способ удовлетворить эмоциональные потребности, укрепить брак, совладать с чувствами неуспешности в связи с невозможностью иметь кровных детей) присутствует и альтруистическая мотивация

«помогающего взрослого»: желание сделать доброе дело, помочь ребенку, устранить жизненную несправедливость по отношению к сироте. В сочетании с мотивом «самоценность ребенка» такая мотивация может характеризоваться определенной ресурсностью, помогающей справиться с трудностями и проблемами, возникающими с ребенком (Иванова Г. Ф., 2017).

Зарубежными аналогами отечественных форм устройства являются, foster (public) care family (временная, приемная семья), guardian family — опекунская семья и adoptive family — усыновляющая семья. Зарубежные специалисты не разделяют усыновляющую (adoptive family) и опекунскую семью (guardian family), используя эти понятия как синонимичные. Анализ зарубежных исследований проблем устройства ребенка в опекунскую или усыновляющую семью позволяет выделить несколько аспектов, которые находятся в фокусе внимания исследователей<sup>1</sup>:

1. Жизненный опыт и личностные особенности подопечного ребенка, зачастую негативного плана (Goldman G. D., Ryan S. D., 2011; Rees C. A., Selwyn J., 2009; Tan T. X., Major D., Marn T., Na E., Jackson A. L., 2015).

2. Пред-усыновление — субъективные опыты и подготовка родителя (Edelstein S. B., Gonzalez A., Langley A. K., Waterman J., Paasivirta M., Paczkowski E., 2017; Eriksson, P., 2016; Leathers S. J., Spielfogel J. E., Gleeson J. P., Rolock N., 2012).

3. Усыновление — психическое развитие ребенка, проблемы контакта, включая тип привязанности (Juffer F., van den Dries L., Finet C., Vermeer H., 2015; Natsuaki, MN, Leve L. D., Harold G. T., Neiderhiser J. M., Shaw D. S., Ganiban J., Scaramella L. V., Reiss D., 2013; Raaska H., Lapinleimu H., Sinkkonen J., Salmivalli C., Matomaki J., Makipaa S., Elovainio M., 2012; Roben, C. K. P., Moore GA, Cole P. M., Molenaar P., Leve L. D., Shaw D. S., Reiss D., Neiderhiser J. M., 2015; Tan T. X., Kim E. S., Baggerly J., Mahoney E. E., Rice J., 2017).

4. Личностная идентичность усыновленного ребенка, открытость/ закрытость усыновления (Berry M., Dylla D. J. C., Barth R. P., Needell B., 1998; Neil E., 2012; Provencher, A. J., Kahn, N. E., Hansen, M. E., 2017; Wrobel G. M., AyersLopez S., Grotevant H. D., McRoy R. G., Friedrick M., 1996).

---

<sup>1</sup> Обзор форм семейного устройства: Коржова Е. Ю., Волкова Е. Н., Векилова С. А., Терешкина И. Б. Психология опекунской семьи в русле ситуационного подхода // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. 2018. № 187. С. 134–145.

5. Пост-усыновление — удовлетворенность субъектов, психологические критерии успешного усыновления (Pierrehumbert B., Muntean A., Tomita M., Ungureanu R., Habersaat S., 2011; Rees C. A., Selwyn J., 2009); факторы предикторы приводящие к отказу от усыновленного ребенка (Dellor E., Freisthler B., 2018).

6. Биологические родители детей, оставшихся без заботы родителей (Fravel D. L., McRoy R. G., Grotevant H. D., 2000; Roberts L., Meakings S., Forrester D., Smith A., Shelton K., 2017; Smeeton J., Boxall K., 2011). Особого внимания заслуживает проблема кровнородственной опеки, которая активно обсуждается зарубежными исследователями.

R. Geen (2004) подчеркивает, что для понимания сущности кровнородственной опеки как формы жизнеустройства детей, оставшихся без попечения родителей, существенное значение имеет отграничение ее от иных типов родственного ухода. В самом широком смысле кровнородственная опека — это любое жизненное устройство, в котором дети живут не со своими родителями (или одним из своих родителей), а с кем-то из родственников, осуществляющих уход и заботу о них. Такая форма заботы о детях далеко не всегда имеет официальные основания и часто осуществляется неформально, без каких бы то ни было юридических оснований, и в этих случаях общественная поддержка и контроль полностью отсутствуют, что актуализирует вопрос о качестве жизни опекаемых детей. Особенную остроту проблема неформальной родственной опеки приобретает в условиях социальной нестабильности, приводящей к росту социального сиротства.

Однако следует отметить, что неформальные практики опеки родственниками над детьми, чьи родители не осуществляют должного ухода за ними, не тождественны практикам нормативно регламентированного или «легитимного» опекунства, когда член семьи, принимающий обязанности по опеке ребенка, тем самым вступает в строго определенные отношения с государством, делегировавшим ему эти обязанности, и, соответственно, его ответственность за судьбу и благополучие опекаемого ребенка формально возрастает. То же касается и практик «дружеской опеки», когда роль опекуна берет на себя не кровный родственник, а друг семьи, которому небезразлична судьба ребенка, нуждающегося в уходе и заботе.

M. Testa (2017) отмечает, что ключевая проблема, связанная с неформальной родственной опекой, заключается в том, насколько устойчивыми будут эти отношения. По его мнению, в основе неформальной кровной опеки лежат два механизма: общинное участие, основанное на родстве, часто подкрепленное религиозной и/или этической принадлежностью, а также механизм встраивания опекаемого ребенка в иерархических

отношениях, в которых он обязан подчиняться старшему, обеспечивающему ему заботу и защиту. По мнению автора, в этих механизмах прослеживаются условия для возможного нарушения прав опекаемого ребенка, поскольку действующие в социальной общности или конкретной семейной системе правила часто имеют могут довольно существенно отличаться от нормативных моделей взаимодействия опекунов и опекаемых детей, закрепленных законодательно, прежде всего, в сторону предпочтения опекунами более авторитарных и менее гибких моделей воспитания. Все это в совокупности порождает озабоченность по поводу адекватности неформальных опекунских отношений, основанных на общинной или родственной солидарности удовлетворению потребностей детей, нуждающихся в опеке, в безопасности, постоянстве и благополучии, а также актуализирует проблему поддержания мотивации опекунов, которые неизбежно сталкиваются в повседневной жизни с трудностями, которые потенциально могут подорвать их желание продолжать поддерживать отношения опеки с ребенком.

Следует отметить, что ситуации неформальной кровнородственной опеки коренным образом отличаются от «легитимного» опекунства неувлеченностью границ распределения ответственности за благополучие ребенка между биологическими родителями ребенка и опекающими его лицами. Фактически термин «неформальная кровная опека» объединяет широкий диапазон семейных ситуаций, в которых иные, кроме родителей, родственники, в том или ином объеме осуществляют вклад в уход за ребенком и заботу о нем. Кровнородственное опекунство как юридически закрепленная форма жизнеустройства детей, оставшихся без попечения родителей, определяет возможность однозначного решения вопроса об ответственности, что, безусловно, делает семейную ситуацию значительно более определенной. Однако в связи с этим закономерно возникает вопрос о том, достаточно ли у опекунов, являющихся кровными родственниками ребенка, ресурсов для того, чтобы в полной мере обеспечить реализацию задач, сопряженных со статусом опекуна.

Анализируя социально-демографические характеристики семей кровнородственной опеки, R. Geen (2004) указывает на ряд особенностей, которые могут потенциально приводить к дефициту необходимых ресурсов.

Во-первых, среди таких особенностей необходимо отметить возраст опекунов. Кровные опекуны, как правило, старше, чем неродственные приемные родители, с существенной разницей в возрасте. Эти различия не удивительны, учитывая тот факт, что кровными опекунами в большинстве стран мира чаще всего становятся бабушки и дедушки. По данным R. Geen, количество кровных опекунов, чей возраст превы-

шает 60 лет, более чем в два раза превышает аналогичный показатель, фиксируемый среди опекунов, не связанных с опекаемыми детьми кровным родством. Кровные опекуны достоверно чаще сообщают о проблемах со здоровьем, примерно треть из них характеризуются ограничивающими возможностями заболеваниями или инвалидностью, которые обусловлены возрастом. Кроме того, кровные опекуны часто констатируют ухудшение здоровья после того, как они приняли на себя заботу о ребенке, и в большинстве случаев прямо связывают это с обязанностями, сопряженными со статусом опекуна.

Во-вторых, семьи кровнородственной опеки почти всегда имеют более низкий уровень доходов, в сравнении с семьями, в которых опекуны не являются родственниками ребенка. По разным данным, во всем мире за чертой бедности живет около трети семей кровной опеки (в сравнении примерно 10% семей неродственной опеки, имеющими аналогичный уровень дохода). Причины более низкого уровня доходов семей кровнородственной опеки могут быть связаны как с относительно низким уровнем образования опекунов в таких семьях, так и с тем, что кровные опекуны достоверно чаще являются одиночными (то есть не имеют поддержки в виде супруга или постоянного партнера), а также принимают под опеку большое количество детей (сиблингов), не соизмеряя его с уровнем своих доходов и ориентируясь, в первую очередь, на сохранение связей между братьями и сестрами.

Следует отметить, что в контексте проблемы материального обеспечения семей кровнородственной опеки можно наблюдать существенное противоречие между обязанностями семьи и государства в обеспечении воспитания детей, возникающее вокруг таких вопросов, как «Должно ли государство платить родственникам за то, что семья должна делать в любом случае?» и «Каковы обязанности государства и семей в отношении воспитания детей в целом и обязанности по уходу за членами своей семьи в частности?». В результате семьи кровнородственной опеки часто не получают должной финансовой поддержки и оказываются не в состоянии в полной мере удовлетворять потребности опекаемых детей (O'Brien V., 2012).

В-третьих, в дополнение к проблемам со здоровьем и социально-экономическим трудностям, кровные опекуны, в отличие от опекунов, не связанных с ребенком родственными связями, обычно не получают никакой предварительной подготовки в принятии на себя роли опекунов. Они могут не успеть морально подготовиться к своим новым ролям, причем это касается как бытовых вопросов (например, у них может не оказаться достаточного пространства, мебели или других предметов первой необходимости, связанные с ребенком), так и потенциальных

психологических трудностей. Поскольку большинство родственных опекунов являются бабушками и дедушками, они, как правило, не исполняли родительских обязанностей в течение некоторого времени и могут опасаться воспитания ребенка на этом этапе своей жизни, не чувствуя себя достаточно компетентными для того, чтобы подготовить ребенка к жизни в современных условиях.

Нельзя сбрасывать со счетов и тот факт, что дети, находящиеся под опекой кровных родственников, чаще всего получают статус оставшихся без попечения родителей вследствие установленных фактов жестокого обращения с ними или пренебрежения их потребностями со стороны биологической матери и/или отца, преимущественно сопряженных с употреблением алкоголя или наркотиков, и значительно реже — вследствие конфликта с родителями или поведенческих проблем. Кроме того, под опекой кровных родственников чаще других оказываются дети, чьи родители молоды и не состоят в браке. Другими словами, кровная опека часто возникает в обстоятельствах, которые могут быть с большой долей вероятности интерпретированы как «потеря семьей социального лица» или «воспитательная неудача» (применительно к биологическим родителям ребенка, оказавшегося под опекой). Это приводит к тому, что кровные опекуны, являющиеся родителями или родственниками биологических родителей ребенка, могут испытывать противоречивые чувства как в отношении себя самих в роли родственников, «причастных» к семейным неудачам и в той или иной степени несущих ответственность за них, так и в отношении опекаемого ребенка, на которого могут проецироваться проблемы, возникшие в семейном функционировании.

Таким образом, анализ ресурсов семей кровнородственной опеки показывает, что кровные опекуны часто находятся в противоречивой жизненной ситуации: с одной стороны, они обязаны обеспечивать такое же воспитание и поддержку детей, находящихся на их попечении, как и опекуны, которые не состоят с опекаемым ребенком в кровном родстве, но, с другой стороны, они объективно имеют меньше ресурсов для решения стоящих перед ними задач, что порождает особые, специфичные именно для семей кровнородственной опеки сложности в функционировании. Однако в то же время размещение детей, оставшихся без попечения родителей, в семьях кровнородственной опеки имеет некоторыми несомненные преимущества.

Так, V. O'Brien (2012), обобщая результаты исследований, посвященных кровной опеке, приводит подробную характеристику таких преимуществ. Важной особенностью предложенного ей подхода является взгляд на ситуацию по двум разным углам зрения: во-первых, как эта ситуация видится опекаемому ребенку, и, во-вторых, пони-

мают ли взрослые точку зрения ребенка, стремятся ли они к тем же целям, которые видит перед собой он. В числе преимуществ кровнородственной опеки V. O'Brien называет стабильность, благоприятные условия для формирования идентичности, поддержание контактов, безопасность и более благополучное, в сравнении с другими формами жизнеустройства, психическое и личностное функционирование опекаемого ребенка.

Стабильность жизненной ситуации ребенка, оставшегося без попечения родителей, в случае кровнородственной опеки связана с тем, что сохранение привычных семейных связей обеспечивает ребенку ощущение устойчивости, несмотря на перемены, объективно происходящие в его жизни. Отмечается, что стабильность, предполагающая непрерывность отношений, является необходимым условием развития детей, поддерживая в них ощущение защищенности и контроля над собственной жизнью.

С кровнородственной формой опеки связаны также более благоприятные возможности для формирования личности. Сохранение членства в кровной семье способствует формированию отношений, которые обеспечивают предпосылки для формирования идентичности. Это крайне важно, поскольку поиск ответов на вопросы «Кто Я?» и «Откуда Я?», занимающих центральное место в формировании идентичности, в значительной степени происходит в повседневной жизни, в семейных и общественных отношениях и контекстах. Немаловажным фактором здесь становится непрерывность культурного опыта, которая также вносит вклад в формирование идентичности опекаемого ребенка.

Еще одним преимуществом кровнородственной опеки является контакт, отражающий взаимное доверие в отношениях между членами семьи, их умение слышать друг друга и действовать в соответствии с общими интересами. Качественный контакт помогает опекунам принимать меры, которые отвечают интересам ребенка, не вступая при этом в противоречия с другими членами семьи. Дети, находящиеся под опекой родственников, имеют более регулярное и более «естественное» воспитание, релевантное их ожиданиям, сложившимся в предшествующем жизненном опыте. Кроме того, кровнородственная опека позволяет сохранять возможность контактов с другими родственниками, например, сиблингами и биологическими родителями, если они живы, и в более позднем возрасте у ребенка больше возможностей воссоединиться с ними, чем в случае, если он или она жизнеустроен(а) другим способом. Такая возможность возникает благодаря семейным ритуалам, связанным с жизнью, смертью и переходами, которые дают возможность воссоединиться в более естественной для семьи среде.

В качестве преимущества кровнородственной опеки предлагается также рассматривать безопасность, которую данная форма жизнеустройства может обеспечить ребенку, оставшемуся без попечения родителей, в большей степени, чем другие. Имеющаяся в разных странах статистика говорит о том, что дети, находящиеся под опекой в кровной семье, меньше рискуют стать жертвами насилия или пренебрежения их потребностями. В то же время, это преимущество кровнородственной опеки признается не всеми специалистами, многие из которых отмечают, что социальные службы, призванные курировать опекунские семьи, часто более лояльны и снисходительны к семьям кровной опеки, в сравнении с семьями, где между опекунами и детьми отсутствуют родственные связи, и это делает статистику не вполне адекватной реальной ситуации, в которой живет опекаемый ребенок. Отмеченная проблема «двойных стандартов» в оценке качества осуществления опекунами своих функций может приводить к тому, что дети, живущие в семьях кровной опеки, оказываются в худших, в сравнении с другими формами жизнеустройства, условиях жизни, в которых пренебрежение их потребностями может стать привычной и «естественной» стороной жизни.

«Двойные стандарты» оценки качества выполнения опекунской семьей своих обязанностей приводят к неоднозначной оценке и следующего преимущества кровной опеки, которое связано с меньшим, в сравнении с другими формами жизнеустройства, количеством поведенческих и личностных проблем у детей, воспитываемых кровными опекунами. Действительно, имеются данные о том, что у детей, находящихся под опекой кровных родственников, реже фиксируются поведенческие проблемы, а также они реже нуждаются в психиатрической помощи, в сравнении с детьми, которые живут в семьях опекунов, не связанных с ними кровным родством. Однако, возможно, что причина этой статистики кроется все в той же лояльности социальных служб, сопровождающих опекунские семьи, а также в своеобразном оптимизме кровных опекунов, которые склонны оценивать поведение опекаемых детей как менее проблемное, чем это сделали бы в аналогичных обстоятельствах неродственные опекуны.

Очевидно, что два последних пункта, характеризующих преимущества кровной опеки, носят неоднозначный характер и содержательно пересекаются с потенциальными трудностями, в которых может сталкиваться семья кровной опеки. Неоднозначность порождает вопрос о том, насколько продуктивна кровнородственная форма семейного жизнеустройства детей, оставшихся без попечения родителей, в сравнении с помещением детей в семьи, в которых они не связаны с опекунами кровным родством. Этот вопрос сегодня широко дискутируется

как в пространстве научных исследований, так и в различных сферах общественной жизни, связанных с проблемами жизнеустройства детей, не имеющих родительского попечения, и однозначного решения на сегодняшний день он не имеет.

Так, результаты многих исследований показывают, что наличие или отсутствие кровнородственных связей влияет на психологические особенности жизненной ситуации всех членов семьи и их взаимодействие. Если в семьях некровной опеки приемные родители могут испытывать трудности в принятии ребенка и установлении эмоционального контакта с ним (Асламазова Л. А., Мухамедрахимов Р. Ж., Вершинина Е. А., 2019), то в семьях кровной опеки многие позитивные факторы влияют на взаимодействие опекунов и опекаемых: поддержание контактов с членами кровной семьи; длительность семейного размещения и др., особенно при наличии значимых отношений между детьми и опекунами и до опеки. В качестве негативных факторов отмечают смешение семейных ролей, искажение образа ребенка в силу личностной вовлеченности в ситуацию, предшествующую опеке, а также большую подверженность опекунов стрессу, прежде всего, в силу их возраста.

Представляется, что в контексте психологического исследования целесообразно оказаться от поиска однозначного ответа на вопрос о том, какая форма опеки — кровная или некровная — лучше или хуже другой, но обратить внимание на то, что эти формы семейного жизнеустройства существенно различаются как контексты социализации опекаемых детей, предоставляя им качественно различающийся контекст становления личности и одновременно ставя перед ними принципиально разные адаптационные задачи. Как уже было отмечено выше, в рамках данной монографии в качестве методологической рамки для такого анализа применяются принципы ситуационного подхода.

Исследования, имеющиеся в отечественной и зарубежной литературе, свидетельствуют о том, что жизненная ситуация семей кровной и некровной опеки существенно различается. Так, показано, что семьи кровной и некровной опеки обладают разными ресурсами, обеспечивающими благоприятное становление личности ребенка. Если семьи кровной опеки обеспечивают стабильность жизненной ситуации ребенка, поддержание его контактов с родственниками (Hedin L., 2014) и тем самым в большей степени поддерживают последовательное и непротиворечивое формирование его идентичности (Nixon P., 2007), то в семьях, в которых опекаемый ребенок не связан с опекуном кровным родством, ребенок сталкивается с необходимостью трансформации представлений о себе и собственной жизни (Messing J., 2006), формирования новых жизненных перспектив (Рожкова Н. В., 2012), новой

семейной идентичности. С другой стороны, в семьях кровной опеки возрастает потенциал конфликтности в отношениях между опекаемым ребенком и опекуном, что обусловлено необходимостью трансформации системы отношений, сложившейся на предыдущих этапах функционирования семьи (Богомяткова О. Н., 2015), а также дисфункциональным влиянием утраты членов семьи или потери ими родительских прав, как правило, вследствие социально-порицаемых действий или образа жизни в целом (Олейник В. В., 2007; Осипова А. А., 2013). В семьях некровной опеки, напротив, вероятность ролевых конфликтов снижается, однако возрастает роль трудностей, связанных с необходимостью адаптации опекаемого ребенка к сложившейся в семье опекунов системе отношений и способов взаимодействия друг с другом и с детьми (Куфтяк Е. В., Тихонова И. В., 2008; Соломатина Г. Н., 2008).

Обобщение данных об особенностях жизненной ситуации семей кровной и некровной опеки, имеющих в психологической литературе, представлено в таблице 1.

Таблица 1.1

**Психологическая характеристика жизненной ситуации  
семей кровной и некровной опеки**

Ресурсы	Потенциальные трудности
Семья кровной опеки	
<ul style="list-style-type: none"> <li>• Поддержание стабильности жизненной ситуации</li> <li>• Поддержание контактов с кровными родственниками</li> <li>• Поддержание непрерывного и непротиворечивого формирования идентичности</li> </ul>	<ul style="list-style-type: none"> <li>• Смещение семейных ролей, затрудняющее выполнение опекуном родительских функций</li> <li>• Искажения образа ребенка, связанные с психотравмирующим опытом переживания опекуном утраты членов семьи (в физическом или социальном плане)</li> </ul>
Семья некровной опеки	
<ul style="list-style-type: none"> <li>• Включение ребенка в устойчивую систему детско-родительских отношений, обладающих относительной функциональностью</li> <li>• Отсутствие искажений образа ребенка у опекунов</li> </ul>	<ul style="list-style-type: none"> <li>• Необходимость формирования новых представлений о себе, своей жизни, новой семейной идентичности для ребенка</li> <li>• Несоответствие ожиданий ребенка, сформированных в прошлом опыте, способам взаимодействия, принятым в новой семье</li> </ul>

Отметим, что представления о различиях в жизненной ситуации семей кровной и некровной опеки, представленное выше, построено на основе обобщения результатов исследований, а также опыта практиче-

ской работы по сопровождению семей кровной и некровной опеки, и в нем находят отражение данные, полученные от разных субъектов — опекунов, специалистов, осуществляющих работу с такими семьями, что, безусловно, позволяет получить объективную и объемную характеристику жизненной ситуации опекунских семей.

Подводя промежуточные итоги, обозначим наиболее существенные различия семей кровной и некровной опеки, которые определяют качественную специфику их жизненной ситуации.

На сегодняшний день в психологической литературе описаны следующие особенности семей кровной опеки: ролевое смешение семейных ролей опекунов/попечителей, проявляющееся в том, что опекун/попечитель пытается выполнять ролевые функции отца и матери и одновременно свою семейную роль в соответствии с родственными отношениями (бабушка, тетя, сестра и т. д.); специфичность формирования образа опекаемого/подопечного ребенка в процессе его взросления: от образа маленького ребенка, нуждающегося в особой заботе и опеке, к образу подростка, сконцентрировавшего в себе все « пороки» биологических родителей. Искаженный образ ребенка влечет за собой изменения в родительских установках опекунов/попечителей и в их стилях взаимодействия с ребенком; специфические реакции опекунов/попечителей на трудности взаимодействия со своими опекаемыми/подопечными детьми в кризисные периоды их взросления, сопровождающиеся переживаниями травматической ситуации утраты родителей. В качестве примера такой реакции можно привести отказ опекуна от выполнения своих обязанностей, особенно в подростковый период ребенка (Богояжкова О. Н., 2015; Осипова А. А., 2013; Campbell J., Handy J., 2011; Smith G. C., Cichy K. E., Montoro-Rodriguez J., 2015).

Исследования показывают, что дети, воспитывающиеся даже в таких сложных семьях, более социально адаптированы, чем выпускники детских домов. Опекунская семья оказывает социально детерминированное позитивное личностно направленное влияние на особенности личностных отношении у подростков, лишенных родительского попечительства (к себе, к окружающим взрослым, одноклассникам, к учебной деятельности). Среди важнейших факторов, определяющих эффективность семейной опеки, исследователи называют возможность эмоционально-личностного характера детско-родительских отношений, постоянство и длительность воспитательных воздействий, приобщение детей к бытовой деятельности, расширение социального опыта.

Особое внимание уделяется особенностям функционирования опекунских семей. Именно с позиций системно-функционального подхода к психологическому анализу семейных отношений, наиболее

разработанного и принятого в отечественной психологии, чаще всего исследуются замещающие семьи (Бессчетнова О. В., 2008; Богомягкова О. Н., 2015; Захарова Ж. А., 2008; Прихожан А. М., Толстых Н. Н., 2009; Шульга Т. И., 2016). В логике этого подхода кровная опекунская семья рассматривается как дисфункциональная, поскольку в ней, по сути, отсутствуют люди, выполняющие родительские функции, в то время как семья некровной опеки, как правило, способна обеспечить «родительскую подструктуру» в полном или неполном объеме. Вместе с тем, очевидно, что в кровной опекунской семье существует иная структура семейных отношений (в сравнении с семьями с опекаемыми детьми, не связанными с опекунами кровным родством), и функциональность семьи может определяться не только фактическим наличием/отсутствием субъектов, традиционно выполняющих те или иные функции, а позицией опекунов и их психологическими ресурсами для реализации функций. Более того, опекунская кровная семья отличается от других типов замещающих семей по целому ряду структурных и функциональных параметров: смешение роли опекуна и других семейных ролей, сокращение психологических функций, реализуемых семьей, обеднение контекста семейной социализации ребенка и т. д. Это побуждает к созданию модели функционально-ролевой структуры семьи в контексте жизненной ситуации опекунства с учетом степени функциональности — дисфункциональности семейных отношений, которые, однако не являются единственным изменением для характеристики жизненной ситуации опекунской семьи.

\* \* \*

Опираясь на обзор исследований, в которых отражена психологическая проблематика семей кровной и некровной опеки, отметим, что в имеющихся к настоящему времени работах сформированы весомые предпосылки для трактовки кровной опеки как особой жизненной ситуации, однако отсутствует контекст жизненных обстоятельств, в которых происходит функционирование опекунской семьи. Между тем, ситуационный подход предоставляет ряд возможностей для целостного учета объективного и субъективного контекста функционирования семьи, а также субъектной позиции членов семьи. В рамках психологии жизненных ситуаций может быть выделена особая ситуация, что позволяет рассматривать проблему опекунской семьи в широком социальном контексте (стигматизация и т. д.), определить различные стороны взаимодействия человека с жизненными ситуациями. Жизненная ситуация при этом по форме предстает в качестве фрагмента внешней среды, наиболее значимого для субъекта, по-разному проявляющего активность.

По содержанию жизненная ситуация рассматривается как ситуация личной жизни (Коржова Е. Ю., 2006). Различие обстоятельств принятия под опеку служит предпосылкой различий в жизненных ситуациях опекунов и опекаемых в целом. Психология отношений направлена на уточнение многосторонних связей человека с миром и конкретизацию проявления субъектной включенности в жизненную ситуацию. Отношения проявляют субъектную позицию членов опекунских семей. Сочетание ситуативного и субъектного подхода в психологическом исследовании опекунских семей предоставляет возможность выявления меры и формы активности членов семьи в жизненной ситуации опеки. Именно эти теоретико-методологические предпосылки и были реализованы в нашем эмпирическом исследовании, в ходе которого были описаны особенности опекунской семьи в контексте методологии ситуационного подхода, а также сформулированы основания для разработки модели психолого-педагогического сопровождения опекунских семей, учитывающей ситуационный контекст их функционирования.

## Глава 2

# ЭМПИРИЧЕСКОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ ЖИЗНЕННОЙ СИТУАЦИИ ОПЕКУНСКОЙ СЕМЬИ: ПРОГРАММА ИССЛЕДОВАНИЯ, ХАРАКТЕРИСТИКА ВЫБОРКИ

### 2.1. Цель и задачи эмпирического исследования

Анализ психологических исследований, посвященных проблематике семейного функционирования опекунских семей, представленный в главе 1, определил цель эмпирического исследования, осуществленного в рамках проекта «Психология опекунской семьи: ситуационный подход». Цель исследования заключалась в изучении функционально-ролевой структуры опекунской семьи в контексте различных жизненных ситуаций.

В число исследовательских задач вошли:

- ✓ построение типологии жизненных ситуаций опекунской семьи;
- ✓ изучение характера взаимодействия опекунов и опекаемых с различными типами жизненных ситуаций опекунских семей;
- ✓ исследование проявления субъектных характеристик опекунов в способах взаимодействия опекунов с различными типами жизненных ситуаций;
- ✓ исследование особенностей взаимодействия опекунов/попечителей и опекаемых/подопечных в зависимости от типа жизненной ситуации;
- ✓ разработка и апробация модели сопровождения опекунской семьи.

### 2.2. Характеристика выборки

В исследовании, проведенном в 2018 г., приняли участие 229 пар «ребенок — опекун / мать / бабушка», в том числе 159 женщин-опекунов детей школьного возраста (7–17 лет) из Нижнего Новгорода и Санкт-Петербурга. Женский состав выборки объясняется тем, что в России законными опекунами, которые считаются ответственными за развитие ребенка, в основном становятся женщины.

В качестве критериев включения участников в исследование опекунских семей учитывались:

- 1) информированное согласие опекуна и ребенка на участие в исследовании;
- 2) юридически подтвержденная опека;
- 3) осведомленность ребенка об опеке;
- 4) отсутствие умственного расстройства у ребенка или опекуна, которые могут препятствовать пониманию вопросов

Критерии включения участников в группу сравнения предполагали учет следующих моментов:

- 1) информированное согласие родителя (бабушки) и ребенка на участие в исследовании;
- 2) совместное проживание с ребенком;
- 3) отсутствие умственного расстройства у ребенка или родителя (бабушки), которые могут препятствовать пониманию вопросов

В исследовании приняли участие 103 опекуна, которые не были кровными родственниками детей, и 56 опекунов, которые приходились опекаемым детям родными бабушками. В группу сравнения вошли 42 матери и их дети, а также 28 бабушек, проживающих совместно со своими внуками школьного возраста в составе расширенной семьи. Общие демографические данные представлены в таблице 2.1.

Таблица 2.1

### Характеристика выборки

Выборка		Семьи некров- ной опеки	Семья кров- ной опеки	Группа сравнения
Параметры сравнения				
Возраст женщины (лет)		48,47±8,27	61,40±7,03	39,81±5,65 (матери) 62,12±7,28 (бабушки)
Семейное положение	замужем	67,0%	56,3%	50,0%
	не замужем	33,0%	45,7%	50,0%
Возраст ребенка (лет)		12,05±2,69	12,20±2,62	11,31±2,26
Пол ребенка	мальчик	57,3%	68,7%	40,5%
	девочка	42,7%	31,3%	59,5%
Уровень дохо- дов семьи	низкий	24,3%	21,4%	9,5%
	средний	67,0%	73,2%	78,6%
	высокий	8,7%	5,4%	11,9%

В ходе исследования также учитывались следующие характеристики опекунских семей: опыт опекунства, получение опекунской надбавки, причина усыновления и участие биологических родителей в жизни детей. Соответствующие данные представлены в таблице 2.2.

Таблица 2.2

## Характеристика опекунских семей

Выборка		Семьи некровной опеки	Семьи кровной опеки
Параметры сравнения			
«Стаж» опеки (лет)		6,20±4,24	5,87±3,93
Наличие государственного пособия		81,6%	78,6%
Обстоятельства, обусловившие необходимость опеки над ребенком	смерть родителя/родителей	13,5%	42,9%
	лишение родителей родительских прав	75,9%	50,0%
	отказ родителей от родительских прав	10,6%	7,1%
Участие биологических родителей в жизни ребенка		5,8%	8,9%

Согласно данным, представленным в таблицах 2.1 и 2.2, семьи кровной и некровной опеки находятся в условиях, сопоставимых друг с другом. В обеих выборках опекунов примерно 80% опекунов получают финансовую поддержку от государства, и семьи имеют средний уровень дохода (от 11 000 до 33 000 руб. на одного члена семьи, в соответствии с данными на 2018 г.). В большинстве случаев биологические родители не участвуют в жизни детей, независимо от того, связывают ребенка с опекуном кровные связи или нет.

Однако в то же время опекуны-бабушки значительно старше, чем некровные опекуны, они реже воспитывают опекаемого ребенка совместно с супругом. Также обращают на себя внимание некоторые различия в обстоятельствах, которые привели к необходимости опеки над ребенком: в семьях некровной опеки это чаще всего лишение родителей родительских прав, тогда как в семьях, где детей опекают их бабушки, наряду с лишением родительских прав распространена такая причина, как смерть родителя/родителей. Поскольку родитель приходится опекуну-бабушке родным ребенком, то оба эти обстоятельства являются травмирующими событиями, изначально выступающими

источником стресса. Отказ от родительских прав находится на 3-м месте среди предшествовавших обстоятельств и относится только к 7–10% семей.

### 2.3. Процедура и методы исследования

Проблема методологии исследования семьи и семейных отношений является в психологической науке достаточно проработанной. Существует несколько подходов к изучению семьи: функционально-ролевой (Эйдемиллер Э. Г., Юстицкис В. В., 2002), системный (Варга А. Я., 2001; Сатир В., 2000), девелопменталистский (Carter В., McGoldrick М., 1989; Duvall, E. M., 1957; Карабанова О. А., 2005), ситуационный и т. д. Однако большинство исследований, опирающихся на данные подходы, изучают кровнородственные семьи в их естественном жизненном цикле. Применение существующих в психологической науке приемов к изучению замещающих семей, в частности, опекунских семей, на наш взгляд, не является вполне оправданным. Особенность опекунских семей с точки зрения, к примеру, функционально-ролевого подхода, заключается в том, что опекун не имеет возможности в полной мере принять на себя семейную роль родителя, хотя выполняет его функции. В этом случае отношения ребенка и его опекуна, по сути, не могут быть детско-родительскими, о чем оба субъекта отношений, как правило, информированы. Сложность этих отношений заключается в том, что роль и функция в этих отношениях не совпадают, этим объясняется и неустойчивость ролевой позиции каждого. Эта проблема особенно обострена в семьях кровной опеки, где у кровного опекуна была и остается собственная ролевая позиция по отношению к ребенку, возникшая до ситуации опеки. При этом с возникновением ситуации опеки функциональный спектр значительно расширяется при сохранении ролевого статуса: очевидно, что бабушка никогда не станет матерью, хотя и будет выполнять ее функции по отношению к опекаемому внуку или внучке.

С точки зрения системного подхода опекунская семья сложна для изучения, поскольку при наличии биологических родителей и разрешенных встречах с ними ребенка родительская подсистема «пульсирует», а подсистема «опекун — опекаемый» регулярно испытывает в этой связи изменения. В рамках системного подхода, безусловно, будет зафиксирована неустойчивость семейной системы, непостоянство отношений-связей между подсистемами и элементами всей семейной системы. В результате, на наш взгляд, будет обозначено сложное состояние

семейной системы, и признаки семейного гомеостаза будут далеки от благополучия. К сожалению, констатация стабилизации семейной системы опекунской семьи может не дать ожидаемых результатов для поиска путей оптимизации ее жизнедеятельности, и не указать на тот ресурс, который может быть использован для улучшения качества отношений между членами семьи. Однако могут быть диагностированы зоны риска: семейная тревога, семейные страхи и т. д.

Понятие «жизненные циклы» семьи, рассматриваемое в рамках девелопменталистского подхода, опять-таки не может быть применено для описания стадий развития опекунской семьи по причине искусственности ее образования. Девелопменталистский подход в описании развития семьи подходит к семье как живому организму, проходящему определенные стадии онтогенеза. В данном случае, исследуя развитие опекунской семьи можно констатировать цикл «до опеки», «время опеки», «после опеки»: данные циклы являются привнесенными по отношению к естественному ходу событий и не могут быть рассмотрены с позиций оригинального девелопменталистского подхода.

Опекунская семья с точки зрения символического интеракционизма представляет собой огромное исследовательское поле. Вместе с тем, недостаточность изученности семейных ролей и статусов, поведенческих установок, символического поведения в опекунских семьях затрудняет проведение прикладных и практикоориентированных исследований в данной парадигме. Перспективность исследований в рамках символического интеракционизма несомненна, однако она требует разработки не столько гносеологических моделей, сколько понятийного аппарата, на основании которого эти модели будут выстраиваться. Кроме того, учитывая этический аспект исследования опекунских семей, реализация теоретических исследований с их участием не является целесообразной.

В связи с этим наиболее релевантной предметной области исследования нам представляется методология ситуационного подхода, поскольку семья переживает именно ситуацию опеки над ребенком, то есть как обстоятельства, возникшие вопреки традиционной логике развития семейных отношений, в первую очередь, в жизни ребенка (отказ, недееспособность, лишение прав или смерть родителей). Кроме того, ситуацию опеки можно рассматривать как срочную и обратимую: с точки зрения законодательства опекун прекращает быть опекуном в момент обретения ребенком полной дееспособности, также опекун может отказаться от опеки. В совокупности это усложняет психологический контекст ситуации опеки: поскольку абсолютно во всех человеческих сообществах и культурах детско-родительские отношения являются наиболее прочными и, если можно употребить такую метафору,

нерасторжимыми, то ситуация опеки в определенной степени противоречит «логике» естественного бытия семейных отношений. Таким образом, опекаемый и опекун попадают в «неестественную» среду семейных отношений, вынуждены адаптироваться к ней. Взаимное приспособление друг к другу или к новым ролям порождает новый характер отношений и как их выражение — новые поведенческие линии, что, безусловно, влияет на удовлетворенность отношениями и друг другом. Следовательно, как в интросубъективном, так и интросубъективном плане опекунская семья — это семья в ситуации опеки. Мы рассматриваем ситуацию опеки как трудную жизненную ситуацию, которой предшествовал ряд травмирующих событий как для ребенка, так и, в ситуации кровной опеки, для самого опекуна. Ситуация опеки вплетена в событийную структуру жизненного пути личности, которой предшествовало событие — точка бифуркации, ставшая причиной изменений в жизни ребенка и опекуна. Оценка этого события и отношение к нему определяет и отношение к факту опеки над ребенком как самим ребенком, так и его опекуном и в той или иной мере обуславливает установки в этих отношениях и развитие самих отношений.

Таким образом, если конкретизировать исследовательские линии, то значимым для нас было, во-первых, сравнение ситуации опеки, отношение к ней детьми и опекунами в кровных опекунских семьях и некровных опекунских семьях, во-вторых, сравнение обеих выборок с семейными ситуациями в кровных родительских семьях. Векторами сравнения были степень удовлетворенности семейными отношениями, характеристики переживания трудной/опекунской ситуации в семье, отношение к выполнению родительских функций кровными и некровными опекунами, а также кровными (биологическими) матерями и бабушками; степень ролевой идентификации опекуна с ролью родителя, характеристики родительских установок и проявления ролевого поведения в семьях кровной и некровной опеки, а также кровных семьях.

Отличительной особенностью нашего исследования было исследование переживания ребенком отношений в семье и его удовлетворенности ими, своих отношений с опекуном, или, если исследовалась кровная семья, то с бабушкой или матерью.

Также в фокусе нашего исследования были факторы, которые в той или иной мере могли бы повлиять на отношения в семье, такими факторами для всех семей были социально-демографические характеристики семьи, состав семьи, условия существования семьи, прежде всего экономические. Вместе с тем, для опекунских семей был введен дополнительный фактор изучения — фактор события, повлекшего за собой ситуацию опеки (смерть родителей или лишение их родительских прав,

в последнем случае учитывался факт наличия общения с биологическими родителями).

Поскольку одна из задач исследования состояла в разработке программы психологического сопровождения опекунских семей, то есть по содержанию практическая цель психологической помощи, значимым являлось получение индивидуального психологического материала, связанного с переживанием опекаемыми и опекунами ситуации опеки. Как правило, данные субъективного характера можно получить с помощью открытых высказываний респондента, что определило выбор основного исследовательского метода — опроса, и его устной вариации — интервью. Кроме того, аспектом, определившим методологию исследования, являлись возрастные особенности выборки, которую составляли, прежде всего, опекаемые дети и, в семьях кровной опеки — бабушки. Использование стандартных тестовых процедур для исследования детско-опекунских и семейных отношений в этой выборке было, по сути, невозможно, поскольку многие психологические методики, разработанные в рамках ситуационного подхода, не предназначены для детей, и с трудом заполняются лицами пожилого возраста. Кроме того, опекаемые семьи довольно часто проходят разнообразные анкетирования органами опеки и попечительства, отслеживающими семейную ситуацию, поэтому опекуны и опекаемые являются «натренированными» респондентами, ориентированными на предоставление социально желательных ответов. По этой причине наиболее адекватным для исследования неосознаваемых, или невербализуемых аспектов отношения респондентов к семейной ситуации данной выборки является также проективный метод и различные его вариации. Выбор проективного метода для исследования опекунских семей решал задачу не только «обхода» социальной желательности ответов респондентов, но и способствовал снижению сопротивления, возникающего при ответах на вопросы, связанные с негативными и/или травмирующими переживаниями.

### ***Программа интервью<sup>2</sup>***

В нашем исследовании использовались две программы интервью: для ребенка и для взрослого. Методика исследования предполагала раздельное интервьюирование ребенка и опекуна (родителя). Интервьюер читал вопросы и заполнял список ответов. Интервью длились примерно 1–1,5 часа.

---

<sup>2</sup> Бланки, заполняемые интервьюером, приведены в Приложении 1.

Вопросы интервью были скорректированы в зависимости от семейной ситуации. Соответственно, было разработано 3 модификации интервью для ребенка:

- ✓ Модификация № 1: интервью для ребенка из опекаемой семьи. Эта версия интервью для ребенка из опекаемой семьи состоит из 55 вопросов, среди них 46 числовых шкал Лайкерта для характеристики семейных отношений и 9 открытых вопросов, затрагивающих различные аспекты семейной ситуации.
- ✓ Модификации № 2 и № 3: интервью для ребенка из кровной семьи об отношениях в семье и своих отношениях с матерью /или своих отношениях с бабушкой, проживающей совместно с ребенком и родительской семьей. Версия интервью для ребенка из кровной семьи об отношениях в семье и своих отношениях с матерью /или своих отношениях с бабушкой, проживающей совместно с ребенком и родительской семьей, состоит из 54 вопросов, среди них 46 числовых шкал Лайкерта для характеристики семейных отношений и 8 открытых вопросов, затрагивающих различные аспекты семейной ситуации.

Также в исследовании использовалось 3 варианта интервью для взрослых респондентов:

- ✓ Модификация № 1: интервью для опекуна. Версия интервью для опекуна состоит из 72 вопроса, 25 из которых касаются социально-демографических характеристик семьи, 47 вопросов посвящены психологическим характеристикам семьи, среди них 24 числовых шкал Лайкерта для характеристики семейных отношений и 23 открытых вопросов, затрагивающих различные аспекты семейной ситуации.
- ✓ Модификации № 2 и № 3: интервью для кровной матери или бабушки из кровной семьи, проживающей вместе с ребенком и его родительской семьей. Версия интервью для кровной матери/бабушки состоит из 52 вопросов, 15 из которых касаются социально-демографических характеристик семьи, 37 вопросов посвящены психологическим характеристикам семьи, среди них 24 числовых шкал Лайкерта для характеристики семейных отношений и 13 открытых вопросов, затрагивающих различные аспекты семейной ситуации.

**Интервью для опекуна и матери / или бабушки последовательно включает:**

1. Вопросы о социально-демографических характеристиках опекуна.
2. Вопросы о социально-демографических характеристиках семьи.

3. Открытые вопросы о текущем семейном положении.
4. Вопросы, связанные с отношением к текущей семейной ситуации;
5. Вопросы, связанные с обстоятельствами опеки (только для опекунов).
6. Вопрос о содержании семейных ролей и отношении к ним:
  - 6.1. Открытые вопросы о содержании роли опекуна и отношению к ней;
  - 6.2. Открытые вопросы о содержании роли матери и отношению к ней;
  - 6.3. Открытые вопросы о содержании роли бабушки и отношению к ней;
7. Вопросы о взаимоотношениях с органами опеки и попечительства (только для опекунов).
8. Тест цветовой ассоциации:
  - 8.1. Тест цветовой ассоциации для оценки ролевых характеристик опекуна;
  - 8.2. Тест цветовой ассоциации для оценки ролевых характеристик матери;
  - 8.3. Тест цветовой ассоциации для оценки ролевых характеристик бабушки;
9. Вопросы об отношении к образованию ребенка, оценка его школьной успеваемости и успешности.
10. Вопросы о характере отношений и взаимодействия в семье.
11. Открытые вопросы о семейной перспективе.

Социально-демографическая анкета включала в себя вопросы, на выяснение пола, возраста и семейного положения респондентов. Эти параметры были значимы для сравнительного количественного и качественного анализа как профилей опекунов, так и профилей кровных матерей и бабушек, чтобы установить сходства/различия остальных признаков. Информация о составе семьи, наличии других детей, кроме того, который участвовал в исследовании, наличие супруга и стаж брака была важной для определения устойчивости семейной системы и отнесения ее к полной, неполной и расширенной (при наличии бабушек и дедушек). Данные характеристики, по нашему мнению, отражают в той или иной мере функциональность семьи и распределение в ней ролей.

Ряд вопросов касался особенностей экономического положения семьи, в частности, затрагивал уровень и источник доходов. Очевидно, что многие аспекты жизнедеятельности семьи связаны с материальным положением, низкий экономический статус может многократно усложнять жизнь семьи, а высокий — давать дополнительные возможности для

удовлетворения потребностей, в том числе развития ребенка. Значимым фактором являлся и источник доходов: активный или пассивный, а также кто в большей степени отвечает за доходы семьи.

Для прояснения социальной активности респондентов были заданы вопросы о наличии работы, а также сферах досуга. Отсутствие работы и хобби могло свидетельствовать о высокой погруженности человека в семейную ситуацию и о концентрации на ней. Наличие работы и хобби, наоборот, о распределении сил и внимания на несколько сфер жизнедеятельности, присутствии интересов помимо семьи и социальной активности. Причем как первый вариант ответа, так и второй не являются способом дать какую-либо оценку ситуации, а как раз наоборот помогают ее охарактеризовать с психологической точки зрения.

Также для всех респондентов были общими социально-демографические вопросы о ребенке: его возрасте и поле. Немаловажными являются вопросы об успеваемости ребенка и отношении респондентов к ней, его поведению за пределами семьи, наличии у него того или иного увлечения. Все эти параметры отражают включенность респондента в жизнь ребенка, а также несут информацию не только о знании жизни ребенка, но и об отношении к тому, что в ней происходит.

В анкету для опекунов, как уже упоминалось, входили вопросы, касающиеся только этой группы респондентов. Один из вопросов был направлен на установление типа опеки (кровная или некровная), в случае кровной опеки устанавливалась степень родства опекуна с опекаемым ребенком. Выяснялся срок опеки, поскольку время пребывания ребенка в семье является важным фактором, от которого зависит степень адаптированности ребенка и семьи друг к другу, а также особенности этой адаптации. Важными, на наш взгляд, являлись вопросы, направленные на исследование отношений других членов семьи (супруга и других детей), если таковые имелись к факту опеки над ребенком, поскольку отношение не только опекуна, но и его ближайшего окружения к ребенку влияет не развитие взаимоотношений во всей семейной системе и семейное благополучие опекаемого ребенка.

В фокусе нашего исследования также были взаимоотношения опекунской семьи и общества: отношение к своей семье как семье, отличающейся от других, взаимодействие с органами опеки — параметры, раскрывающие установки и ожидания опекунов от социума. Не секрет, что опекунская семья отличается от семьи, которая усыновила или удочерила ребенка тем, что финансово поддерживается государством

за свою заботу о ребенке. И здесь возникает целое поле для размышлений и исследований человеческих мотивов и целей о принятии на себя человеком временной и обратимой роли. Безусловно, это требует более глубокого психологического анализа. С этой целью в интервью были включены вопросы из стандартизированных психологических методик, релевантные целям и задачам исследования.

Версия интервью для опекуна и матери/бабушки разрабатывалась на основе следующих психодиагностических материалов:

1. Методика «Семейный АПГАР» (Smilkstein G);
2. Модификация методики «Отношение к значимой жизненной ситуации» (Е. Ю. Коржова, А. В. Бердникова);
3. Методика «Психологическая автобиография» (Е. Ю. Коржова);
4. Методика исследования родительского отношения (PARI), в адаптации Т. В. Нещерет;
5. Тест цветовой ассоциации (А. И. Лутошкин).

Во всех вариантах интервью для детей и взрослых (опекунов, кровных матерей и бабушек) присутствовала **методика «Семейный АПГАР»**. Методика «Семейный АПГАР» (Smilkstein G., 1978), представленная на русском языке Т. А. Солохиной и Л. С. Шевченко в 2008 году (Солохина Т. А., Шевченко Л. С., 2008), позволяет выявить уровень удовлетворенности функционированием семьи. Она состоит из пяти утверждений, которые отражают пять векторов семейного функционирования: адаптивность (adaptability), партнерство (partnership), рост (growth), привязанность (affection), принятие решений (resolve). Адаптивность в данном случае понимается как использование внутри- и внесемейных ресурсов для решения проблем. Партнерство — это совместное принятие решений и выполнение обязанностей членами семьи. Рост — это физическое и эмоциональное созревание и самореализация, достигаемые членами семьи через взаимную поддержку и руководство. Привязанность рассматривается как забота или любовь в отношениях, которые существует среди членов семьи. Принятие решений — это готовность делиться материальными и психологическими ресурсами с другими членами семьи. В оригинальной версии опросника каждый из этих параметров оценивается по 3-балльной шкале («почти всегда» — 2 балла, «иногда» — 1 балл, «почти никогда» — 0 баллов). По аналогии со шкалой АПГАР, применяемой для оценки состояния новорожденных, результаты «Семейного АПГАРА» интерпретируются следующим образом: 7–10 баллов указывают на высокое качество семейного функционирования, 4–6 баллов — на наличие затруднений в семейном функционировании, требующих так-

точной помощи специалистов, 0–3 балла — на наличие серьезных проблем, требующих немедленного вмешательства. В нашем исследовании респондентам предлагалось ответить на вопросы опросника «Семейный АПГАР» с использованием 5-балльной шкалы Лайкерта для получения более вариативных ответов.

«Семейный АПГАР» в силу удобства применения сегодня широко используется в практике работы психологов и смежных специалистов в разных странах. Однако с первых дней появления этого опросника и по сей день продолжаются активные дискуссии в отношении его надежности и валидности. С одной стороны, исследователями из разных стран на различных выборках получены сведения, характеризующие некоторые психометрические параметры опросника как удовлетворительные (Castilla H., Caycho T., Shimabukuro M., Valdivia A., 2014; Lim A., Manching J., Penserga E. G., 2012; Lu C., Yuan L., Lin W., Zhou Y., Pan S., 2017; Sprusińska E., 1994; Takenaka H., Ban N. 2016). С другой стороны, некоторые исследователи высказывают сомнения в релевантности сведений, получаемых с помощью опросника «Семейный АПГАР», характеристикам реальной семейной ситуации опрашиваемых (Gardner W., Nutting P. A. Kelleher K. J. et al., 2001; Mengel M., 1987; Murphy J. M., Kelleher K., Pagano M. E. et al. 1998; Smucker W. D., Wildman B. G., Lynch T. R., Revolinsky M. C., 1995). В отдельных исследованиях отмечается высокая подверженность результатов, полученных с помощью «Семейного АПГАРа», воздействию эффекта социальной желательности, что не позволяет получать с его помощью надежные сведения о качестве семейного функционирования в тех случаях, когда опрашиваемые занимают «оборонительную» позицию (Gwyther R. E., Bentz E. J., Drossman D. A., Berolzheimer N., 1993). Вместе с тем имеются сведения о достаточно высокой дифференцирующей способности опросника для оценки качества семейного функционирования подростками, проживающими в социальных учреждениях в силу семейных проблем, в сравнении с их сверстниками, живущими со своими родителями (Shapiro J., Neinstein L. S., Rabino-vitz S., 1987). Показано, что эффективность применения опросника «Семейный АПГАР» может возрастать при условии адаптации формулировок входящих в него утверждений к возможностям респондентов; в частности, продемонстрирована продуктивность применения упрощенного варианта опросника при работе с детьми доподросткового возраста (Austin J. K., Huberty T., 1989).

Учитывая, что «Семейный АПГАР» в силу своей компактности и относительной простоты используемых формулировок в наибольшей

степени, в сравнении с другими опросниками, направленными на изучение семейных отношений, подходил для решения наших исследовательских задач и мог быть успешно использован в ходе интервью с опекунами (в том числе пожилыми) и опекаемыми детьми школьного возраста, он был включен в нашу исследовательскую программу. Вместе с тем, учитывая дискуссионный характер надежности результатов, получаемых с его помощью, на этапе, предшествующем интерпретации данных, была проведена оценка возможностей и ограничений применения опросника «Семейный АПГАР» для решения задачи выявления специфики семейного функционирования семей кровной и некровной опеки в сравнении с семьями, в которых родители и дети связаны кровным родством. Факторный анализ, осуществленный для оценки надежности опросника, позволил подтвердить, что все пять пунктов опросника составляют единый фактор с достаточно высоким значением показателя суммарной дисперсии (69,0% в выборке взрослых респондентов). Альфа Кронбаха составила 0,86. В совокупности эти данные позволяют говорить о высоко внутренней согласованности пунктов опросника. Однако оценка надежности опросника с помощью сопоставления результатов с данными, полученными с применением проективной методики «Кинетический рисунок семьи» (предлагаемой детям), позволила отметить, что ответы на вопросы «Семейного АПГАРа» в довольно большой степени подвержены влиянию эффекта социальной желательности, прежде всего, в опекунских семьях. В целом, наш опыт свидетельствует о том, что для повышения точности диагностики целесообразно использовать «Семейный АПГАР» в комплексе с другими психодиагностическими методами, в меньшей степени подверженными воздействию эффектов социальной желательности. При этом применение «Семейного АПГАРа» как элемента беседы или интервью существенно предпочтительнее, чем использование его в рамках письменного опроса, поскольку в условиях личного контакта психолога с опекунами/родителями появляется больше возможностей для фиксации тех факторов, которые могут повлиять на точность диагностических результатов.

Также универсальной для всех вариантов интервью являлась *методика «Отношение к значимой жизненной ситуации»* (Коржова Е. Ю., Бердникова А. В., 2016), которая была разработана для определения специфики взаимодействия человека с жизненной ситуацией, проявляющееся в отношениях личности как субъекта жизненного пути. Согласно исходной инструкции, респонденту следует выбрать значимую жизненную ситуацию, описать ее в свободной форме и оценить ее количественно по ряду параметров (см. таблицу 2.1).

Таблица 2.1

**Параметры отношения к значимой жизненной ситуации**

<b>Параметр</b>	<b>Описание</b>	<b>Утверждения</b>
Принятие — отвержение	Общее эмоционально положительное или отрицательное отношение к ситуации.	— Хорошо, что все так случилось. Для меня это ценный опыт. — Этого не должно было произойти со мной.
Легкость — трудность	Восприятие ситуации как легко разрешимой или трудно разрешимой.	— В ситуации для меня нет ничего трудного. — Ситуация кажется мне очень непростой
Оптимизм — пессимизм	Взгляд на ситуацию с позитивной или негативной точки зрения.	— Я верю, что все будет хорошо. — Сомневаюсь, что это приведет к чему-то хорошему.
Интернальность — экстернальность	Интерпретация события как результата собственной активности или действия внешних сил (судьбы, обстоятельств, других людей).	— Ситуация зависит от меня, все в моих руках. — В этой ситуации от меня мало что зависит. Так сложились обстоятельства
Активность — пассивность	Степень участия человека в ситуации, активное взаимодействие с окружающей действительностью, либо отстранение и отказ от действий	— Я принимаю активное участие в данной ситуации. — Я не играю важной роли в сложившейся ситуации

Для нашего исследования методика была модифицирована в соответствии с его задачами. Модификация состояла в том, что в инструкции указывалась конкретная значимая жизненная ситуация — ситуация опеки (для интервьюирования опекунов) или семейная ситуация (для интервьюирования матерей и бабушек из кровных семей) а также в сокращении количества параметров оценки. Респонденту предлагалось оценить степень согласия с утверждениями относительно данной ситуации по шкале от 1 до 4 (1 — абсолютно не согласен, 4 — абсолютно согласен) по следующим параметрам:

- 1) Принятие — отвержение. Предлагаемые утверждения были модифицированы в соответствии с семейной ситуацией респондента: «Хорошо, что в нашей семье есть ребенок (дети). Для меня взять ребёнка под опеку — это ценный опыт» (для опекунов) / Для меня

- воспитание ребенка — это ценный опыт» (для кровных матерей) / Для меня воспитание внуков — это ценный опыт (для бабушек)).
- 2) Легкость — трудность: «Ситуация кажется мне очень непростой».
  - 3) Оптимизм — пессимизм: «Я верю, что все будет хорошо».
  - 4) Высокая ответственность — низкая ответственность: «В этой ситуации от меня мало что зависит». Так сложились обстоятельства».
  - 5) Активность — пассивность: «Я принимаю активное участие в той ситуации, которая сложилась в нашей семье».

Для оценки событийной структуры использовалась методика *«Психологическая автобиография» Е. Ю. Коржовой* (Бурлачук Л. Ф., Коржова Е. Ю., 1998). «Психологическая автобиография» принадлежит к числу ситуационных психодиагностических методик. Ситуационная психодиагностика, относящаяся к психодиагностике адаптационных возможностей личности, направлена на выявление особенностей ситуационного компонента внутренней картины жизненного пути — одного из показателей функционирования адаптационного процесса. В данном случае компоненты внутренней картины жизненного пути могут входить в систему базовых показателей, лежащих в основе получаемых в психодиагностическом исследовании данных. «Психологическая автобиография» была разработана для оценки ситуационных особенностей жизненного пути личности. Это экспрессивная проективная методика исследования переживаний, связанных с наиболее значимыми сферами жизни. Методика позволяет выявить особенности восприятия значимых жизненных ситуаций, а именно — наиболее важных событий в жизни человека. Это особые ситуации, тесно связанные с личностью испытуемого. Называя значительные события своей жизни, человек преломляет их через свое «Я». Таким образом, методика предоставляет возможность изучить наиболее существенно связанные с личностью особенности психологической среды, или особенности восприятия ситуаций, или субъективных ситуаций в жизни человека. Направленность методики на исследование жизненного пути, способы интерпретации количественных показателей позволяют отнести «Психологическую автобиографию» к методикам событийно-биографического подхода. «Психологическая автобиография» отличается выраженной проективностью вследствие акцента на неопределенности, неоднозначности несущих на себе отпечаток личности ответов респондентов.

Классический вариант проведения данной методики предполагает следующую процедуру. Предлагается перечислить самые важные, с точки зрения испытуемого, события прошедшей и будущей жизни для получения сведений о переживаниях, связанных с наиболее значимыми сферами жизни. Количество событий не ограничивается. Испытуемого

просят дать количественную оценку каждому событию и указать его примерную дату. Данные вносятся в бланк обследования, включающий инструкцию испытуемому. При обработке результатов учитываются следующие параметры: 1) количество радостных, грустных, прошедших, будущих событий и событий в целом; 2) суммарный «вес» радостных, грустных, прошедших, будущих событий и событий в целом; 3) количество событий, различающихся по силе воздействия; 4) среднее время антиципации и ретроспекции, характеризующих время осуществления событий; 5) содержательный анализ событий, «вес» событий с учетом их содержания. Данная методика позволяет охарактеризовать следующие параметры: продуктивность воспроизведения образов жизненного пути, оценку событий респондентами (значимость тех или иных жизненных событий, их желательность-нежелательность, степень их влияния, среднее время антиципации и ретроспекции), а также дать содержательную характеристику событий (тип и вид значимых событий, их частоту встречаемости («оригинальность»/«популярность» и «силу»/«слабость»).

В случае нашего исследования, несомненно, было бы продуктивно использовать методику в исходном варианте для исследования оценки влияния опеки на жизненный путь респондентов, однако это было бы отклонением от исходной цели — исследования семейной ситуации — в сторону изучения жизненной ситуации каждого респондента. В связи с этим методика была модифицирована, и на ее основе были сформулированы несколько вопросов интервью, касающихся будущих событий в жизни семьи, которые, таким образом, позволили охарактеризовать жизненную перспективу опекуна/матери/бабушки в контексте их семейных ролей.

В дополнение респондентам были предложены два открытых вопроса, направленных на уточнение событийной наполненности актуальной семейной ситуации:

1. Опишите события в жизни семьи, которые представляют для Вас проблему.
2. Опишите основные события в жизни семьи, которые приносят положительные эмоции.

Исходя из ответов на эти вопросы, определялось количество семейных событий, несущих позитивную и негативную эмоциональную окраску; соотношение этих событий; содержательная наполненность событий, то есть те сферы жизнедеятельности семьи, которые эмоционально окрашены, и «вес» каждой сферы. Благодаря этому определялись те сферы жизнедеятельности семьи, которые вызывают наибольшие затруднения и отрицательные переживания, а также те сферы, которые являются ресурсными для семьи.

В интервью для опекунов, матерей и бабушек из кровных семей использовались вопросы *методики PARY* (Е. Шеффер и Р. Белла, адаптация Т. В. Нещерет, по: Райгородский Д. Я., 2011). В исходном варианте методика PARI (Parental Attitude Research Instrument) предназначена для изучения воспитательных практик, реализуемых родителями (прежде всего, матерями) в связи с их отношением к собственной семейной роли. В методике выделены 23 аспекта-признака, касающиеся разных сторон отношения родителей к ребенку и жизни в семье. Из них 8 признаков описывают отношение к семейной роли (ограниченность интересов женщины рамками семьи, заботами исключительно о семье; ощущение самопожертвования в роли матери; семейные конфликты; сверхавторитет родителей; неудовлетворенность ролью хозяйки дома; «безучастность» мужа, его невключенность в дела семьи; доминирование матери; зависимость и несамостоятельность матери) и 15 касаются родительско-детских отношений (оптимальный эмоциональный вариант: побуждение словесных проявлений и вербализаций, партнерские отношения, развитие активности ребенка, уравнительные отношения между родителями и ребенком; излишняя эмоциональная дистанция с ребенком: раздражительность и вспыльчивость, суровость и излишняя строгость, уклонение от контакта с ребенком; излишняя концентрация на ребенке: чрезмерная забота и установление отношений зависимости, преодоление сопротивления и подавление воли; создание безопасности и опасение обидеть, исключение внесемейных влияний, подавление агрессивности, подавление сексуальности, чрезмерное вмешательство в мир ребенка, стремление ускорить развитие ребенка). Каждый признак измеряется с помощью 5 суждений, уравновешенных с точки зрения измеряющей способности и смыслового содержания. Вся методика состоит из 115 суждений. Суждения расположены в определенной последовательности, и отвечающий должен выразить к ним отношение в виде активного или частичного согласия или несогласия.

По ряду причин, прежде всего, из-за количества вопросов, данная методика не могла в полном объеме войти в итоговый вариант интервью. В этой связи нами были взяты по одному вопросу этой методике, которые наиболее полно отражают ролевую позицию (опекуна, матери, бабушки) по отношению к ребенку. Вопросы, касающиеся выполнения семейной роли, были исключены полностью. Однако для исследования данного аспекта отношений в программу интервью были включены два дополнительных вопроса:

1. Как Вы думаете, хорошо ли Вы справляетесь с ролью опекуна (матери, бабушки)?
2. Какие задачи Вы ставите перед собой в отношении своего ребенка?

Эти вопросы проясняют самооценку респондентов в отношении выполнения своей роли опекуна, матери или бабушки, поскольку с самооценкой ролевой позиции так или иначе связаны установки и действия респондентов по отношению к ребенку. Особенно значимы ответы на данный вопрос ответы бабушек — кровных опекунов с негативной историей родительства (матери родителей, лишенных родительских прав или отказавшихся от детей). Также большое значение имеет целеполагание в воспитании ребенка, ответы на который раскрывают, как респонденты описывают свое воспитательное воздействие и роль в жизни ребенка, выражая тем самым уровень притязаний респондентов в выполнении ролевой функции.

Вопросы, касающиеся воспитательных практик родителей, отобранные на основе экспертной оценки их дифференцирующей силы, оценивались респондентами по 4-балльной шкале. Затем с помощью факторного анализа, проведенного на совокупной выборке, объединившей результаты, полученные в выборках опекунов, а также в группах сравнения, были выявлены пять стилей взаимодействия «опекун (мать/бабушка) — ребенок» (см. таблицу 2.2, суммарная дисперсия составила 58%): социализирующее влияние (фактор 1), ограниченность коммуникации (Фактор 2), позитивный интерес к жизни ребенка (Фактор 3), инфантилизирующая гиперопека (Фактор 4), ускорение развития ребенка (Фактор 5).

Таблица 2.2

**Факторная структура пунктов опросника PARI**

Воспитательные практики	Фактор 1	Фактор 2	Фактор 3	Фактор 4	Фактор 5
Побуждение словесных проявлений и вербализаций		-0,57			
Чрезмерная опека				0,73	
Преодоление сопротивления и подавление воли			-0,58		
Создание безопасности и опасение обидеть	0,66				
Раздражительность и вспыльчивость	0,51				
Суровость и излишняя строгость			-0,72		
Сокращение внесемейных воздействий					0,70

Окончание табл. 2.2

Воспитательные практики	Фактор 1	Фактор 2	Фактор 3	Фактор 4	Фактор 5
Подавление агрессивности				0,47	
Партнерские отношения	0,68				
Развитие активности ребенка	0,56				
Уклонение от контакта с ребенком		0,83			
Подавление сексуальности				0,54	
Чрезмерное вмешательство в мир ребенка				0,64	
Уравнительные отношения между родителями и ребенком			0,65		
Стремление ускорить развитие ребенка					0,82
Expl. Var	2,03	1,48	1,61	1,97	1,45
Prp. Totl	0,14	0,10	0,11	0,13	0,10

Для прояснения ролевой позиции респондентов и идентификации их с той или иной ролью использовалась *методика «Цветовой тест отношений»* (ЦТО) А. И. Лутошкина (по: Платонов Ю. П., 2003). В своей первоначальной модификации тест направлен на изучение эмоциональных компонентов отношений человека к значимым для него людям и к себе и отражает как сознательный, так и частично неосознаваемый уровень этих отношений. Методической основой ЦТО является цветоассоциативный эксперимент. Он базируется на предположении о том, что существенные характеристики невербальных компонентов отношений к значимым другими и к самому себе отражаются в цветовых ассоциациях. Цветоассоциативный эксперимент позволяет выявить достаточно глубокие, частично неосознаваемые компоненты отношений, минуя при этом искажающие защитные механизмы вербальной системы сознания. Цветовая сенсорика тесно связана с эмоциональной жизнью личности. Эта связь, подтвержденная во многих экспериментально-психологических исследованиях, давно используется в ряде психодиагностических методов. ЦТО отличается от этих методов своеобразным способом извлечения реакций на цветовые стимулы (ассоциативные реакции

в ЦТО — в отличие от измерения порогов или предпочтений в других тестах) и иной постановкой задачи тестового исследования (изучение конкретных отношений личности в ЦТО — в отличие от изучения ее общих свойств и состояний в других тестах). При разработке ЦТО был использован набор цветowych стимулов из восьмицветового теста М. Люшера. Важно отметить, что методика ЦТО использовалась нами в вариации цветоассоциативной методики (ЦАМ) А. М. Парачева (Парачев А. М., 1998), которая представляет собой модифицированный вариант ЦТО и относится к группе психосемантических методов психологической диагностики. В инструкции к ЦАМ А. М. Парачева респондентам предлагается определить, с каким из восьми цветов ассоциируется названное понятие. При этом сами цвета также не показываются, а респондентам предлагается представить их по названию, таким образом, то или иное понятие ассоциируется у респондента с его субъективным представлением о цвете. Выбор одного и того же цвета для ассоциирования с понятием возможен. После чего респондентов просят проранжировать цвета в порядке предпочтения, от наиболее приятного к наименее привлекательному. Выбор ЦАМ был обусловлен тем, что классический вариант цветowych карточек М. Люшера вызывает не всегда однозначную реакцию у испытуемых, кроме того, их цветовая гамма имеет культурную «нагрузку». Избранный вариант методики позволяет избежать усиления влияния визуального образа цвета, превратив его в опосредованный символический ранг исследуемого понятия. Кроме того, использовались не классические названия цветов методики М. Люшера, а адаптированный вариант А. М. Парачева, а именно: синий, зеленый, оранжевый, желтый, малиновый, коричневый, черный, серый.

Респондентам предлагались различные наборы понятий. Универсальными для всех респондентов являлись понятия: «Я», «моя жизнь», «моя семья», «жизнь нашей семьи». Для опекунов это были понятия: «Мой опекаемый ребенок», «Родительство», «Я — опекун», «Я — родитель», «Опекунство». Для кровных матерей: «Мой ребенок», «Родительство», «Я — родитель». Для бабушек: «Мой внук/внучка», «Внуки», «Я — бабушка».

**Интервью для детей (независимо от выборки) последовательно включает:**

1. Вопросы об учебной и досуговой деятельности.
2. Вопросы, связанные с отношением к текущей семейной ситуации.
3. Вопросы о характере отношений и взаимодействия в семье.
4. Проективное рисование с пострисуночным опросом.

Программа интервью для ребенка включала ряд вопросов, которые пересекались с вопросами к опекуну, кровной матери и бабушке,

поскольку для нас было значимо то, как представляют и переживают одни и те же аспекты семейной жизни дети и взрослые, как взаимосвязаны оценки одних и тех же событий в семейной диаде «взрослый — ребенок».

Ребенку задавались открытые вопросы, касающиеся наличия у него хобби и увлечений, а также академической успешности (оценок) в школе. Ответы на эти вопросы сравнивались с ответами на аналогичные вопросы взрослых участников исследования. Они интерпретировались как индикаторы знания опекуна, кровной матери или бабушки об увлечениях ребенка, а также схожести их оценок его школьной успеваемости с его собственными оценками академической успешности.

Помимо этого, детей, так же, как и взрослых участников исследования, просили охарактеризовать положительно окрашенные семейные ситуации и ситуации, представляющие для них наибольшие трудности, с помощью открытых вопросов. Детям из опекунских семей задавался вопрос об отношениях с опекуном до наступления ситуации опеки, если таковые имелись. Это важный момент для изучения сохранения/изменения ролевой позиции опекуна, его отношений с ребенком в семьях кровной опеки.

Интервью для детей включало вопросы, основанные на следующих психодиагностических материалах:

1. Методика «Семейный АПГАР» (Smilkstein G., 1978).
2. Модификация методики «Отношение к значимой жизненной ситуации» (Коржова Е. Ю., Бердникова А. В., 2016)
3. Методика «Детско-родительские отношения подростков» (Троянская П. В., 2003).
4. Методика «Рисунок семьи» (Хоментаускас Г. Т., 1989).

**Методика «Семейный АПГАР»** уже была охарактеризована выше. Детям были предложены те же вопросы и те же оценочные шкалы, что и взрослым. Поэтому дополним приведенное выше описание только данными о проверке надежности методики для выборки детей. Факторный анализ, как и в случае взрослой выборки, объединил все пять пунктов опросника в единый фактор суммарной дисперсией 56,6%, альфа Кронбаха составила 0,80. Оба показателя были признаны удовлетворительными.

Как и во «взрослых» версиях интервью, в программе интервью для детей использовались вопросы из **методики «Отношение к значимой жизненной ситуации»** (Коржова Е. Ю., Бердникова А. В., 2016), описанной выше. Все утверждения были идентичными тем, которые предлагались взрослым респондентам, за исключением первого пункта, включенного в программу интервью для детей в следующей формулировке: «Хорошо, что все так происходит. Для меня попасть в нашу

семью — это ценный опыт» (для опекаемых детей) / «Хорошо, что все так происходит. Для меня быть в нашей семье — это ценный опыт» (для детей из кровных семей).

В части интервью для детей применялись вопросы *методики «Детско-родительские отношения подростков»* (Трояновская П. В., 2003). Классический вариант методики содержит 116 вопросов, которые ориентированы на следующие блоки шкал: 1) блок шкал, описывающий особенности эмоциональных отношений родителя и подростка: принятие (демонстрация родителем любви и внимания), эмпатия (понимание родителем чувств и состояний ребенка), эмоциональная дистанция (качество эмоциональной связи между родителем и подростком); 2) блок шкал, описывающий особенности общения и взаимодействия: сотрудничество (совместное и равноправное выполнение заданий), принятие решений (особенности принятия решений в диаде), конфликтность (интенсивность конфликтов, победитель в конфликте), поощрение автономности (передача ответственности подростку); 3) блок контроля: требовательность (количество и качество декларируемых требований), мониторинг (осведомленность родителя о делах и интересах подростка), контроль (особенности системы контроля со стороны родителя), авторитарность (полнота и непрерываемость власти родителя), особенности поощрений и наказаний (качество и количество оказываемых оценочных воздействий); 4) блок противоречивости/непротиворечивости отношений: непоследовательность (изменчивость и непостоянство воспитательных приемов родителя), неуверенность (сомнение родителя в верности его воспитательных усилий); 5) дополнительные шкалы: удовлетворение потребностей (качество удовлетворения материальных потребностей ребенка, потребностей во внимании, в информации), неадекватность образа ребенка (искажение образа ребенка), отношения с супругом (качество отношений со вторым родителем подростка), общая удовлетворенность отношениями (общая оценка подростком качества отношений с родителем), ценностная ориентация (эта шкала содержит открытые вопросы, которые помогают подростку описать те положительные и отрицательные ценности, которые оказывают влияние на отношения с родителем).

Представленный выше полный вариант методики не мог быть использован в силу его объемности и наличия шкал, не относящихся напрямую к целям и задачам нашего исследования. В интервью были использованы 36 вопросов, касающихся следующих аспектов детско-родительских отношений: «Эмоциональная дистанция», «Сотрудничество», «Принятие решений», «Конфликтность», «Поощрение автономности», «Требовательность», «Мониторинг», «Контроль», «Оказание поощрений», «Реализация наказаний», «Непоследовательность

родителя», «Неуверенность родителя», «Удовлетворение потребностей ребенка», «Неадекватность образа ребенка». Выбор этих шкал был обусловлен нашими предположениями об особенностях детско-родительских отношений в современных семьях, основанных как на выводах исследований, посвященных замещающим и кровным семьям, так и на беседах с родителями и детьми в процессе осуществления психологической помощи. Окончательный отбор осуществлялся экспертами на основе анализа дифференцирующих возможностей вопросов, которые впоследствии были подвергнуты факторному анализу для выделения шкал, которые характеризуют особенности взаимодействия в системе «опекун/мать/бабушка — ребенок» с позиции ребенка. Дети оценивали стили воспитания, семейные роли, родительские влияния и механизмы семейной интеграции по 5-уровневым шкалам Лайкерта. Факторный анализ выявил три фактора с суммарной дисперсией 37%: позитивный интерес (фактор 1), гиперконтроль (фактор 2) и непоследовательность (фактор 3) (см. таблицу 2.3).

Таблица 2.3

**Факторная структура пунктов методики  
«Детско-родительские отношения подростков»**

Пункты	Фактор 1	Фактор 2	Фактор 3
Если у него (нее) плохое настроение, мое тоже портится			0,65
Помогает мне, если я его (ее) прошу	0,65		
При споре заставляет меня соглашаться с его (ее) доводами			0,55
Поручает мне ответственные дела	0,40		
Знает о моих интересах и увлечениях	0,69		
Проверяет, как я выполнил(а) поручение			0,49
Благодарит меня за помощь	0,66		
Реагирует на одни и те же события по-разному, в зависимости от настроения		0,49	
Сомневается в правильности своих действий и решений		0,52	
Находит для меня время, если это мне нужно	0,65		
Относится ко мне так, как будто я старше или младше, чем на самом деле		0,47	

Окончание табл. 2.3

Пункты	Фактор 1	Фактор 2	Фактор 3
Если он(а) чем-то расстроена, я чувствую себя так, как будто это происходит со мной			0,39
У нас есть общие дела и интересы	0,62		
Не выслушивает мое мнение при споре		0,44	
Знает моих друзей	0,52		
Умеет проявлять свою благодарность	0,66		
По-разному ведет себя в похожих ситуациях		0,62	
Прислушивается к моим просьбам и пожеланиям	0,73		
Мое отношение к делу зависит от того, как он(а) к нему относится			
Выслушивает мои пожелания и предложения, когда мы делаем что-то вместе	0,65		
При обсуждении проблемы навязывает готовое решение		0,61	
Знает, где я провожу свободное время	0,46		
Пристально следит за моими успехами и неудачами	0,42		
Обращает внимание на мои хорошие поступки	0,62		
Тяжело заранее определить, как поступит в ответ на то или иное действие		0,44	
Долго откладывает принятие решения, предоставляя событиям идти своим чередом		0,55	
Заботится о том, чтобы у меня было все необходимое.	0,43		
Я не понимаю его (ее) слова и поступки		0,54	
Считает, что хорошие дела и так видно, а на проступки надо обратить внимание		0,46	
Несправедливо меня наказывает	-0,48		
Проверяет мой школьный дневник			0,54
Expl. Var	6,26	3,93	2,53
Prp. Totl	0,17	0,12	0,08

С помощью *методики «Рисунок семьи»* исследовались переживания и восприятие ребенком своего места в семье, отношение ребенка к семье в целом и отдельным ее членам. Как правило, эта методика дает возможность понять существующие внутрисемейные границы и наличие коалиций, а также эмоциональный фон, характерный для данной семейной системы с точки зрения каждого члена семьи.

Данный проективный тест имеет много способов интерпретации. Один из наиболее известных вариантов трактовки методики «Рисунок семьи» принадлежит В. К. Лосевой. Ей были предложены следующие параметры оценки рисунков:

1. Использование пространства листа.
2. Отсутствие на рисунке какого-либо члена семьи.
3. Отсутствие на рисунке автора.
4. Размер изображенных персонажей.
5. Наличие вымышленных персонажей.
6. Расположение персонажей на пространстве листа.
7. Расстояние между персонажами.
8. Характеристика контура.
9. Искажения в изображении фигур.
10. Изображение неодушевленных предметов.
11. Изображение большого количества мелких деталей (Посысов Н. Н., 2004).

Парадигма нашего исследования предполагает введение более интегративных параметров взаимоотношений в семье. Интерпретация рисунков производилась по следующим параметрам, соотносимым с баллами: 1) классические показатели, учитывающиеся при интерпретации кинетического рисунка семьи: благоприятная семейная ситуация; тревожность; конфликтность в семье; чувство неполноценности в семейной ситуации; враждебность в семейной ситуации (Хоментаскас Т. Г., 1989); 2) показатели, полученные при учете содержания рисунков с опорой на принципы интерпретации «Социогаммы семьи» (Эйдемиллер Э. Г., Добряков И. В., Никольская И. М., 2003): «эмоциональный фон внутрисемейного взаимодействия», «дистанция — близость», «интегрированность», «активность». «Эмоциональный фон» определяет доминирующее настроение в семье, совпадение эмоционального фона ребенка с семейным эмоциональным фоном, видение ребенком эмоционального фона в семье, а также эмоциональное присоединение/отвержение ребенком того или иного члена семьи. Параметр «Дистанция — близость» направлен на диагностику психологической близости ребенка с тем или иным членом семьи, психологических границ ребенка и других и членов семьи. Показатель «Интегрированность» демон-

стрирует включенность ребенка в общую семейную атмосферу, и характеризует степень вовлеченности ребенка в те же дела, что и другие члены семьи. Параметр «Активность» показывает степень активности ребенка в семейной системе, деятельность его позиции во взаимодействии с другими членами семьи (различие последних двух параметров заключается в том, что в первом случае ребенок может так же как взрослый сидеть на диване, а во втором случае вместе с взрослым готовить ужин и т. д.). «Рисунок семьи» информативен в части прояснения тех характеристик семейных отношений, которые могут быть не вербализованы в интервью.

После проведения методики «Рисунок семьи» ребенку задавались следующие вопросы: Кто здесь нарисован? Что они делают? Какое у них настроение? Эти вопросы с одной стороны, были комментарием ребенка к рисунку, с другой стороны, при сопоставлении рисунка и ответов ребенка выявлялись те характеристики семейных отношений, которые в данной семье табуированы, либо не осознаются.

«Кинетический рисунок семьи» оценивался с использованием 5-балльной шкалы двумя экспертами по заданным параметрам, которые перечислены выше. Независимые экспертные оценки впоследствии сопоставлялись с помощью корреляционного анализа, который показал высокую степень совпадения оценочных рядов (значения коэффициента корреляции Спирмена находятся в диапазоне от 0,54 до 0,70). Оценки, по которым были обнаружены расхождения в оценочных листах экспертов, усреднялись.

Таким образом, диагностический инструментарий, сконструированный в русле ситуационного подхода смог интегрировать в себе все исследовательские парадигмы изучения семейных отношений: функционально-ролевой, системный, девелопменталистский и отчасти интеракционистский, что послужило реализации в конкретном исследовании методологического принципа целостности в изучении семьи в жизненной ситуации опеки.

### ***Некоторые аспекты организации исследования***

Учитывая, что наше исследование затрагивало темы, которые могли оказаться болезненными и даже травматичными для его участников, мы уделили отдельное внимание соблюдению этических норм на этапе планирования исследования и его проведения. Респонденты участвовали в исследовании только на основе добровольного информированного согласия<sup>3</sup>. Обязательным условием привлечения к исследованию опекунов семьи была осведомленность ребенка о своем статусе опекаемого.

---

<sup>3</sup> Образцы информированных согласий представлены в Приложении 2.

Процедура проведения исследования и используемый методический комплекс предварительно получили согласование в Этическом комитете Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена, что закреплено решением Этического комитета № 4 от 02.07.2018.

В ходе интервью был получен большой массив данных, в котором нашла отражение разнообразная информация о жизни семей, принявших участие в исследовании, в том числе информация, которая дополняла ответы на основные вопросы, включенные в исследовательскую программу. Для того, чтобы избежать возможных искажений в процессе составления базы данных по результатам исследования в электронном формате, был осуществлен двойной ввод данных с последующим сравнением полученных баз и исправлением найденных ошибок. Размерность итоговой матрицы, содержащей данные о результатах исследования, составила  $229 \times 205$  единиц информации.

\* \* \*

Таким образом, программа нашего исследования, с одной стороны, опиралась на представления о специфике семейных отношений в опекунских семьях, основанных на анализе литературы и собственном опыте практической работы в системе сопровождения семей кровной и некровной опеки, а также, с другой стороны, строилась с учетом понимания специфики нашей целевой группы. Для удобства наших респондентов, а также для повышения качества эмпирических данных, исследование проводилось в формате интервью, и диагностические инструменты, релевантные методологии ситуационного подхода, избранной нами в качестве исследовательского фундамента, были модифицированы для использования в режиме интервьюирования. Возрастные особенности выборки, в которую входили дети и взрослые разных возрастов, накладывали ограничения на использование стандартизированных опросников, состоящих из большого количества вопросов. Опыт реализации разработанной программы в нашем эмпирическом исследовании, как будет показано ниже, продемонстрировал ее высокий эвристический потенциал в изучении психологических особенностей функционирования опекунских семей. Кроме того, разработанный диагностический инструментарий может использоваться в практических исследованиях опекунских семей для выявления мишеней оказания психологической помощи.

## Глава 3

# ЖИЗНЕННАЯ СИТУАЦИЯ ОПЕКУНСКОЙ СЕМЬИ И ЕЕ ТИПОЛОГИЯ

Психологические характеристики жизненной ситуации опекунской семьи могут быть рассмотрены, прежде всего, с позиции ее структуры. Пока вне фокуса внимания остаются психологические характеристики жизненной ситуации замещающей семьи, в подавляющем большинстве исследований не учитывается контекст жизненных обстоятельств, в которых она функционирует. Несмотря на достаточно глубокую проработанность ситуационного подхода в психологии, исследования, посвященные жизненной ситуации опеки, на сегодняшний день весьма фрагментарно представлены преимущественно в отечественных исследованиях: ситуация включения ребенка в новую семью, принятия на себя роли родителей для своих внуков и совладания с ней (Крюкова Т. Л., 2017; Пермякова Е. Ю., 2016; Шульга Т. И., 2016); ситуация кризиса «установочных конфликтов» (Капилина (Пичугина) М. В., Панюшева Т. Д., 2015); ситуация эмоционального выгорания опекунов (Бонкало Т. И., 2009; Жуйкова Е. Б., Панюшева Т. Д., 2015; Захарова Ж. А., 2008; Ослон В. Н., 2009); ситуация прохождения ребенком кризиса семейной идентичности (Козлова Т. З., 2009; Петрановская Л. В., 2012); ситуация вхождения подопечных в подростковый возраст (Белова Л. А., 2010; Козлова Т. З., 2011; Лангмейер Й., Матейчек З., 1995; Ослон В. Н., 2006; Ослон В. Н., Косьянова Е. В., 2011); ситуация окончания опеки (Кондратьева Н. И., 2008).

Между тем, применение методологии ситуационного подхода представляет ряд принципиально новых возможностей для понимания специфики функционирования замещающей семьи, позволяя учесть объективный и субъективный контексты семейного функционирования, а также субъектность позиции членов семьи в отношении собственной жизни, во внутрисемейном взаимодействии и во взаимодействии с социумом.

Отдельно необходимо отметить крайне незначительное количество исследований, посвященных проблемам кровных опекунских семей, хотя количество таких семей сегодня весьма значительно (прежде всего, речь идет о бабушках, принявших под опеку собственных внуков), а имеющиеся сведения позволяют утверждать, что отношения в семьях

кровной опеки существенно отличаются от семей, в которых опекуны не являются ребенку близкими родственниками. Можно предполагать, что отношение к ситуации опеки у кровных опекунов существенно отличается от опекунов, не являющихся ребенку близкими родственниками, поскольку обстоятельства принятия ребенка под опеку в этом случае зачастую носят травматический характер. Также важно, какой видится жизненная ситуация опеки глазами ребенка. Можно предположить, что в семьях кровной и некровной опеки будут выявлены существенные различия и в отношении к жизненной ситуации опекаемых детей. Эти закономерности накладываются на общие закономерности межвозрастных отношений (Микляева А. В., 2014). В этой связи представляется значимым исследование прежде всего жизненной ситуации опеки как таковой в семьях кровной и некровной опеки.

Отдельным вопросом является типологизация опекунских семей. Поскольку налицо выраженные различия в психологических характеристиках опекунской семьи, возникает проблема их классификации.

Вопрос о классификации жизненных ситуаций тесно связан с интересом к индивидуальным психологическим различиям, проявляющимся в ситуации. В отличие от отдельных психологических характеристик, указывающих на степень выраженности того или иного качества, типы являются не континуальными, а дискретными категориями. Между типами жизненных ситуаций, как и между типами личности, есть отчетливо выраженные границы. Понятие типа весьма удобно, т. к. позволяет более целостно подойти к пониманию взаимодействия личности с жизненной ситуацией. Помимо объяснения поведения, выделение типа может означать и объяснение внутренних закономерностей. Различного рода типологии являются продолжением первичных идей и иллюстрируют многообразие проявлений определенных теоретических конструкций. Возможны и эмпирические типологии.

В области систематизации жизненных ситуаций имеются лишь разрозненные исследования. Исключение составляют психофизические исследования, в которых изучалось влияние физического стимула на сенсорный опыт. С целью классификации чаще всего используют статистические методы, в основном кластерный и факторный анализ. Однако способы классификации могут быть самыми разными, как разными могут быть и основания классификации. Разработанность данного вопроса в определенной мере сопоставима с проблемой классификации психологических типов. Основания классификации зависят от теоретико-методологической позиции автора и избранных оснований классификации. Часто они весьма произвольны. Еще чаще классификация производится после завершения процедуры исследования, в результате

которого интуитивно или с помощью математико-статистических методов на значительном эмпирическом материале ситуации группируются в некоторые классы (типы). Такой индуктивный подход удобен в тех случаях, когда теоретические аспекты изучаемой проблемы недостаточно разработаны либо при решении практических задач, требующих быстрого решения. Возможны классификации по характеристикам ситуации; по критерию способности вызывать сходное поведение; классификации фрустрирующих ситуаций; деление на «сильные» и «слабые» ситуации» и др. (Коржова Е. Ю., 2015). Этот перечень классификаций можно продолжить. Так, нами был проведен анализ ситуаций морального выбора (Веселова, Коржова, 2019). С точки зрения W. Mischel (1994), в реакциях на «сильные» ситуации отмечаются незначительные вариации, т. е. при этом более сильными детерминантами поведения выступают ситуационные переменные, нежели личностные; реакции на «слабые» ситуации весьма разнообразны, что означает большую детерминирующую роль личностных переменных. W. Mischel рассматривал эту идею на материале «бытовых» ситуаций, соотнося внешнюю обстановку и приемлемое поведение в таких обстоятельствах, которое может существенно различаться в случае «слабых» ситуаций или быть единообразным в случае «сильных» ситуаций. Данная идея в свое время была использована нами в исследовании индивидуально-психологических и ситуационных особенностей больных сердечно-сосудистыми заболеваниями с помощью авторской методики «Психологическая автобиография». Под реакцией на ситуацию понималась оценка, того или иного события, варьирующая от  $-5$  до  $+5$ . Событие считалось «сильным», если оценка его различными испытуемыми одинакова, и «слабым», если оценки различались (Коржова Е. Ю., 1994). Наше недавнее эмпирическое исследование оценки ситуаций морального выбора современными студентами показало, что среди них также возможно выделение «сильных» ситуаций, в которых оценки достаточно единообразны, и «слабых» ситуаций, в которых оценки весьма различаются. Однако интерпретация данных ситуаций отличается от предложенной W. Mischel, которому принадлежит идея различения «сильных» и «слабых» ситуаций, в связи с спецификой содержания ситуаций. В жизненных ситуациях морального выбора проявляется нравственная зрелость личности. Оценка студентами этих ситуаций представляют особый интерес в связи с тем, что данный возрастной период предполагает не только завершение социализации, но и активное самоопределение на экзистенциальном уровне. Опрошено 107 студентов-первокурсников. Использовалась проективная методика «Друг-советчик-2» Е. К. Веселовой. Респондентов просили дать совет другу в форме развернутого ответа в виде текста

любого объема и свободного содержания в каждой из 31-й ситуаций морального выбора. Подсчитывалось количество позитивных (соответствующих моральной норме), негативных (не соответствующих моральной норме) и уклончивых ответов. Результаты показали, что  $\frac{2}{3}$  оцениваемых ситуаций можно отнести к «сильным», так как большинство респондентов выбрали в этих ситуациях позитивные ответы. Однозначно позитивно опрошенные оценили ситуации помощи родителям, супругам и близким, а также возвращение долгов. Ситуации «слабеют», когда речь идет о взаимоотношениях между полами, что может отражать современные гендерные установки. Лжесвидетельство оценивается как еще более «безобидная» ситуация. «Сильных» ситуаций с преобладанием негативных ответов выявлено не было. К «слабым» ситуациям морального выбора на основе подсчета оценок были отнесены: «введение в соблазн других», «продолжение невыгодного контракта», «предложение баллотироваться по конкурсу на место научного руководителя». Возможно, оценка «слабых» ситуаций является отражением неопределенности общественного мнения относительно них. Напротив, «сильные» ситуации оцениваются более однозначно и, следовательно, более глубоко затрагивают личностные экзистенциальные проблемы. «Сильные» ситуации с позитивным моральным выбором соотносятся с экзистенциальной глубиной личности, а «слабые» — с более поверхностными, социально обусловленными характеристиками. Представляет также интерес механизм взаимодействия с личностью «сильных» ситуаций с негативным моральным выбором, которые на данной выборке не были обнаружены (Веселова Е. К., Коржова Е. Ю., 2019).

### **3.1. Жизненная ситуация принятия опекунских обязанностей<sup>4</sup>**

Вначале рассмотрим жизненную ситуацию опеки глазами опекунов, сквозь призму отношения к текущей ситуации как принятия опекунских обязанностей. Предполагалось, что будут выявлены различия в отношении к жизненной ситуации опеки у кровных и некровных опекунов. Анализировались результаты, полученные с помощью методик «Отношение к значимой жизненной ситуации» (характеристика актуальной семейной ситуации) и «Семейный АПГАР». В описание жизненной

---

<sup>4</sup> Коржова Е. Ю., Микляева А. В., Безгодова С. А., Юркова Е. В. Отношение к жизненной ситуации опеки у кровных и некровных опекунов // Развитие человека в современном мире. 2018. № 1. С. 50–60.

ситуации опеки включались сведения о социально-демографических характеристиках семей, их социально-экономическом статусе и обстоятельствах принятия ребенка под опеку, которые представлены в главе 2. Математико-статистическая обработка данных проводилась с помощью программы «Statistica 10.0»: расчет первичных статистик, критериальный анализ (H-критерий Краскела-Уоллиса, U(Z)-критерий Манна-Уитни), корреляционный анализ ( $r_s$  коэффициент Спирмена).

В табл. 3.1 приводятся средние значения и стандартные отклонения рассматриваемых психологических параметров жизненной ситуации опеки.

Таблица 3.1

**Средние значения и стандартные отклонения  
психологических характеристик семейной ситуации в разных выборках**

Параметры	Некровные опекуны		Опекуны-бабушки		Группа сравнения		H/p <
	М	Σ	М	σ	М	Σ	
Семейный АПГАР — уровень семейного благополучия	21,01	3,28	19,94	4,27	20,06	2,96	17,98/0,001
Хорошо, что в нашей семье есть ребенок (дети). Для меня воспитание ребенка — это ценный опыт	3,43	0,65	3,17	0,75	3,68	0,53	12,79/0,001
Ситуация кажется мне очень непростой	2,32	0,83	2,64	0,74	2,15	0,83	11,04/0,01
Я верю, что все будет хорошо	3,54	0,52	3,45	0,58	3,70	0,46	—
В этой ситуации от меня мало что зависит. Так сложились обстоятельства	2,07	0,90	2,87	0,81	1,78	0,80	45,51/0,001
Я принимаю активное участие в той ситуации, которая сложилась в нашей семье	3,43	0,57	3,30	0,51	3,55	0,60	5,87/0,05

Согласно таблице 3.1, достоверные различия получены по всем параметрам, кроме оптимизма-пессимизма (утверждение «Я верю, что все будет хорошо»). Удовлетворенность семейными отношениями наиболее высока в группе некровных опекунов и наименее — в группе кровных опекунов (бабушек), показатель в группе сравнения занимает промежуточное положение. Последующие данные содержательно раскрывают

основания более высокой или более низкой удовлетворенности. По показателю «принятие — отвержение» наиболее высокий показатель в группе сравнения, наиболее низкий — в группе бабушек. По показателю «высокая — низкая ответственность» и «легкость — трудность» наибольшие значения в группе бабушек и наименьшие — в группе сравнения. Противоположная картина по показателю «активность — пассивность» — наименьшее значение получено в группе бабушек, наибольшее — в группе сравнения. Таким образом, кровные опекуны наименее удовлетворены семейным функционированием, в наибольшей мере переживая ситуацию опеки как ответственную и трудную, при этом наиболее пассивно участвуя в ней. В противоположность, в семьях, воспитывающих родных детей, семейная ситуация переживается менее «драматично», в меньшей степени как требующая высокой ответственности, а также как более легкая. При этом отмечается более высокий уровень активности при участии в семейной ситуации. В семьях с некровными опекунами отмечаются промежуточные значения параметров.

Далее были рассмотрены психологические характеристики в семьях с разными обстоятельствами, предшествовавшими опеке. Согласно таблице 3.2, в выборке бабушек-опекунов имеются достоверные различия в уровне семейного благополучия в зависимости от обстоятельств.

Таблица 3.2

**Психологические характеристики семейной ситуации при разных обстоятельствах, предшествующих опеке, в группе бабушек-опекунов**

Параметры	Смерть		Лишение прав		Отказ от прав		Н/р <
	М	σ	М	σ	М	σ	
Семейный АПГАР — уровень семейного благополучия	19,71	4,30	21,50	2,71	16,50	6,36	6,74/0,05
Хорошо, что в нашей семье есть ребенок (дети). Для меня воспитание ребенка — это ценный опыт	2,96	0,77	3,41	0,71	—	—	—
Ситуация кажется мне очень непростой	2,70	0,76	2,44	0,81	—	—	—
Я верю, что все будет хорошо	3,38	0,65	3,50	0,51	4,00	0,56	—
В этой ситуации от меня мало что зависит. Так сложились обстоятельства	3,05	0,72	2,88	0,96	—	—	—

Окончание табл. 3.2

Параметры	Смерть		Лишение прав		Отказ от прав		Н/р<
	М	$\sigma$	М	$\sigma$	М	$\sigma$	
Я принимаю активное участие в той ситуации, которая сложилась в нашей семье	3,27	0,55	3,35	0,49	3,00	0,47	–

Наименьший показатель отмечается в тех семьях, где произошел отказ родителей от прав, наибольшая удовлетворенность — при лишении родительских прав, и смерть родителя занимает промежуточное положение. В выборке некровных опекунов достоверных различий семейного благополучия и параметров отношения к семейной жизненной ситуации не обнаружено.

В таблице 3.3 представлены психологические характеристики переживания семейной ситуации в выборке бабушек-опекунов с разным участием кровных родителей в воспитании опекаемого ребенка.

Таблица 3.3

**Психологические характеристики семейной ситуации  
при разном участии биологических родителей в воспитании ребенка  
в выборке бабушек-опекунов**

Параметры	Не участвует		Участвует		Н/р<
	М	$\sigma$	М	$\sigma$	
Семейный АПГАР — уровень семейного благополучия	19,80	4,35	21,75	4,72	–
Хорошо, что в нашей семье есть ребенок (дети). Для меня воспитание ребенка — это ценный опыт	3,07	0,75	4,00	0,00	2,32/0,05
Ситуация кажется мне очень непростой	2,63	0,73	2,75	0,96	–
Я верю, что все будет хорошо	3,41	0,58	4,00	0,00	1,97/0,05
В этой ситуации от меня мало что зависит. Так сложились обстоятельства	2,88	0,75	2,75	1,50	–
Я принимаю активное участие в той ситуации, которая сложилась в нашей семье	3,24	0,48	4,00	0,00	2,49/0,05

В соответствии с таблицей 3.3, при участии родителей в воспитании отмечаются достоверно более высокие показатели принятия, оптимизма и активного участия в ситуации. В выборке некровных опекунов

достоверных различий семейного благополучия и параметров отношения к семейной жизненной ситуации не обнаружено.

Далее рассмотрены психологические характеристики семейной ситуации в семьях с разным семейным статусом. Выявлено, что этот фактор имеет значение только для группы сравнения (таблица 3.4). Для матерей, не состоящих в браке, выше уровень принятия ребенка.

Таблица 3.4

**Психологические характеристики семейной ситуации  
в семьях с разным семейным статусом (матери, группа сравнения)**

Параметры	В браке		Не в браке		Н/р <
	М	$\sigma$	М	$\sigma$	
Семейный АПГАР — уровень семейного благополучия	20,00	1,79	19,88	3,58	—
Хорошо, что в нашей семье есть ребенок (дети). Для меня воспитание ребенка — это ценный опыт	3,44	0,63	3,83	0,38	2,27/0,05
Ситуация кажется мне очень непростой	2,13	0,81	2,17	0,87	—
Я верю, что все будет хорошо	3,56	0,51	3,79	0,41	—
В этой ситуации от меня мало что зависит. Так сложились обстоятельства	1,69	0,70	1,83	0,87	—
Я принимаю активное участие в той ситуации, которая сложилась в нашей семье	3,44	0,51	3,63	0,65	—

Далее для более глубокого анализа жизненной ситуации рассмотрим взаимосвязи психологических и демографических характеристик в изучаемых выборках на основании корреляционного анализа (см. рисунки 3.1–3.3,  $p < 0,05$ ).

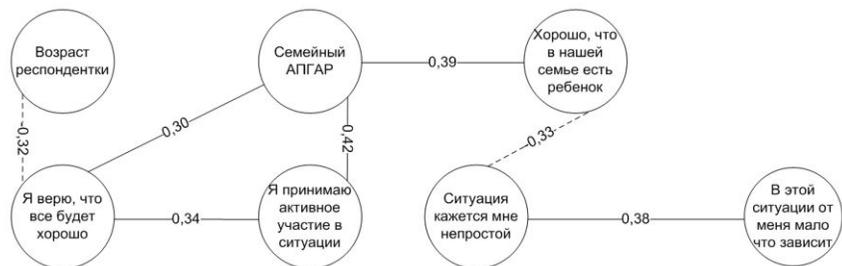


Рис. 3.1. Структура взаимосвязей показателей в группе кровных опекунов-бабушек

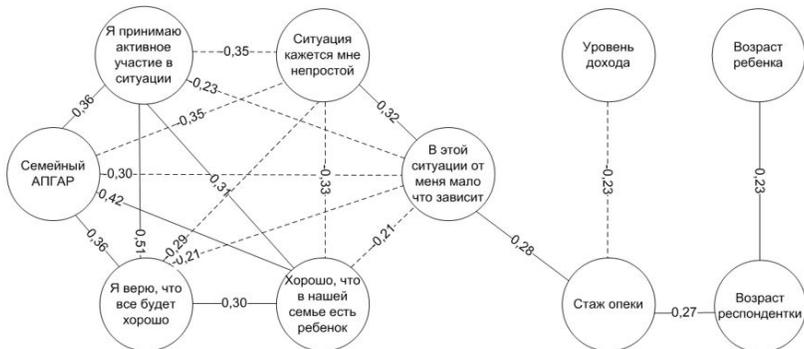


Рис. 3.2. Структура взаимосвязей показателей в группе опекунов, не состоящих в кровном родстве с опекаемым ребенком

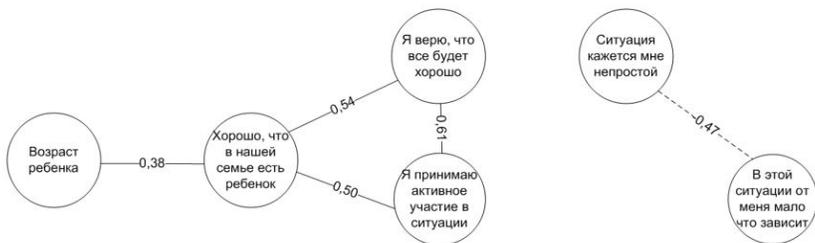


Рис. 3.3. Структура взаимосвязей показателей в группе сравнения

В выборке некровных опекунов низкий уровень ответственности положительно взаимосвязан со стажем опеки, что указывает на некоторые неблагоприятные тенденции ( $r_s = 0,28$ ). В выборке опекунов-бабушек отмечается отрицательная взаимосвязь стажа опеки и уровня оптимизма ( $r_s = -0,32$ ), это отражает объективные обстоятельства старения. В группе сравнения возраст ребенка положительно взаимосвязан с его принятием, что характеризует позитивные тенденции семейного функционирования ( $r_s = 0,38$ ).

Удовлетворенность семейными отношениями в группе как некровных, так и кровных опекунов положительно взаимосвязана с принятием, оптимизмом и активностью ( $r_s = 0, 0,39; 0,36$  и  $0,36$  соответственно у некровных опекунов и  $r_s = 0,42; 0,36$  и  $0,36$  соответственно у кровных опекунов), а у некровных опекунов еще и отрицательно со сложностью

ситуации и низкой ответственностью ( $r_s = -0,35$  и  $-0,30$  соответственно). В контрольной группе значимых взаимосвязей удовлетворенности отношениями не обнаружено.

У некровных опекунов наиболее тесно взаимосвязаны психологические характеристики семейной ситуации: все пять параметров значимо взаимосвязаны. У опекунов-бабушек таких взаимосвязей меньше: это положительная взаимосвязь активности и оптимизма ( $r_s = 0,34$ ), отрицательная — принятия и трудности ( $r_s = -0,33$ ), положительные взаимосвязи трудности и низкой ответственности ( $r_s = 0,38$ ), оптимизма и активности ( $r_s = 0,43$ ). В контрольной группе принятие положительно взаимосвязано с оптимизмом и активностью ( $r_s = 0,54$  и  $0,50$  соответственно), трудность с низкой ответственностью ( $r_s = 0,47$ ), активность с оптимизмом ( $r_s = 0,61$ ).

Таким образом, при анализе жизненной ситуации опекунства выявлено, что внешние обстоятельства у кровных опекунов весьма неблагоприятны, стрессовые события связаны с их родными детьми (смерть биологического родителя ребенка, который берется под опеку, или лишение родителя родительских прав). Кровные опекуны наименее удовлетворены семейными отношениями, в наибольшей мере переживая ситуацию опеки как ответственную и трудную, при этом наиболее пассивно участвуя в ней. В семьях, воспитывающих родных детей, семейная ситуация переживается как более легкая и меньше предъявляющая требований к ответственности, что сопровождается более высоким уровнем активности. Семьи некровной опеки занимают промежуточное положение.

При анализе психологических характеристик, соотносимых с разными обстоятельствами, предшествовавшими опеке, выявлено, что в семьях с кровными опекунами уровень семейного благополучия значительно различается в зависимости от обстоятельств, причем отказ от родительских прав переживается наиболее тяжело; положительную роль играет участие биологического родителя в жизни семьи. При этом в семьях с некровным опекуном обстоятельства не оказывают существенного влияния на уровень семейного благополучия.

Взаимосвязи психологических и демографических характеристик в изучаемых выборках свидетельствуют о тревоге перед будущим у кровных опекунов-бабушек из-за их возраста, а также о некоторых неблагоприятных тенденциях в семьях с некровным опекуном: с ростом стажа опеки снижается ответственность участия в ситуации. Удовлетворенность семейными отношениями тесно связана с психологическими характеристиками семейной ситуации в опекунских семьях как с кровным, так и с некровным опекуном, и не связана у матерей, воспитывающих

родных детей. При этом в семьях с некровным опекуном все психологические характеристики ситуации наиболее тесно взаимосвязаны.

Полученные данные свидетельствуют о валидности модифицированного варианта методики «Отношение к жизненной ситуации» и ее релевантности задачам изучения жизненной ситуации опекунских семей. Результаты свидетельствуют о необходимости дальнейшего, более углубленного исследования психологических факторов жизненной ситуации опекунства, в частности, семей с кровными опекунами, которые объективно испытывают больше трудностей, а отношение к жизненной ситуации опекунства в большей мере сопровождается негативными переживаниями.

### 3.2. Жизненная ситуация опеки глазами детей<sup>5</sup>

Следующим шагом в психологическом описании жизненной ситуации опеки стало изучение отношения к ней детей, оставшихся без родительского попечения. Мы предположили, что отношение опекаемого ребенка к жизненной ситуации опеки может определяться формой семейного жизнеустройства (кровная или некровная опека) и обстоятельствами, которые привели к утрате родительского попечения. Помимо этого, предполагалось, что отношение к жизненной ситуации опеки будет различаться в зависимости от возраста ребенка и, как следствие, его психических и личностных возможностей. В соответствии с этим представлены результаты, полученные в ответ на следующие исследовательские вопросы:

- 1) какова специфика отношения детей к жизненной ситуации кровной и некровной опеки?
- 2) каким образом варьирует отношение детей к жизненной ситуации опеки в зависимости от обстоятельств, предшествующих опеке?
- 3) каким образом отношение к жизненной ситуации кровной и некровной опеки опосредуется возрастными характеристиками детей?

В ходе анализа отношения ребенка к жизненной ситуации опеки использовались данные, полученные с помощью методик «Отношение к значимой жизненной ситуации» и «Семейный АПГАР». Обработка результатов исследования осуществлялась с помощью пакета прикладных статистических программ Statistica 10.0 и включала в себя анализ

---

<sup>5</sup> Коржова Е. Ю., Безгодова С. А., Микляева А. В., Юркова Е. В. Психологическая характеристика отношения к жизненной ситуации у детей, воспитывающихся в опекунских семьях // Вестник Московского государственного областного университета. 2019. № 2. URL: [www.evestnik-mgou.ru](http://www.evestnik-mgou.ru) (дата обращения: 01.12.2020).



Таблица 3.6

**Средние значения и взаимосвязи показателей  
в выборке детей, не состоящих в кровном родстве с опекунами  
(примечание: \* —  $p < 0,05$ )**

Показатели	M	S	1	2	3	4	5	6	7	8
1. Стаж опеки	6,22	4,22	1,00	0,22*	0,13	0,13	0,06	-0,08	0,15	0,13
2. Возраст ребенка	11,99	2,65		1,00	-0,13	0,22*	-0,17	0,25*	0,03	-0,19
3. Принятие ситуации	3,51	0,66			1,00	-0,25*	0,37*	-0,32*	0,25*	0,45*
4. Трудность ситуации	1,83	0,87				1,00	-0,32*	0,34*	-0,13	-0,17
5. Оптимизм	3,65	0,50					1,00	-0,36*	0,29*	0,43*
6. Экстер-нальность	2,28	0,97						1,00	-0,24*	-0,31*
7. Активность	3,25	0,76							1,00	0,19
8. Семейный АПГАР	21,85	2,87								1,00

На основании результатов, представленных в таблицах 3.5 и 3.6, можно сделать вывод, что дети, воспитываемые бабушками-опекунами, демонстрируют меньшую субъектность в отношении собственной жизненной ситуации в сравнении с детьми из семей некровной опеки, воспринимают ее как значительно более трудную и при этом мало контролируемую. Кроме того, фрагментарность взаимосвязей между оценками функциональности семейных отношений и различными параметрами отношения к жизненной ситуации опеки у детей, находящихся под опекой бабушек (в сравнении со структурой взаимосвязей аналогичных показателей, полученных в выборке детей из семей некровной опеки), позволяет предполагать, что отношение ребенка к ситуации кровной опеки определяется не столько характером реальных отношений с опекуном и другими членами семьи, сколько иными факторами, не связанными непосредственно с семейным функционированием, в то время как отношение к жизненной ситуации у детей из семей некровной опеки во многом отражает реальную картину семейных отношений.

Это предположение косвенно подтверждают особенности отношения детей к жизненной ситуации опеки в контексте анализа обстоятельств, приведших к утрате родительского попечения (см. рисунок 3.4).

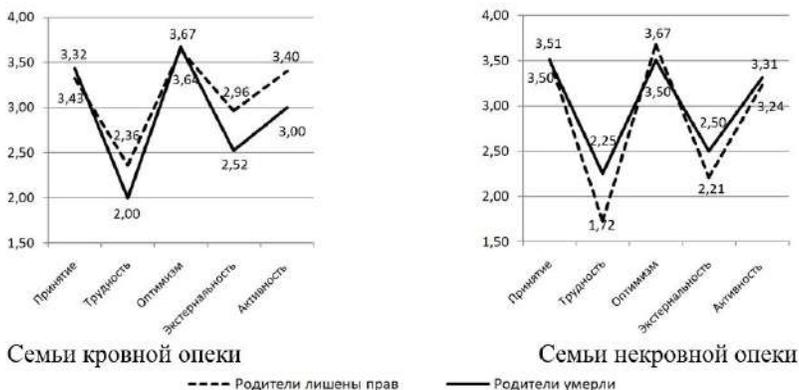


Рис. 3.4. Отношение детей к жизненной ситуации в случаях смерти родителей или лишения их родительских прав

Представленные данные наглядно демонстрируют «зеркальность» оценок жизненной ситуации кровной и некровной опеки детьми в зависимости от тех обстоятельств, которые предшествовали их помещению под опеку. Дети из семей кровной опеки воспринимают свою жизненную ситуацию как значительно более трудную и не поддающуюся контролю в тех случаях, когда их родители живы, но лишены родительских прав и не участвуют в воспитании ребенка, или же их участие в воспитании существенно ограничено. В случае, если к необходимости опеки привела смерть родителей, несмотря на очевидную травматичность жизненных обстоятельств, дети сохраняют более высокую субъектность в ситуации кровной опеки и, кроме того, достоверно выше оценивают функциональность отношений, сложившихся с опекунами и другими членами семьи ( $21,76 \pm 3,06$  против  $20,44 \pm 3,00$ ,  $U=254$ ,  $p < 0,05$ ). В выборке детей, воспитывающихся в условиях некровной опеки, ситуация прямо противоположна: немного более неблагоприятное отношение к жизненной ситуации опеки констатируется у тех детей, которые пережили смерть родителей, равно как и показатели удовлетворенности семейным функционированием ( $20,63 \pm 3,20$  против  $22,01 \pm 2,71$ ,  $U=672$ ,  $p < 0,05$ ).

На наш взгляд, эти различия объясняются разницей в оценках статуса опекуна ребенком в ситуации кровной и некровной опеки. В случае кровной опеки лишение родителей родительских прав, как правило, не означает полного прекращения контактов ребенка с ними. В нашей

выборке 8,9% семей кровной опеки сообщили, что родители, лишённые родительских прав, принимают осязаемое участие в воспитании ребёнка, а ещё 23,8% указали, что родители в данный момент не поддерживают связей с ребёнком, однако сохраняли их в течение некоторого времени после того, как были лишены родительских прав. Вероятно, в этой ситуации ребёнку очень трудно признать за бабушкой право осуществлять родительские функции, о чём наглядно свидетельствуют и более низкие оценки функциональности семейных отношений в тех случаях, когда бабушка проживала вместе с ребёнком и его родителями до того, как ребёнок был принят ею под опеку ( $20,32 \pm 3,48$  против  $21,95 \pm 2,33$ ). С другой стороны, определённый вклад в отражение ребёнком жизненной ситуации кровной опеки в этом случае, вероятно, вносит и потенциально амбивалентное отношение бабушки к себе как к матери, воспитавшей детей, лишённых родительских прав, и, как следствие, неоднозначное отношение к опекаемому ребёнку. В случае смерти родителей отношения в семьях кровной опеки, вероятно, характеризуются большей ролевой определённостью, что способствует более благоприятным оценкам опекаемым ребёнком собственной жизненной ситуации. Отсутствие значимых корреляций с возрастом детей (см. таблицу 3.5) позволяет предположить, что опосредованность отношения ребёнка к жизненной ситуации кровной опеки степенью ролевого конфликта с опекуном определяется в первую очередь характером объективных жизненных обстоятельств, а не возрастными особенностями опекаемых детей.

Напротив, в ситуации некровной опеки контакты между опекаемыми детьми и биологическими родителями чаще всего сводятся к минимуму (в нашей выборке о поддержании таких контактов сообщили только 5,8% семей). Отсутствие контактов с биологическими родителями, вероятно, создаёт более благоприятные условия для того, чтобы ребёнок активно включился в жизнь семьи, взявшей его под опеку, смог признать за опекунами право на осуществление родительской роли. Согласно результатам корреляционного анализа (см. таблицу 3.6), такая адаптация легче дается детям младшего возраста и затрудняется по мере их взросления. Фактором, затрудняющим адаптацию к ситуации некровной опеки, судя по всему, может также становиться память о своих родителях в случае, когда размещению в опекунской семье предшествовала их смерть.

Проведённое исследование показало, что отношение детей к жизненной ситуации кровной и некровной опеки имеет выраженную специфику и определяется объективными жизненными обстоятельствами, находящимися в отражении в актуальном ролевом статусе опекуна. Ситуация

кровной опеки в целом оценивается опекаемыми детьми как менее благоприятная в сравнении с ситуацией некровной опеки.

Наименее благоприятные оценки жизненной ситуации характерны для тех детей, которые, находясь под опекой бабушек, сохраняют контакты с кровными родителями, лишенными родительских прав, что создает условия для ролевого конфликта ребенка с опекуном независимо от возраста ребенка. В этом контексте смерть родителей, полностью исключающая возможность их участия в воспитании ребенка, судя по всему, способствует сглаживанию ролевого конфликта с опекуном, что выражается в относительно более высоких оценках своей жизненной ситуации детьми, пережившими смерть родителей.

Дети, не связанные с опекунами кровным родством, в целом оценивают свою жизненную ситуацию как более благоприятную. Ролевой конфликт в ситуации некровной опеки, вероятно, возникает в случае острых переживаний, связанных с потерей биологических родителей, что приводит к снижению оценок актуальной жизненной ситуации. Можно также отметить, что наиболее благоприятные оценки ситуации некровной опеки дают младшие дети, с возрастом эти оценки снижаются, что, вероятно, отражает закономерности развития личности в подростковом возрасте.

Полученные результаты указывают на необходимость дифференцированного подхода к психологическому сопровождению семей кровной и некровной опеки, предполагающего, в частности, учет жизненных обстоятельств, предшествовавших опеке, а также отношения опекаемого ребенка к актуальной жизненной ситуации.

### **3.3. Отражение семейной ситуации в рисунках детей и подростков, находящихся под опекой кровных и некровных родственников<sup>6</sup>**

С целью получения более объемной картины жизненной ситуации опеки было осуществлено эмпирическое изучение психологических характеристик опекаемых детей и подростков из семей кровной и некровной опеки на основе проективной рисуночной методики. Предпо-

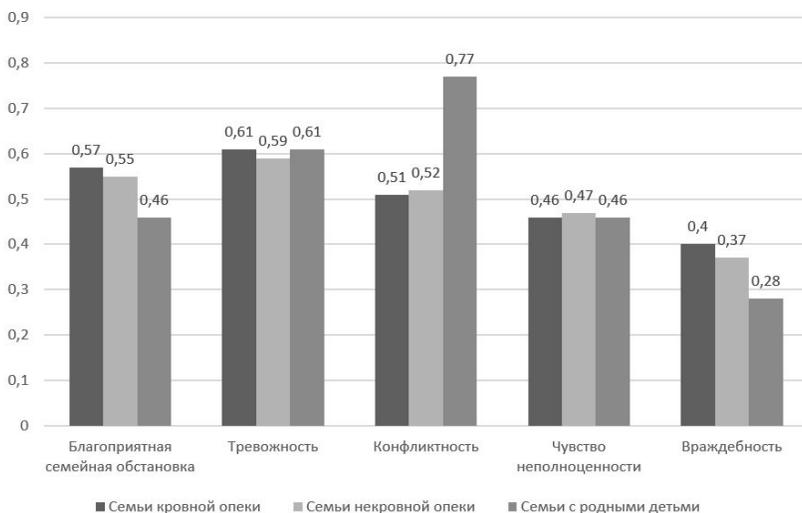
---

<sup>6</sup> Коржова Е. Ю., Безгодова С. А., Юркова Е. В. Отражение семейной ситуации в рисунках детей и подростков, находящихся под опекой кровных родственников // Герценовские чтения: психологические исследования в образовании. Материалы III Международной научно-практической конференции Санкт-Петербург, 1–2 октября 2020 г. СПб.: Изд-во РГПУ им. А. И. Герцена, 2020. С. 357–363. DOI 10.33910/herzenpsyconf-2020-3-26

лагалось, что семейная ситуация детей и подростков отразится в рисунках семьи по ряду психологических характеристик, причем рисунки детей из семей кровной опеки будут отличаться заметным своеобразием, характеризую их более неблагоприятное психическое состояние. Тем самым предыдущие данные могут получить подтверждение благодаря применению проективного подхода, направленного на получение целостного образа психологического феномена, которым в данном случае выступает жизненная ситуация опеки.

Анализировались данные, полученные с использованием проективной методика «Кинетический рисунок семьи». Для оценки достоверности различий между выборками применялся F-критерий Фишера. Использовалась программа статистической обработки данных SPSS-19.

На рисунке 3.5 представлены результаты анализа рисунков опекаемых детей и подростков по классическим показателям кинетического рисунка семьи.



*Рис. 3.5.* Отражение семейных взаимоотношений в рисунках детей из разных типов семей согласно общепринятым при интерпретации кинетического рисунка семьи

Из рисунка видно, что дети из семей кровной опеки стремятся изобразить свою семью как имеющую более благоприятную обстановку, чем из семей с родными детьми, что, впрочем, присуще и детям из семей

некровной опеки (см. рисунки 3.6–3.9). Это согласуется с также отраженной на рисунке тенденцией изображать семью менее конфликтной детьми из опекунских семей. Явное включение защитных механизмов (отрицания, вытеснения), лежащих в основе такого изображения семьи, подтверждается выявленной более высокой враждебностью в рисунках детей из семей кровной опеки. Близки к ним результаты анализа рисунков детей из семей некровной опеки. В рисунках же детей из семей с родными детьми враждебность отмечена намного реже. Все это свидетельствует об определенной противоречивости психологического содержания рисунков детей их опекунских семей.

По уровню тревожности и чувству неполноценности между рисунками нет заметных различий.

В силу значительной вариативности индивидуальных показателей различия не отличаются высокой достоверностью.

Однако при учете содержательных характеристик рисунка по типу «Семейной социогаммы», с учетом размера и расположения фигур, достоверные различия между показателями выявлены (см. таблицу 3.7).

Таблица 3.7

**Показатели рисунков детей и подростков из семей разного типа с учетом размера и расположения фигур («семейной социогаммы»)**

Шкалы	Семья кровной опеки	Семья некровной опеки	Семья с родными детьми	F	p
эмоциональный фон	3,82±1,35	4,22±1,06	3,71±1,24	3,36	0,04
дистантность — близость	3,82±1,60	3,95±1,31	3,22±1,67	3,91	0,02
интегрированность	3,69±1,54	4,00±1,33	3,18±1,59	4,96	0,01
активность	3,23±1,84	3,65±1,70	3,27±1,79		

Согласно таблице 3.7, рисунки детей из опекунских семей отличаются более благоприятным демонстрируемым эмоциональным фоном: рисунки детей из семей кровной опеки занимают промежуточное положение между детьми из семей некровной опеки и семей с родными детьми, в рисунках которых эмоциональный фон наиболее неблагоприятен. При этом показатель активности наиболее низок в рисунках детей из семей кровной опеки, хотя в этом случае достоверность различий не подтверждена. Если за ориентир нормы взять семьи с родными детьми, то в рисунках детей из семей кровной опеки отмечаются более высокая

дистантность членов семьи по отношению друг к другу и более низкая интегрированность. Еще более явные различия по этим же параметрам отмечаются при сравнении рисунков детей из семей с родными детьми и семей некровной опеки.



Рис. 3.6. Семейное благополучие  
(рисунок девочки 13 лет, семья кровной опеки)

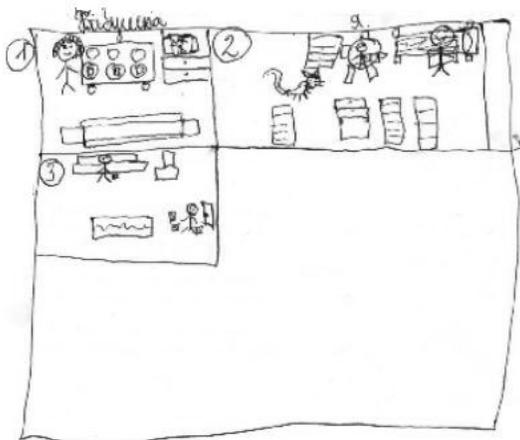


Рис. 3.7. Семейная дезинтеграция  
(рисунок девочки 11 лет, семья кровной опеки)



*Рис. 3.8.* Демонстративное благополучие  
(рисунок девочки 11 лет, семья некровной опеки)



*Рис. 3.9.* Одинокий ребенок  
(рисунок девочки 10 лет, семья некровной опеки)

Таким образом, рисунки детей из семей с родными детьми характеризуются близостью членов семьи, средним уровнем их активности, низкой их интегрированностью и низким эмоциональным фоном, что свидетельствует об отсутствии психологических защит.

На основании эмпирического исследования гипотеза о наиболее негативных показателях семейного благополучия в рисунках детей из семей кровной опеки была подтверждена частично. Рисунки детей из семей кровной опеки отличаются высоким эмоциональным фоном, дистантностью, высокой интегрированностью (хотя все эти показатели ниже, чем в семьях некровной опеки) и наиболее низкой активностью по сравнению с детьми из семей некровной опеки и семей с родными детьми.

Такие результаты согласуются с полученными ранее о жизненной ситуации детей из опекунских семей, где на вербальном уровне, с использованием методики «Отношение к жизненной ситуации», выявлено, что актуальная жизненная ситуация наименее благоприятно оценивается детьми, находящимися в семьях кровной опеки (Коржова Е. Ю., Безгодова С. А., Микляева А. В., Юркова Е. В., 2019). На невербальном уровне данные закономерности представлены в более обобщенном виде и свидетельствуют о включении защитных механизмов отрицания и вытеснения, о стремлении представить свою семью и семейную ситуацию в целом в наиболее благоприятном свете.

Полученные результаты свидетельствуют о необходимости сочетания вербальных и невербальных методик исследования семейной ситуации детей и подростков из семей кровной опеки, поскольку для психологической работы с опекунскими семьями необходимо обладать полной психологической картиной семей, а это возможно при учете переживаний как осознанных, так и неосознанных, как обобщенных, так и дифференцированных.

### **3.4. Типология трудных ситуаций и ситуаций, приносящих удовлетворение, в семьях кровной и некровной опеки<sup>7</sup>**

Выше нами были представлены результаты исследования отношения к жизненной ситуации опеки у кровных и некровных опекунов детей-школьников, а также самих опекаемых детей. Полученные данные свидетельствуют о различиях в отношении к ситуации опеки по ряду параметров, характеризующих меру субъектной включенности. Создание типологии жизненных ситуаций опеки предоставляет возможность рассмотреть различные варианты жизненных обстоятельств, значимых для опекунов, в единстве с их психологическими характеристиками.

Классификация ситуаций — это еще один подход к их описанию. В области систематизации жизненных, или социальных, ситуаций имеются лишь разрозненные исследования. Исключение составляют психофизические исследования, в которых изучалось влияние физического стимула на сенсорный опыт. С целью классификации чаще всего используют статистические методы, в основном кластерный и факторный анализ. Однако способы классификации могут быть самыми разными,

---

<sup>7</sup> Коржова Е. Ю., Микляева А. В., Безгодова С. А., Юркова Е. В. Типология жизненных ситуаций опекунских семей // Развитие человека в современном мире. 2018. № 2. С. 57–65.

как разными могут быть и основания классификации. Разработанность данного вопроса в определенной мере сопоставима с проблемой классификации психологических типов. Основания классификации зависят от теоретико-методологической позиции автора и избранных оснований классификации. Часто они весьма произвольны. Еще чаще классификация производится после завершения процедуры исследования, в результате которого интуитивно или с помощью математико-статистических методов на значительном эмпирическом материале ситуации группируются в некоторые классы (типы). Такой индуктивный подход удобен в тех случаях, когда теоретические аспекты изучаемой проблемы недостаточно разработаны либо при решении практических задач, требующих быстрого решения.

Возможны классификации по характеристикам ситуации, по критерию способности вызывать сходное поведение. Отдельно рассматриваются классификации фрустрирующих ситуаций, ситуаций, провоцирующих страх (Магнуссон Д., 1983, Коржова Е. Ю., 2015).

На возможность классификации ситуаций по типу поведения, подходящему для ситуации, указал еще W. Mishel, выдвинув гипотезу о так называемых «сильных» и «слабых» ситуациях.

Ситуационный подход дает возможность рассмотреть жизненные обстоятельства опекунских семей сквозь призму их значимости для опекунов. Соответственно, жизненная ситуация опеки может переживаться по-разному не только в силу разных внешних условий жизнедеятельности, но и в силу индивидуально-психологических различий, прежде всего, личностных и субъектных. Личность проецируется в жизненной ситуации. Типологический подход позволяет понять жизненную ситуацию как целостное образование благодаря определенной группировке ответов опекунов. Типологизации предшествовал контент-анализ ответов, на основании которого были выбраны критерии, дифференцирующие жизненные ситуации опеки.

Для решения задачи типологизации жизненных ситуаций опекунских семей анализировались описания респондентами тех событий в жизни семьи, которые представляют для них проблему, а также основных событий в жизни семьи, которые приносят положительные эмоции. Соответственно в отдельности анализировались как трудные жизненные ситуации, так и ситуации, приносящие удовлетворение. Производился контент-анализ описаний жизненных ситуаций опеки в трех выборках. На основании анализа частоты встречаемости категорий предложены ключевые параметры типологизации, сравнение выборок по которым осуществлялось с вычислением  $\phi^*$ - критерия Фишера.

В таблице 3.8 представлены результаты контент-анализа трудных ситуаций.

Таблица 3.8

**Контент-анализ описаний трудных жизненных ситуаций в разных выборках**

Категория ответа	Опекуны-бабушки	Некровные опекуны	Группа сравнения	В среднем
нет проблем	0,299	0,486	0,367	0,403
плохое поведение ребенка	0,209	0,206	0,04	0,17
плохая учеба ребенка	0,119	0,093	0,04	0,089
проблемы со здоровьем или развитием ребенка	0,03	0,065	0,04	0,049
финансовые трудности	0,06	0,019	0,04	0,045
проблемы с жилплощадью	0,06	0,019	0,06	0,04
переживание собственной потери	0,014	0,019	0,06	0,027
мало времени на семью		0,028	0,04	0,022
антисоциальное поведение родителей ребенка	0,06		0,04	0,018
болезнь родственников		0,019	0,02	0,013
недоверие в отношениях с ребенком	0,03	0,009		0,013
проблемы собственного здоровья	0,03			0,009
ребенок переживает потерю родителей	0,03			0,009
компьютерная зависимость	0,014		0,02	0,009
уход за тяжело больным родственником		0,019		0,009
суд			0,04	0,009
развод			0,04	0,009
ребенка травят в школе	0,014			0,004
страх сказать ребенку о смерти матери		0,009		0,004
алкогольная зависимость супруга		0,009		0,004
страх вождения машины			0,02	0,004
необходимость переезда			0,02	0,004

Окончание табл. 3.8

Категория ответа	Опекуны-бабушки	Некровные опекуны	Группа сравнения	В среднем
общение с родителями			0,02	0,004
потеря работы			0,02	0,004
ипотека			0,02	0,004
ремонт			0,02	0,004
редко вижу внука			0,02	0,004
плохо организован досуг			0,02	0,004
общение ребенка с бывшим супругом			0,02	0,004

В трудных ситуациях отсутствие проблем указывает много респондентов (3-й — 4-й у опекунов-бабушек и в группе сравнения, а у некровных опекунов такой ответ дает каждый второй, что выглядит подчеркнуто демонстративно). Отрицание трудностей может свидетельствовать о включении механизмов психологической защиты. Кровные опекуны наиболее часто называют среди трудностей плохое поведение ребенка и плохую учебу, остальные ситуации указываются реже чем каждым десятым. Некровные опекуны также называют часто в качестве проблем плохое поведение и учебу детей, а, кроме того, и их здоровье. В группе сравнения указания на плохое поведение, отметки и здоровье детей единичны (4% и менее).

Представляет интерес содержательная специфичность ситуаций для разных выборов. Только кровные опекуны называют проблемы со своим здоровьем, переживание ребенком потери родителей, травлю ребенка в школе. Только некровные опекуны называют недоверие во взаимоотношениях с ребенком, уход за тяжело больным родственником, необходимость сказать ребенку о смерти матери, алкогольную зависимость супруга. Только матери группы сравнения указывают такие события как суд, развод, общение с родителями, страх вождения машины, необходимость переезда, потеря работы, ипотека, ремонт, плохую организацию досуга, общение ребенка с бывшим супругом, редкое общение с внуком. События в группе сравнения индивидуально-своеобразны, часто называется несколько ситуаций (2–6).

В таблице 3.9 представлены результаты контент-анализа ситуаций, приносящих удовлетворение.

Таблица 3.9

**Контент-анализ описаний жизненных ситуаций,  
приносящих удовлетворение, в разных выборах**

Категория ответа	Опекуны-бабушки	Некровные опекуны	Группа сравнения	В среднем
совместный досуг	0,16	0,235	0,246	0,224
праздники	0,133	0,127	0,082	0,121
совместные поездки	0,067	0,137	0,066	0,109
успехи ребенка в школе, спорте, танцах	0,044	0,104	0,098	0,109
нет таких	0,054	0,047	0,082	0,078
совместное времяпрепровождение	0,013	0,047	0,115	0,052
совместное творчество, хобби, спорт	0,013	0,052	0,049	0,043
общий труд по дому, саду	0,027	0,038		0,029
посещение театров, музеев	0,053	0,014	0,033	0,026
походы в гости, прием гостей	0,027	0,019		0,017
хорошее поведение ребенка	0,013	0,024		0,017
хорошие отношения, доверие, взаимопонимание с ребенком	0,013	0,024		0,017
покупки	0,027	0,009	0,016	0,014
общение за столом	0,013	0,014	0,016	0,014
рождение внуков	0,027	0,009	0,016	0,014
отношения с родными детьми		0,024		0,014
отзывчивость, заботливость ребенка	0,027	0,009		0,011
забота о питомцах	0,013		0,033	0,009
скрасил мое одиночество	0,027	0,005		0,009
решение текущих проблем, реализация планов		0,014		0,009
отпуск, выходные			0,049	0,009
посещение дополнительных занятий ребенком	0,013	0,005		0,006

Окончание табл. 3.9

Категория ответа	Опекуны-бабушки	Некровные опекуны	Группа сравнения	В среднем
ребенок сделал подарок своими руками	0,013		0,016	0,006
общение с мужем		0,009		0,006
успешная адаптация ребенка к семье		0,009		0,006
карьерный успех			0,033	0,006
бесплатная путевка в санаторий	0,013			0,003
ремонт	0,013			0,003
посещение клуба приемных родителей		0,005		0,003
воспоминания о хороших моментах		0,005		0,003
здоровье ребенка		0,005		0,003
здоровье близких		0,005		0,003
рождение детей			0,016	0,003
посещение церкви			0,016	0,003
общение с друзьями			0,016	0,003

Согласно таблице 3.9, совместный досуг лидирует во всех выборках. Второе место устойчиво занимают праздники. Далее в группе опекунов-бабушек по частоте встречаемости выделяются совместные поездки, посещение театров и музеев, а также успехи ребенка в разных сферах. У некровных опекунов праздники также называются достаточно часто, совместные поездки — вдвое чаще, чем их называют кровные опекуны и матери, а успехи детей (и в группе матерей также) называются вдвое чаще, чем в группе бабушек. В группе сравнения в отличие от опекунских семей значимы (по частоте названных событий) совместное времяпрепровождение, хобби, спорт.

Опекуны отмечают хорошее поведение ребенка, взаимоотношения, поскольку перед ними стоит задача их конструировать, в отличие от матерей группы сравнения, для них взаимоотношения с ребенком естественный процесс. В группе сравнения явно отмечается большее разнообразие ситуаций, причем они не встречаются ни у кровных,

ни у некровных опекунов (отпуск, выходные (4,9%), карьерный успех, рождение детей, посещение церкви, общение с друзьями).

Об отсутствии позитивных жизненных ситуаций указывают от 5 до 8% респондентов. Это составляет большой контраст с ответами о содержании трудных ситуаций, среди которых об их отсутствии от 30 до 50% в разных выборках.

Таким образом, прежде всего, содержательные различия в описании ситуаций находятся в степени их разнообразия. В проективной психодиагностике одним из показателей интерпретации является «оригинальность — популярность» (Бурлачук Л. Ф., 2011). «Оригинальными» признаются ответы, встречающиеся в 1–2 случаях на 100 человек, «популярными» — не менее чем в 30% случаев. Этот показатель был в свое время включен нами при разработке методик «Психологическая автобиография» и использовался для анализа часто и редко встречающихся ситуаций. Приведенные выше данные свидетельствуют о целесообразности использования этого показателя. Поскольку значительная часть ответов не соответствует требованиям оригинальности или популярности, то учитываются и промежуточные результаты как «средний уровень» оригинальности. Второй показатель был определен на основании вектора направленности — фокуса внимания на ребенке или на самом себе. Промежуточный показатель соединяет оба вектора, получая название «фокус на ребенке в контексте семьи».

На основании содержательного анализа ситуаций были выделены следующие критерии их типологизации: «оригинальность — популярность» и «направленность на ребенка — направленность на себя» (см. таблицу 3.10).

Таблица 3.10

**Типология трудных ситуаций опеки  
и ситуаций опеки, приносящих удовлетворение, в разных выборках**

Критерии типологизации	Кровные опекуны (бабушки)	Некровные опекуны	Группа сравнения (матери)	Различия между кровными опекунами и матерями (φ*-критерий Фишера)
Трудные ситуации				
направленность на себя	35,7%	53,4%	70,0%	3,39/0,01
направленность на ребенка в контексте семьи	12,5%	12,6%	10,0%	

Окончание табл. 3.10

Критерии типологизации	Кровные опекуны (бабушки)	Некровные опекуны	Группа сравнения (матери)	Различия между кровными опекунами и матерями ( $\chi^2$ -критерий Фишера)
направленность на ребенка	51,8%	34,3%	20,0%	3,28/0,01
«популярность» (низкая оригинальность)	35,7%	50,5%	35,0%	
средняя оригинальность	53,8%	40,8%	30,0%	
высокая оригинальность	8,7%	9,0%	35,0%	3,18/0,01
Ситуации, приносящие удовлетворение				
направленность на себя	26,8%	8,7%	22,5%	
направленность на ребенка в контексте семьи	41,1%	53,8%	60,0%	
направленность на ребенка	32,1%	33,0%	17,5%	1,65/0,05
«популярность» (низкая оригинальность)	33,9%	15,5%	30,0%	
средняя оригинальность	58,9%	70,9%	52,5%	
высокая оригинальность	7,2%	13,6%	17,5%	

Из таблицы видно, что больше различий относится к трудным ситуациям опеки, что соответствует представлениям о том, что именно трудная ситуация в большей мере актуализирует субъектность и проявляет личность. В трудной ситуации у кровных опекунов преобладает направленность на ребенка, а в группе сравнения — на себя (в обоих случаях есть достоверные различия между кровными опекунами и группой сравнения — матерями). Промежуточный вариант — направленность на ребенка в контексте семьи — наиболее редок (10–13% в разных выборках). По показателю «оригинальность — популярность» низкая оригинальность несколько чаще встречается у некровных опекунов, средняя — несколько выше у кровных опеку-

нов и высокая оригинальность — в группе сравнения со значительным перевесом (имеются достоверные различия между кровными опекунами и группой сравнения).

В ситуациях, приносящих удовлетворение, наиболее часто отмечается направленность на ребенка в контексте семьи — во всех трех выборках: наиболее часто в группе сравнения, реже у кровных опекунов, промежуточные значения в группе сравнения. Однако достоверных различий в данном случае нет. Направленность на себя примерно в равной степени (у каждого 4-го — 5-го) отмечается в группах кровных опекунов и у матерей, у некровных опекунов очень мало таких ответов. Направленность на ребенка реже всего отмечается в группе сравнения, у кровных и некровных опекунов такие ответы дает каждый третий. Имеются достоверные различия по данному показателю между матерями и кровными опекунами, которые вдвое чаще называют такие ситуации. Ситуации средней оригинальности наиболее часты: в 70% случаев у некровных опекунов, в 50–60% случаев у кровных опекунов и в группе сравнения. Низкооригинальных ответов больше у кровных опекунов и матерей ( $\frac{1}{3}$  ответов), меньше всего таких ситуаций отмечено некровными опекунами. Высокооригинальных ответов отмечается меньше всего во всех группах: меньше всего у кровных опекунов, больше всего у матерей, некровные опекуны занимают промежуточное положение.

Таким образом, на основании контент-анализа характеристик жизненных ситуаций были выделены критерии их типологизации: направленность на ребенка — направленность на себя; низкая оригинальность — высокая оригинальность. Более информативными оказались ответы, касающиеся трудных жизненных ситуаций, более явно отражающих субъектную включенность в жизненную ситуацию. И трудные жизненные ситуации, и ситуации, приносящие удовлетворение, кровных опекунов отличаются направленностью на ребенка; трудные ситуации характеризуются низкой оригинальностью (чаще всего это учеба и трудности поведения). Эти данные согласуются с ранее полученными результатами о переживаемой кровными опекунами высокой ответственности в ситуации опеки, очень трудную для них, в результате чего их поведение достаточно пассивно. Ситуации, приносящие удовлетворение, среднеоригинальны (совместные праздники, дни рождения).

У матерей (группа сравнения) и трудные жизненные ситуации, и ситуации, приносящие удовлетворение, отличаются направленностью на себя; трудные ситуации характеризуются высокой оригинальностью. Это согласуется с выше представленными данными о восприятии ими семейной ситуации как более легкой, менее ответственной, и о более активном их поведении.

Некровные опекуны занимают промежуточные позиции по критериям типологии, как и ранее по параметрам отношения к значимой семейной ситуации.

\* \* \*

Наше исследование показало, что ситуационный подход, позволяющий учесть объективный и субъективный контексты функционирования опекунских семей, является продуктивным для анализа широкого круга характеристик, учет которых необходим для решения разнообразных задач в контексте социального сопровождения таких семей и их психологической поддержки. Полученные данные углубляют рассмотренное ранее отношение у опекунов к сложившейся семейной ситуации и подтверждают, что прежде всего семьи с кровными опекунами нуждаются в значительной помощи и поддержке со стороны государственных структур и общественных организаций. В качестве перспективы развития методологии ситуационного подхода в исследованиях опекунских семей можно отметить разработку оснований и инструментария для анализа типов жизненных ситуаций опеки по ряду параметров оценки отношения к значимой жизненной ситуации, что может быть исследовано в дальнейшем.

## Глава 4

# СУБЪЕКТИВНЫЙ АСПЕКТ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ С ЖИЗНЕННОЙ СИТУАЦИЕЙ ОПЕКИ ОПЕКУНОВ И ОПЕКАЕМЫХ: СОБЫТИЙНАЯ НАПОЛНЕННОСТЬ ЖИЗНЕННОЙ ПЕРСПЕКТИВЫ

В предыдущей главе дана *общая характеристика жизненных ситуаций кровной и некровной опеки*. На основании эмпирического исследования показано, что внешние обстоятельства наиболее неблагоприятны у кровных опекунов (бабушек), стрессовые события связаны с их родными детьми (смерть биологического родителя ребенка, который берется под опеку, или лишение родителя родительских прав). Кровные опекуны наименее удовлетворены семейными отношениями, в наибольшей мере переживая ситуацию как ответственную и трудную, и при этом наиболее пассивны, будучи при этом сосредоточенными, в первую очередь, на жизни опекаемого ребенка (чаще всего на его учебе и трудностях в поведении). Опекуны, не состоящие в кровном родстве с ребенком, оценивают трудность жизненной ситуации опеки несколько ниже, характеризуются более активной жизненной позицией, чем кровные опекуны, однако для них также характерна выраженная концентрация на событиях, связанных с жизнью ребенка (Коржова Е. Ю., Безгодова С. А., Микляева А. В., Юркова Е. В., 2018). В этой связи представляется актуальным обращение к анализу жизненной перспективы опекунов и ее событийной наполненности.

Представления человека о своем будущем занимают особое место в жизненной проблематике, сообщая смысл настоящему, придавая ему ценность или обесценивая его. К. Левин (2000), много внимания уделивший временным аспектам бытия и их роли в жизни человека, видел жизненную задачу личности в достижении равновесия в настоящем, соединяющем прошлое и будущее. Неравновесие понималось им как нервное напряжение в разных внутренних системах (ячейках внутриличностной сферы). Напряжение стремится к выравниванию

с напряжением окружающих систем и, кроме того, оказывает давление на границы системы, что позволяет ему перемещаться в разных направлениях. Неравновесие возникает в результате либо внешней стимуляции, либо внутренних изменений. Выравнивание напряжения сопровождается выходом психической энергии и достижением состояния покоя. Направленность в будущее — одна из характеристик зрелой личности (Маслоу А., 1997; Олпорт Г., 1998; Роджерс К., 2001). Дж. Келли (2000), в соответствии со своей когнитивной позицией, главной задачей видит построение целостного образа мира, его интерпретацию и прогноз будущего. Это своеобразное когнитивное «упорядочивание мира» посредством его интерпретации с помощью дихотомических конструкторов. Важным моментом является указание на наличие центральной ядерной структуры в системе конструкторов, обуславливающей центральную ядерную роль человека. Центральная ядерная структура выражает суть видения мира. Отклонение от центральной роли вызывает чувство вины. Человеку присуще стремление к истине — к построению гипотез и их проверке в реальной жизни. Если гипотеза подтверждается фактами, событиями, она принимается (независимо от того, насколько это доставляет удовольствие). В противном же случае она отвергается или изменяется. Жизненная цель обычным человеком достигается примерно так же, как ученым, который лишь более осознанно стремится к истине. Существует много различных способов истолкования событий. Но причины выбора определенного способа Дж. Келли не рассматриваются, их можно «уловить», в самом общем плане, в том жизненном опыте, который дает человеку его взаимодействие с миром. В когнитивно-аффективной теории предсказания поведения У. Мишела можно видеть позицию, близкую к занимаемой Дж. Келли. Жизненную задачу личности можно также связать с восприятием и интерпретацией мира. Согласно основному постулату («обусловленной модели влияния личностной диспозиции») У. Мишела, поведение определяется не чертами личности, а тем, как человек воспринимает себя в конкретной ситуации (Mischel W., 1984). Каждый человек обладает рядом когнитивно-аффективных единиц — фактически всех характеристик, которые могут выступать в качестве причины определенного способа взаимодействия со средой («схемы варьирования»). Среди них наиболее стабильны когнитивные компоненты — собственные версии реального мира. Система регуляции позволяет согласовать поведение с целями и ценностями. Цели связаны со способностью предвидеть будущее. Цели позволяют выбирать ситуации, устанавливая приоритеты, не поддаваться различным ситуативным влияниям.

Понятие жизненной перспективы емко характеризует роль личности в управлении временем своей жизни (Ральникова И. А., 1997; Толстых Н. Н., 2010; Толстых Н. Н., 2018; Frank L. K., 1939; Lewin K., 1936; Zimbardo Ph. G., Boyd, John N., 1999). В соответствии с подходом Ж. Нюттена (2004), личность — некая интегральная система, психофизиологическое единство, не сводимое ни к связям «стимул — реакция», ни к механизмам биологического гомеостаза. Индивидуальные возможности личности врожденны. Обучение создает формы их выражения. Источником развития выступает реализация намерения. Временная перспектива рассматривается как устойчивая временная ориентация в отношении к прошлому, настоящему и будущему. Тем самым будущее, включается в характеристику личности и ее становления. Личность охватывает два полюса функционирования — «Я» (совокупность психических функций и возможностей) и «мир» (объект), в рамках которых она и существует. Мир объектов определяет содержание психической жизни, будучи составным элементом личности. Мотивация представляет собой непрерывную активную избирательность и обеспечивает устойчивость, направленность поведения и достижение цели. Мотивация приобретает форму благодаря обучению.

Н. Н. Толстых (2010; 2018) определяет жизненную перспективу как ментальную проекцию мотивационной сферы, проявляющуюся в более или менее осознанных надеждах, планах, стремлениях и т. п., которые связаны с будущим. И. А. Ральникова (1997) характеризует жизненную перспективу как упорядоченность представлений о будущем во временной оси. К. А. Абульханова (1991) относит к жизненной перспективе обстоятельства и условия жизни, обеспечивающие возможность жизненного продвижения. Это не всегда желанные, но всегда ожидаемые события. *Жизненные события*, таким образом, представляют собой неотъемлемый элемент жизненной перспективы, ее содержательную характеристику.

Жизненные события представляют собой наиболее важные, значимые для личности жизненные ситуации. С. Л. Рубинштейн еще в 1936 г. дал определение события жизненного пути как его поворотного этапа, когда принимаются важные решения на длительное время (Рубинштейн С. Л., 1997). Последователями С. Л. Рубинштейна анализируется организация событийной структуры жизненного пути в связи со способом построения своей жизни. Показано, что существуют индивидуально-типологические способы организации жизни личности, присущие ей как субъекту.

В направлении, основателем которого является Б. Г. Ананьев, определяются формы существования человека как субъекта. При этом

в качестве единиц жизненного пути используются жизненные события во внешнем и внутреннем мире человека. Возраст, социальные достижения рассматриваются как основная характеристика жизненного пути (Ананьев Б. Г., 2001). Эти исследования легли в основу событийно-биографического подхода. Событийная наполненность жизненной перспективы отражает переживания субъекта жизни, его жизненные ориентации и направленность личности в целом, соотносясь с понятием «субъективная картина жизненного пути» (Ананьев Б. Г., 2001) или внутренней картины жизненного пути (Коржова Е. Ю., 2006; 2015), которая выступает в конечном счете характеристикой самосознания личности. Способ переживания жизненных событий определяет «психологическую судьбу» личности (Абульханова К. А., Березина Т. Н., 2001; Василенко Т. Д., 2011; Головаха Е. И., Кроник А. А., 2008; Коржова Е. Ю., 2006; 2015; Логинова Н. А., 2001). По нашим данным, событийная наполненность отрезка будущего, в отличие от прошлого, не соотносится с возрастом и тесно связана с самоотношением. Называя значительные события своей жизни, человек преломляет их через свое «Я». Наличие в жизненной перспективе жизненных событий и их содержание позитивно воздействуют на жизнь личности, придавая ей целостность, упорядоченность, в противном же случае дезорганизуя ее функционирование (Коржова Е. Ю., 2006).

#### **4.1. Событийная наполненность субъективной картины жизненного пути опекунов<sup>8</sup>**

Экстраполируя общетеоретические представления о жизненной перспективе личности на жизненную ситуацию опеки, можно полагать, что жизненная перспектива членов опекунской семьи является важнейшим фактором становления отношений между ними, во многом определяя личностный контекст семейного функционирования. Изучение жизненной перспективы опекунов, таким образом, позволит уточнить специфику взаимоотношений в опекунской семье посредством характеристики

---

<sup>8</sup> Коржова Е. Ю., Волкова Е. Н., Микляева А. В., Безгодова С. А., Юркова Е. В. Событийная наполненность жизненной перспективы опекунов как характеристика отношений в семьях кровной и некровной опеки // Социальная психология и общество. 2020. Т. 11. № 3. С. 86–98. DOI: 10.17759/sps.2020110306

психологических ресурсов, создающих предпосылки для эффективного семейного функционирования.

В нашем исследовании изучение жизненной перспективы опекунов как характеристики отношений в семьях кровной и некровной опеки осуществлялось на основе анализа данных, полученных с помощью модифицированной версии методики «Психологическая автобиография». Респондентам предлагалось назвать предполагаемые события будущего, указать их примерную дату и оценить по шкале от +5 до –5. Полученные результаты подвергались количественному анализу, в ходе которого фиксировались глубина жизненной перспективы (в годах), степень ее событийной наполненности (в количестве событий, составляющих жизненную перспективу), модальность (в субъективных оценках прогнозируемых событий). Также осуществлялся контент-анализ событий, с помощью которого, в соответствии с описанными выше результатами нашего предыдущего исследования, в качестве особой группы жизненных событий выделялись «события, фиксированные на ребенке». Обработка результатов исследования осуществлялась с помощью пакета прикладных компьютерных программ Statistica 12.0 и включала расчет описательных статистик, сравнение показателей, полученных в разных выборках, с помощью критериев Краскелла-Уоллиса ( $H$ ) и Фишера ( $\varphi^*$ ), а также частотный анализ событийной структуры жизненной перспективы.

Согласно полученным результатам (см. таблицу 4.1), жизненная ситуация опеки не оказывает существенного влияния на модальность предвосхищаемых жизненных событий: во всех группах, принявших участие в исследовании, доминируют положительно окрашенные события будущего. Устремленность в будущее — одна из тенденций актуализировать личностный потенциал, одно из основных направлений движения личности по своему жизненному пути, часть проприативного поведения, при котором каждый человек сознательно создает новое напряжение, снижая «старое» (Олпорт Г., 1998). Это одна из тенденций быть собой, а не прятаться за свой «фасад»; освободиться от образа того, кем «должно быть» в глазах других, от соответствия ожиданиям других; делать то, что хочешь, а не то, чего ждут другие, быть в постоянном изменении; управлять собой; быть открытым опыту, принимать других и себя (Роджерс К., 2001).

Для опекунов независимо от наличия или отсутствия кровного родства с опекаемым характерна относительно более глубокая перспектива будущего (на уровне тенденции) и, в случае кровной опеки, достоверное сокращение количества предвосхищаемых событий.

Таблица 4.1

**Характеристики временной перспективы**

Характеристики	Кровные опекуны	Некровные опекуны	Матери	Бабушки	$N / p \leq$
Количество событий, ед.	2,30±1,38	3,19±1,50	3,32±1,31	3,02±1,27	13,15 / 0,01
Глубина перспективы, лет	1,71±2,98	2,93±5,51	1,05±1,65	1,32±0,98	–
Модальность, оценка в диапазоне от –5 до +5	4,14±1,83	4,24±1,34	4,16±1,56	4,51±1,67	–

Контент-анализ событий, составляющих содержание жизненной перспективы респондентов в разных выборках, показал, что опекуны достоверно ( $\varphi^* = 4,45$ ,  $p < 0,01$ ) чаще, чем матери и бабушки, включают в собственную жизненную перспективу события, непосредственно связанные с жизнью ребенка (см. таблицу 4.2).

Таблица 4.2

**Типы событий, составляющих содержание жизненной перспективы**

Типы событий	Кровные опекуны (%)	Некровные опекуны (%)	Матери (%)	Бабушки (%)
События, не связанные прямо с жизнью ребенка	34,8	41,9	59,6	57,6
События, связанные прямо с жизнью ребенка	65,2	58,1	40,4	42,4

В протоколах исследований было зафиксировано в общей сложности 682 события. Представим первые пять позиций в частотном рейтинге для каждой выборки (табл. 4.3).

Таблица 4.3

**Событийная наполненность жизненной перспективы\***

События	Кровные опекуны	Некровные опекуны	Матери	Бабушки
События, сфокусированные на ребенке				
окончит школу	0,147	0,079	0,032	0,042
день рождения ребенка/внука	0,061	0,055	0,117	0,104

Окончание табл. 4.3.

События	Кровные опекуны	Некровные опекуны	Матери	Бабушки
поступит в колледж, техникум	0,043	0,043		
окончит школу	0,043			
развлечения	0,043		0,074	
создаст семью		0,055		0,063
найдет работу		0,035		0,042
начнутся каникулы			0,043	
выпускной вечер				0,042
События, не сфокусированные на ребенке				
поездка на отдых	0,061	0,111	0,074	0,042
праздники	0,043	0,028		0,063
дни рождения родственников	0,035	0,024	0,064	0,042
отпуск	0,017	0,028	0,074	0,063
приобретение нового жилья	0,017	0,024	0,043	
ремонт			0,043	
новая работа				0,042

\* Примечание: частоты упоминания событий в долях от единицы, первые пять позиций в частотном рейтинге

Согласно полученным результатам, жизненная перспектива опекунов отличается меньшим разнообразием предвосхищаемых событий и сосредоточенностью на формальных показателях успешности взросления ребенка («окончание школы», «поступление в колледж, техникум, вуз»), в то время как для кровных семей относительно более значимыми оказываются не только формальные, но и эмоциональные ориентиры будущего («дни рождения», «праздники в кругу семьи»), а также события, важные, в первую очередь, для взрослых членов семьи («приобретение нового жилья», «ремонт»). Помимо этого, специфичными для выборки кровных опекунов являются такие предвосхищаемые ситуации, как покупка для ребенка дорогостоящих вещей (0,019), возвращение родителей ребенка (собственных детей опекуна) к его воспитанию (0,027), учебные и поведенческие трудности ребенка (0,023). В выборке опекунов, не состоящих

в кровном родстве с ребенком, такими ситуациями оказались упоминание будущих успехов ребенка в учебе и во внеучебной деятельности (0,026), успешное трудоустройство ребенка (0,019), совместной деятельности с ребенком (0,016), а также расставание с ребенком по мере его взросления (0,016), восстановления контактов с кровной семьей (0,009) или отказа опекуна от выполнения принятых на себя обязательств (0,009).

Полученные результаты согласуются с полученными нами ранее данными о том, что глубина и модальность жизненной перспективы не зависят от возрастной принадлежности человека, будучи в большей мере обусловленными индивидуально-психологическими особенностями и прежде всего Я-концепцией (Коржова Е. Ю., 2006). Нами было показано, что отношение к событиям прошлого и будущего имеет разную природу. Если отношение к прошедшим событиям связано с особенностями самоактуализации (ориентацией во времени, спонтанностью, креативностью, по Самоактуализационному тесту САТ А. Маслоу и Э. Шострома в адаптации Л. Я. Гозмана и М. В. Крроз), то отношение к прошедшим событиям — с самоуважением, отраженным самоотношением и внутренней конфликтностью (в последнем случае речь идет об обратной корреляционной зависимости). Временная оценка позитивных будущих событий имеет обратную зависимость с самопривязанностью, что может объясняться стремлением «заглянуть в будущее» в поисках радостных событий при отсутствии ригидности Я-концепции и при неудовлетворенности собой-настоящим.

Жизненная перспектива женщин, принявших участие в нашем исследовании, составляет в среднем около полутора лет и содержит преимущественно позитивно окрашенные события будущего, что отражает стремление, общее для наших современников, определить для себя некую жизненную опору. Среди событий, продемонстрировавших универсальную значимость независимо от семейного и возрастного статуса женщины, доминирует упоминание грядущих семейных праздников и предстоящего отдыха. Для женских «психологических автобиографий» типичны упоминания о так называемых «семейных событиях», в отличие от мужчин. Ранее при изучении психологического содержания событий вида «дети», «брак», «родительская семья» нами было показано, что их отображение в «психологических автобиографиях» связано с такими психологическими характеристиками как «локус контроля-жизнь», итоговый показатель смысложизненных ориентаций, позитивный взгляд на природу человека, многие показатели уровня субъективного контроля. Причем особенно значительным позитивным потенциалом воздействия на личность обладают события, связанные непосредственно с детьми. В данном случае выявляются связи с показателями разных методик, что

подчеркивает многоплановость переживаний событий, связанных с детьми. Это управляемость жизнью, осмысленность жизни, самоуважение, отраженное самоотношение, самооценочность; взгляд на природу человека; почти все показатели локуса контроля; показатель разницы между психологическим и хронологическим возрастом (т. е. насколько человек считает себя старше по сравнению с реальным хронологическим возрастом) и др. Отсюда можно сделать вывод о том, что значимость отношений к детям позитивно влияет на осмысленность жизни, формирование положительной самооценки и положительной оценки человеческой природы. Много значимых связей с показателями различных методик обнаруживает показатель «веса» событий в родительской семье. Человек, для которого важна эта сфера отношений, характеризуется чувством «хозяина жизни», имеет осмысленные цели, гармоничный внутренний мир, позитивно относится к человеческой сущности, испытывает чувство ответственности за свою жизнь, в том числе в сфере межличностных отношений. «Вес» событий вида «брак» связан только с показателями локуса контроля и характеризует ответственное отношение к жизни (Коржова Е. Ю. 2015).

При дифференцированном анализе жизненных событий будущего обнаруживается, что жизненная перспектива женщин-опекунов, независимо от того, состоят они в кровном родстве с опекаемым ребенком или нет, характеризуется целым рядом специфических особенностей, не свойственных женщинам их возраста. В первую очередь, надо отметить преобладание предвосхищаемых событий, сфокусированных на жизни опекаемого ребенка, которое оказалось свойственным как кровным, так и некровным опекунам. Сама по себе высокая значимость событий, связанных с детьми, может расцениваться как позитивное явление, однако следует рассматривать данный факт в совокупности с остальными. Оказывается, что в действительности жизненная перспектива опекунов претерпевает сужение, в ней сокращается удельный вес событий, имеющих отношение к их собственной жизни. «Конечными точками» жизненной перспективы становятся события, символизирующие формальное достижение опекаемым ребенком социальной зрелости (окончание школы, поступление в вуз, трудоустройство), которые, судя по оценкам этих событий, воспринимаются опекунами как маркеры успешного завершения «опекунской миссии». Эти значимые для опекунов события объективно отсрочены во времени, перспектива их реализации обусловлена возрастом опекаемого ребенка, что вероятно, определяет относительно более широкую перспективу будущего именно в выборах опекунов. При этом содержание жизненной перспективы как совокупности «внешних» событий, неких «вех», жизненных этапов детей (так называемый социально-

психологический тип событий в таксономической решетке (Коржова Е. Ю., 2002; 2015), преобладающей над событиями личностно-психологического типа, свидетельствует о недостаточно глубоком внутреннем осмыслении жизненной перспективы, связанной с детьми.

Можно выделить также ряд специфических особенностей жизненной перспективы, свойственных кровным и некровным опекунам.

Для кровных опекунов оказалась характерной меньшая событийная наполненность жизненной перспективы, а также предвосхищение негативных событий в жизни ребенка, что не встречается в других выборках. Обращает на себя внимание также отражение в числе предвосхищаемых событий надежды на изменение текущей семейной ситуации, восстановление отношений опекаемого ребенка с родителями. Соотнося эти данные с результатами, полученными в нашем предыдущем исследовании, посвященном анализу актуальной жизненной ситуации опекунов Коржова Е. Ю., Безгодова С. А., Микляева А. В., Юркова Е. В., 2018а; Коржова Е. Ю., Безгодова С. А., Микляева А. В., Юркова Е. В., 2018б), можно отметить, что пассивность жизненной позиции, сосредоточенность на жизненных трудностях экстраполируется опекунами и на события будущего, снижая тем самым возможности проявления субъектности в планировании собственной жизни. Это вступает в противоречие с глубокой эмоциональной вовлеченностью кровных опекунов во взаимодействие с опекаемыми детьми.

В жизненной перспективе опекунов, не связанных с опекаемым ребенком кровным родством, также находит отражение выраженная сфокусированность на событиях, тесно связанных с будущим ребенка. Однако события, составляющие жизненную перспективу, судя по всему, представляются им несколько менее трудными. Среди них доминируют упоминания предвосхищаемых успехов ребенка, что, вероятно, демонстрирует интегрированность в жизненную перспективу некровных опекунов стремления поддерживать образ благополучной семьи. Некровные опекуны демонстрируют достаточно высокую степень активности, готовность включаться в совместную деятельность с ребенком, помогая ему преодолевать трудности и достигать успехов. Однако именно в данной выборке наиболее ярко проявляется убежденность опекунов во «временном» характере текущей жизненной ситуации, о которой свидетельствует включение в жизненную перспективу событий, так или иначе связанных с предстоящим в будущем расставанием с ребенком. Важно отметить, что некоторые опекуны воспринимают предвосхищаемое расставание как контролируемое ими жизненное событие (например, отказ самого опекуна от выполнения опекунских обязанностей или помощь ребенку в налаживании отношений с кров-

ными родственниками), что также косвенно свидетельствует об их более высокой субъектности в отношении собственного будущего, в сравнении с кровными опекунами.

На основании полученных в настоящем исследовании результатов можно констатировать, что жизненная ситуация опеки накладывает существенный отпечаток на жизненную перспективу опекунов, способствуя ее углублению, с одной стороны, и сужению, проявляющемуся в концентрации на жизненных событиях, связанных с опекаемым ребенком, с другой стороны. При этом некровные опекуны демонстрируют более высокий уровень субъектности в отношении собственного будущего, чем опекуны, приходящиеся опекаемому ребенку бабушкой, что свидетельствует об их возможностях активного взаимодействия с различными жизненными ситуациями и их успешного преодоления. Кровные же опекуны, напротив, характеризуются более низким уровнем субъектности, что ограничивает их возможности взаимодействия с жизненными ситуациями. При этом у некровных опекунов по сравнению с кровными отмечается меньшая эмоциональная вовлеченность во взаимодействие с детьми и менее глубокое осмысление жизненного опыта и жизненной перспективы, что дает основания утверждать о ее противоречивости. Жизненная перспектива опекунов жестко очерчена и отличается узким кругом значимых переживаний, в сравнении с женщинами того же возраста, не являющимися опекунами, жизненная перспектива которых более размыта, но круг значимых переживаний шире. Представляется, что эти выводы важно учитывать при психологическом сопровождении опекунских семей, в частности, для решения задачи дифференциации подходов к психологическому сопровождению семей кровной и некровной опеки, поскольку опекаемый ребенок в равной мере нуждается и в активных действиях опекуна, и в глубоких, устойчивых межличностных отношениях.

## **4.2. Событийная наполненность субъективной картины жизненного пути опекаемых<sup>9</sup>**

Отметим, что представления о различиях в жизненной ситуации семей кровной и некровной опеки, представленное выше, построено на основе обобщения результатов исследований, а также опыта практической

---

<sup>9</sup> Коржова Е. Ю., Безгодова С. А., Микляева А. В., Юркова Е. В. Событийная оценка жизненной ситуации детьми, воспитывающимися в семьях кровной и некровной опеки // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. 2019. № 193. С. 47–55.

работы по сопровождению семей кровной и некровной опеки, и в нем находит отражение данные, полученные от разных субъектов — опекунов, специалистов, осуществляющих работу с такими семьями, что, безусловно, позволяет получить объективную и объемную характеристику жизненной ситуации опекунских семей. Однако представляется важным для полноты реализации ситуационного подхода в интегративном ключе сделать акцент на анализе оценки семейной ситуации также со стороны опекаемых детей. В исследованиях, посвященных психологическим механизмам становления личности, показано, что именно особенности восприятия своей семейной ситуации во многом определяют формирование эмоциональной, мотивационной и рефлексивной сферы (Капцова Е. А., 2002; Литвинов Г. А., Зарединова Э. Р., Кислая О. Н., 2017; Попова Л. Г., 2010 и др.)

На основе сказанного выше нами был сформулирован следующий исследовательский вопрос: какие особенности семейной ситуации находят отражение в сознании детей из семей кровной и некровной опеки? Ответ на этот вопрос предполагает реконструкцию психологического содержания семейной ситуации детей, находящихся под опекой, в сравнении с детьми, воспитывающимися в кровных семьях, посредством анализа событийной оценки ситуации.

Для изучения событийной оценки жизненной ситуации детей, воспитывающихся в семьях кровной и некровной опеки, анализировались ответы детей на два открытых вопроса: (1) «Опиши, пожалуйста, события в жизни вашей семьи, которые представляют для тебя проблему» и (2) «Опиши, пожалуйста, основные события в жизни семьи, которые приносят положительные эмоции». Таким образом, посредством событийной оценки выявлялись позитивные и негативные аспекты актуальной семейной ситуации, отражаемые детьми. Ответы детей фиксировались интервьюером письменно. Результаты интервью подвергались контент-анализу.

Контент-анализ позволил выделить 491 семантическую единицу, которая характеризует психологическое содержание семейной ситуации детей, воспитывающихся в условиях кровной и некровной опеки. Статистическая устойчивость семантических единиц рассчитывалась с помощью углового преобразования Фишера, анализировались только те единицы, частота встречаемости которых превышала порог статистической устойчивости. Сравнение данных, полученных в процессе интервью с детьми, опекаемыми кровными и некровными опекунами, а также с их сверстниками, воспитываемыми кровными родителями, осуществлялось с помощью критерия Фишера ( $\varphi^*$ ).

Результаты исследования показывают, что наиболее позитивное описание актуальной семейной ситуации свойственно детям, находящимся в жизненной ситуации некровной опеки. Это наглядно прослеживается на материале анализа описания детьми тех сторон семейной ситуации, которые вызывают положительные эмоции (см. таблицу 4.4).

Таблица 4.4

**Результаты контент-анализа описаний аспектов семейной ситуации, вызывающих положительные эмоции**

Тип событий	Частота упоминаний (%)		
	Дети из семей кровной опеки	Дети из семей некровной опеки	Дети из группы сравнения
поездки	14,29	26,21	7,14
развлечения	5,36	9,71	11,90
собственные успехи, достижения	7,14	4,85	2,38
семейные праздники	19,64	33,98	11,90
совместные домашние дела	3,57	10,68	–
совместный досуг	19,64	26,21	26,19
общение с родственниками	7,14	0,97*	7,14
поход по магазинам, покупки	8,93	3,88	2,38*
спортивные занятия	5,36	3,88	2,38*
отношение опекунов / родителей	7,14	10,68	16,67
подарки	–	4,85	4,76
отказ от ответа	23,21	11,65	26,19

Примечание: \* — значение, не достигающее порога статистической устойчивости

Однако выводы из этих данных не представляются однозначными. Рассмотрим полученные результаты.

Опекаемые дети, не связанные с опекунами кровным родством, достоверно реже, чем дети, находящиеся под опекой бабушек или воспитываемые кровными родителями, испытывают затруднения в описании положительных моментов семейной ситуации ( $\varphi^* = 1,78$ ,  $p < 0,05$  и  $\varphi^* = 1,66$ ,  $p < 0,05$  соответственно). Для них зачастую значительно более значимыми оказываются те семейные события, которые

связаны с укреплением сплоченности семьи и формированием семейной идентичности («семейные праздники», «поездки», «совместный досуг», «совместное выполнение домашних дел»), что, вероятно, является отражением соответствия актуальной жизненной ситуации потребности ощущать принадлежность к семье, иметь позитивную семейную идентичность, и ярко проявляется в таких высказываниях детей, как «меня взяли под опеку — и это самое главное» (девочка, 13 лет), «у меня есть мама и папа, это настоящая семья, и это здорово» (мальчик, 14 лет), «все члены семьи приняли меня как родную, теперь мы большая и дружная семья» (девочка, 11 лет) и т. д. В целом, профиль семейных событий, упоминаемых детьми из семей некровной опеки, содержательно ближе к профилю, полученному в группе сравнения, чем в группе детей, находящихся в ситуации кровной опеки, прежде всего по таким параметрам, как «отношения с опекуном / родителями», «собственные успехи и достижения», «подарки» и «покупки». Судя по всему, для детей из данной категории опекунских семей значительно большее субъективное значение, чем для детей из семей кровной опеки, имеет отношение к ним со стороны опекунов, что можно проиллюстрировать следующими высказываниями: «радует покупка красивой одежды, игрушек, ... то что понравится в том числе маме и папе» (девочка, 10 лет), «я хорошо танцую, и это нравится маме» (девочка, 10 лет) и др.

Дети из семей кровной опеки, в свою очередь, достоверно чаще затрудняются при ответе на вопрос о тех семейных событиях, которые вызывают у них положительные эмоции, что характерно также и для детей, составивших группу сравнения. Можно предполагать, что в этом проявляется своеобразная обыденность принадлежности к семье, которая выражается в таких ответах, как «не могу вспомнить, у нас всегда все нормально» (мальчик, 13 лет), «даже не знаю, как у всех» (девочка, 14 лет) и др. При этом они достоверно чаще, чем дети из семей некровной опеки, указывают на положительные эмоции от встреч с родственниками ( $\varphi^* = 2,81, p < 0,01$ ), что, вероятно, иллюстрирует ресурсный характер поддержания внутрисемейных связей, свойственный именно для данного типа опекунских семей. Вместе с тем, необходимо отметить, что в половине случаев родственником, встреча с которым описывается в положительных эмоциональных тонах, является мать опекаемого ребенка, лишенная родительских прав: «я радуюсь, когда приходит мама» (девочка, 14 лет), «радуют душевные разговоры с мамой, переживаю за маму и хочу быть с мамой» (девочка, 13 лет) и др.

Обращает на себя внимание тот факт, что невозможность жить вместе с родителями отражается детьми из семей кровной опеки в числе трудных аспектов актуальной семейной ситуации (см. таблицу 4.5). Дети

отмечают, что «главная трудность — то, что мама редко появляется» (девочка, 14 лет), «хочу, чтобы мама жила с нами» (девочка, 12 лет) и др. Вероятно, именно с этим связана и достоверно более высокая, в сравнении с детьми из семей некровной опеки, «проблемность» отношений с опекуном, характерная для этой выборки ( $\varphi^* = 1,76, p < 0,05$ ).

Таблица 4.5

**Результаты контент-анализа описаний трудных аспектов семейной ситуации**

Тип событий	Частота упоминаний (%)		
	Дети из семей кровной опеки	Дети из семей некровной опеки	Дети из группы сравнения
проблемы с учебой	8,93	7,77	9,52
отношения с опекуном / родителями	19,64	10,68	14,29
отношения с братом/сестрой	5,36	3,88	2,38*
невозможность жить вместе с мамой / папой	7,14	—	2,38*
ограничения и запреты	3,57*	4,85	2,38*
отношения членов семьи друг с другом	—	3,88	7,14
нехватка денег	—	1,94*	7,14
отказ от ответа	37,50	48,54	45,24

Примечание: \* — значение, не достигающее порога статистической устойчивости

Каждый пятый ребенок, находящийся под опекой бабушки, констатирует трудности во взаимоотношениях с ней: «мы не находим общий язык» (мальчик, 12 лет), «бабушка принимает все слишком близко к сердцу» (девочка, 16 лет) и др. При этом дети из семей кровной опеки, как правило, описывают эти трудности более категорично, чем дети, чьи опекуны не являются им кровными родственниками, для которых характерны «смягченные» высказывания, указывающие на несущественность возникающих затруднений: «мы иногда ссоримся» (девочка, 9 лет), «трудности вызывают ссоры с родителями, но это бывает очень редко» (мальчик, 12 лет).

Спектр «традиционных» для детско-родительских отношений трудностей, таких как школьные проблемы, родительские ограничения и запреты, взаимоотношения с братьями и сестрами, во всех трех выборках

упоминается с примерно одинаковой частотой. Однако дети, опекаемые бабушками, практически не обращают внимания на трудности, возникающие за пределами их собственных отношений с членами семьи, в отличие от детей, находящихся в ситуации некровной опеки, а также детей, составивших группу сравнения, которые упоминают в качестве семейных трудностей отношения между другими членами семьи (например, «когда родители ссорятся» (девочка из семьи некровной опеки, 9 лет); «когда родители ругаются, особенно из-за нас, детей» (девочка из группы сравнения, 14 лет)), а также материальные затруднения семьи («мы не можем поехать на море, так как в семье не хватает денег (мальчик из семьи некровной опеки, 16 лет); «у нашей семьи трудное материальное положение» (мальчик из группы сравнения, 15 лет)). Относительно низкий уровень внимания к проблемам взаимоотношений между другими родственниками может объясняться особенностями состава семей кровной опеки, где зачастую опекаемый ребенок и его бабушка живут вдвоем, но объективные основания для снижения внимания ребенка к материальной стороне жизни семьи не прослеживаются. Более того, дети из семей кровной опеки в большей степени, чем другие, связывают положительные эмоции с покупками, приобретением интересующих их вещей. В совокупности эти данные могут говорить о некоторой эгоцентричности восприятия семейной ситуации детьми из семей кровной опеки, большей сосредоточенности на себе и своих переживаниях.

Обобщая полученные результаты, можно отметить, что в восприятии жизненной ситуации опекаемыми детьми в целом находят отражение основные аспекты жизненной ситуации семей кровной и некровной опеки, охарактеризованные в таблице выше. В частности, дети, находящиеся под опекой кровных опекунов, чаще отмечают трудности в отношениях с опекуном, связывая их, в первую очередь, с непониманием, различиях в ценностях и взглядах на жизнь, и, как правило, не рефлексируя более глубокие психологические причины напряженности в отношениях, связанные с изменением ролевой структуры семьи и изменениями в восприятии членами семьи друг друга. Дети отмечают ресурсное значение сохранения контактов и родственниками, в том числе с родителями, лишенными родительских прав, однако, судя по всему, включение родителей в образ жизненной ситуации семьи в случае кровной опеки вносит определенный дисбаланс в семейную структуру, обусловленный не всегда оправданными ожиданиями ребенка в отношении перспектив развития отношений с ними.

Психологическое содержание жизненной ситуации детей, не связанных кровным родством с опекунами, определяется, прежде всего, необходимостью психологически «укорениться» в семье, выстроить

отношения со всеми ее членами, включиться в типичные для семьи способы организации жизни, разделить семейные традиции. Дети из опекунских семей данного типа в большей степени, чем их сверстники, находящиеся под опекой бабушек, ценят возможность быть в семье, поскольку большинство из них имеют опыт проживания в детских домах, и это способствует формированию благоприятного образа семейной ситуации. Однако обратной стороной ценности обретения новой семьи могут являться ограничения в рефлексии трудностей, неизбежно возникающих в связи с изменениями представлений о себе, формированием новой семейной идентичности.

Таким образом, восприятие событийной наполненности жизненной ситуации опеки со стороны опекаемых детей дополняет уже полученные нами ранее данные о противоречивой психологической характеристике жизненной ситуации опеки.

\* \* \*

Подводя промежуточные итоги, отметим, что в событийной оценке опекаемых детей и их опекунов в целом находят отражение основные аспекты жизненной ситуации семей кровной и некровной опеки. При наличии более позитивной событийной оценки семьями некровной опеки обращают на себя внимание ограничения в рефлексии трудностей, возникающих (прежде всего, у детей) в связи с изменениями представлений о себе, формированием новой семейной идентичности. Это свидетельствует о необходимости дальнейшего анализа психологических механизмов взаимодействия личностных и ситуационных переменных данной жизненной ситуации в сопоставлении с ситуацией обычной семьи для обоснованных выводов и рекомендаций.

## Глава 5

# ОБЪЕКТИВНЫЙ АСПЕКТ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ С ЖИЗНЕННОЙ СИТУАЦИЕЙ ОПЕКИ ОПЕКУНОВ И ОПЕКАЕМЫХ

### 5.1. Семейное благополучие опекунов и опекаемых детей

Семейное благополучие — это комплексный феномен, который включает в себя широкий спектр компонентов. В нашем исследовании в фокусе внимания закономерно оказался психологический компонент семейного благополучия, который понимался нами в парадигме системно-функционального подхода к анализу семейных отношений, позволяющий анализировать семейные отношения позиции оценки их функциональности — дисфункциональности. Как уже отмечалось в главе 1, этот подход представляется нам наиболее релевантным для решения исследовательских задач в предметном поле «психология отношений в опекунской семье». В рамках этого подхода семья рассматривается как система, объединяющая людей, взаимоотношения которых формируются на основе кровных уз, усыновления, опекуна или брака и развиваются на основе эмоциональных связей между этими людьми (Friedemann M., 1995). Под функциональностью семейной системы в целом понимается такое функционирование семьи, которое способствует поддержанию и укреплению физического и психологического благополучия входящих в нее людей, в то время как дисфункциональность семьи трактуется как способ семейного функционирования, который создает предпосылки для снижения благополучия членов семьи в физическом и психологическом аспектах. Термины «функциональность» и «дисфункциональность», по сути, указывают на то, что в данном подходе под семейным благополучием понимается такое функционирование семьи, в котором создаются предпосылки для удовлетворения различных потребностей ее членов, что, собственно, и является важным фактором их субъективного благополучия, определяя тем самым и ка-

чество функционирования семейной системы в целом (Эйдемиллер Э. Г., Добряков И. В., Никольская И. М., 2003).

Если первые исследования семейного функционирования, выполненные в парадигме данного подхода, акцентировали внимание на возможных рисках, сопряженных с теми или иными семейными дисфункциями, то, в последние годы внимание исследователей и практиков сосредоточилось на анализе ресурсных сторон семейного функционирования, связанных с потенциальными возможностями семьи для обеспечения поддержки всех ее членов в росте, развитии и преодолении трудностей, составляющих значимые изменения субъективного благополучия любого человека.

Согласно характеристике функциональных семей, которую сформулировала М. Л. Фрейдимен, для таких семей характерна четкая и прямая коммуникация, определенность семейных ролей, соблюдение границ каждого члена семьи и одновременно способность решать проблемы, используя ресурсы солидарности и сплочения. Достижение функциональности семейной системы обеспечивается благодаря взаимодействию нескольких процессов: 1) интеграции, обеспечивающей чувство семейного единства посредством интернализации уважения, интереса и любви членов семьи друг к другу, разделения общих ценностей и убеждений; 2) индивидуализации, позволяющей членам семьи выстраивать личностную идентичность благодаря такому взаимодействию с другими членами семьи, которое способствует продуктивному исполнению семейных ролей, развивая тем самым способности и формируя новые возможности; 3) поддержки, формирующей ощущение защищенности и возможности развития в разных сферах жизни; 4) трансформации, включающей в себя гибкое реагирование семейной системы на изменения личностного функционирования всех ее членов, а также на новые требования среды (Friedemann M., 1995). Характер взаимодействия этих процессов выражается в балансе сплоченности и адаптивности — двух основных измерений семейной функциональности: оптимальная сплоченность позволяет членам семьи непротиворечиво удовлетворять как индивидуальные, так и групповые потребности и интересы, а оптимальная адаптивность, в свою очередь, обеспечивает общность понимания правил и ролей во внутрисемейных отношениях (Olson D. H., 2000).

В предыдущих главах уже отмечалось, что опекунские семьи, независимо от наличия или отсутствия кровного родства между опекуном/опекунами и опекаемым ребенком/детьми подвержены риску нарушения функциональности семейных отношений, связанному с особенностями функционально-ролевой структуры семьи. В этом контексте особого

внимания заслуживают вопросы о том, каким образом семейное благополучие опекунской семьи связано с ситуацией утраты ребенком родительского попечения, а также о том, охраняются ли контакты ребенка с биологическими родителями в случае, если те живы и могут поддерживать связь с ребенком. Важность этих вопросов определяется необходимостью учета, с одной стороны, характера психотравматизации ребенка и, в случае кровной опеки, опекуна обстоятельствами, которые предшествовали опеке и обусловили ее необходимость, опосредующего функционирование опекунской семьи, и, с другой стороны, особенностей семейно-ролевой системы в ситуации включенности в нее биологических родителей, лишенных родительских прав или отказавшихся от них.

Так, исследования показывают, что обстоятельства утраты ребенком родительского попечения, которые, как следствие, определяют необходимость опеки над ним, в семьях кровной и некровной опеки довольно существенно различаются. В семьях кровной опеки достоверно чаще встречаются ситуации смерти биологических родителей ребенка, в то время как в семьях, в которых опекун и ребенок не связаны кровным родством, чаще оказываются дети, лишенные родительской опеки при живых биологических родителях (Ослон В. Н., Косьянова Е. В., 2011). Это обуславливает принципиальные различия в характере семейных отношений в семьях кровной и некровной опеки: в семьях кровной опеки, как правило, обнаруживается высокий уровень психотравматизации всех членов: и опекаемых детей, переживающих потерю родителей, и опекунов, которые горюют о смерти родных (часто собственных детей) или об их символической потере, форму которой принимает факт лишения их родительских прав или добровольный отказ от них (Kranstuber H., Koenig Kellas, J. K., 2011).

Высокий уровень травматизации всех членов семьи закономерно сказывается на качестве семейного функционирования и оказывает отрицательное влияние на функциональность семейных отношений. На этом фоне семьи некровной опеки выглядят значительно более устойчивыми, поскольку по меньшей мере взрослые члены семьи обладают достаточным уровнем психологической стабильности для того, чтобы помочь ребенку, имеющими опыт психотравматизации, как можно быстрее восстановить продуктивные контакты с миром.

Особый вопрос связан с анализом психологических последствий контактов опекаемых детей с биологическими родителями, если они живы и имеют возможность поддерживать отношения с ребенком. Результаты эмпирических исследований, в которых изучается этот вопрос, носят противоречивый характер.

С одной стороны, результаты некоторых исследований показывают, что регулярные контакты с биологическими родителями положительно коррелируют с благополучием ребенка, способствуя уменьшению поведенческих проблем и снижению депрессии, а также обеспечивая формирование привязанности и идентичности (Courtney M. E., 1995; Cantos A. L., Gries L. T., Slis V., 1997; McWey L. M., Acock A., Porter B., 2010). Довольно подробная интерпретация такого рода данных приводится в исследовании Д. Мецгера (Metzger J., 2008), который, наряду с другими исследователями, в своей работе обнаружил, что увеличение числа посещений матерью является значимым предиктором благополучия ребенка и способствуют повышению качества его адаптации. Д. Мецгер предлагает следующие взаимосвязанные объяснения установленным им фактам:

- 1) поддержание контактов с биологическими родителями связано с укреплением Я-концепции ребенка: возможно, родительские посещения во смягчают последствия раздельного проживания, из-за которого ребенок начинает испытывать недостаток необходимой уверенности в себе, а его самооценка оказывается скомпрометированной; для детей, участвовавших в этом исследовании, увеличение числа посещений было связано с увеличением баллов по самооценке;
- 2) поддержание контактов с биологическими родителями связано со владением и сопротивляемостью ребенка;
- 3) поддержание контактов с биологическими родителями обеспечивается взаимоподкрепление между владением, сопротивляемостью и Я-концепцией ребенка за счет того, что вся семья функционирует вместе, обеспечивая многопоколенные связи и взаимный обмен ценностями.

Независимо от избранного пути интерпретации полученных результатов, можно отметить, что положительная связь между посещением ребенка его биологическими родителями и его психологическим благополучием является, очевидно, отражением для него/нее устойчивости собственной жизненной ситуации, даже несмотря на то, что посещающие его/ее родители часто находятся под воздействием разнообразных стрессоров, как связанных непосредственно с лишением родительских прав, так и характеризующий более широкий контекст их жизни. Встречи с родителями, таким образом, как будто «ослабляют» реальность ситуации опеки, возвращают способность воспринимать ее как «обычную» и «естественную», что создает условия для формирования у ребенка представлений о том, что у него все так, как и должно быть.

С другой стороны, имеются данные о том, что опекаемые дети могут испытывать различного рода конфликты при контактах со своими биологическими родителями (Neil E., Beek M., Schofield G., 2003): те дети, кому не удалось наладить отношения с биологическими родителями, зачастую считают контакты с ними бесполезными (Farmer E., Pollock S., 1998), в то время как другие дети, поддерживающие благоприятные отношения с биологическими родителями, и с опекунами, оказываются склонными к конфликтам лояльности, принимающим форму внутрличностных или межличностных противоречий (Leathers S. J., 2003). На примере институционализированных подростков установлено, что встречи с биологическими отцами могут провоцировать у них возникновение депрессивной симптоматики (Yazawa A., Takada S., Suzuki H., Fujisawa T. X., Tomoda A., 2019). Опекуны, в свою очередь, часто не поддерживают контакты детей с их биологическими родителями, поскольку отмечают, что эти встречи вызывают у детей психологический стресс (Mennen F. E., O'Keefe M., 2005). Последнее имеет отношение, в первую очередь, к семьям некровной опеки. В семьях, в которых опекаемый ребенок и опекун(ы) связаны кровнородственными узами, контакты между ребенком и его родителями значительно более вероятны. Эта закономерность в особенности касается кровных матерей опекаемых детей, которые, как правило, сохраняют контакты с ребенком в случае, если он продолжает воспитываться родственниками, даже несмотря на собственные проблемы матери с алкоголем или другими психоактивными веществами, правонарушениями, отсутствием работы и т. д. (Metzger J., 2008). Большую проблему составляет также качественное осуществление контроля за посещением детей, находящихся под опекой кровных родственников, биологическими родителями, и мониторинг влияния этих контактов на благополучие ребенка (Del Valle J. F., Lopez M., Montserrat C., Bravo A., 2009).

Очевидная противоречивость представленных данных, с одной стороны, может объясняться кросскультурными различиями, связанными с особенностями системы государственной поддержки детей, оставшихся без попечения родителей, принятых в разных странах форм семейного жизнеустройства детей и сопряженных с ними прав и обязанностей опекунов, а также с различиями в статусе, который сопряжен с ролью опекуна и опекаемого ребенка в разных культурах. С другой стороны, эти различия могут быть детерминированы вариативностью событийных контекстов, в которых осуществлялись исследования, которая не позволяет в полной мере обобщить полученные с их помощью результаты и привести их к некоторому общему знаменателю. Это определяет актуальность исследования семейного благополучия российского опекун-

ских семей с учетом событийного контекста их функционирования. Очевидно, что результаты таких исследований имеют большое значение как для научно-психологического анализа особенностей взаимоотношений в опекунских семьях, так и для решения широкого спектра практических задач, связанных с психологическим сопровождением таких семей. В нашем исследовании предпринята попытка определения уровней показателей семейного благополучия, а также поиска факторов, которые оказывают опосредующее влияние на функциональность отношений в семьях кровной и некровной опеки. В качестве основного инструмента оценки семейного благополучия в нашем исследовании использовался экспресс-опросник «Семейный АПГАР» (более подробно см. главу 2).

Перед тем, как перейти к презентации эмпирических результатов, отметим, что в фокусе внимания исследователей, чьи работы посвящены вопросам благополучия семей, взявших под опеку ребенка, рассматривают благополучие преимущественно в контексте возможностей семьи удовлетворять потребности ребенка, а благополучие опекунов часто остается за пределами анализа. Эта тенденция отчетливо пролеживается и в кратком обзоре исследований благополучия опекунских семей, приведенном выше. С одной стороны, такое положение дел вполне закономерно и объясняется приоритетностью интересов ребенка, лишившегося родительского попечения, благополучие которого и является основной целью его семейного жизнеустройства. Однако очевидно, что благополучие опекунов является, по меньшей мере одним из важнейших условий создания и поддержания в семье благоприятной для опекаемого ребенка системы отношений. В связи с этим представляется актуальной задача анализа семейного благополучия с обеих позиций — и с позиции опекаемых детей, и с позиции взрослых, заботящихся о нем.

**Семейное благополучие опекаемых детей.** Анализ семейного благополучия опекунских семей, представленного оценками опекаемых детей, продемонстрировал результаты, которые на первый взгляд кажутся неожиданными. Диаграммы размаха, характеризующие суммарный показатель, полученный по методике «Семейный АПГАР» в выборках детей, находящихся под опекой кровных и некровных опекунов, а также в группе сравнения, наглядно демонстрируют, что наиболее низкие значения зафиксированы в выборке детей, воспитывающихся в родительских семьях, тогда как дети из семей кровной и особенно некровной опеки оценивают свое семейное благополучие существенно выше (см. рисунок 5.1). Различия между оценками семейного благополучия в обследованных группах детей статистически достоверны (критерий Краuskala — Уоллиса,  $N=6,78$ ,  $p<0,01$ ).

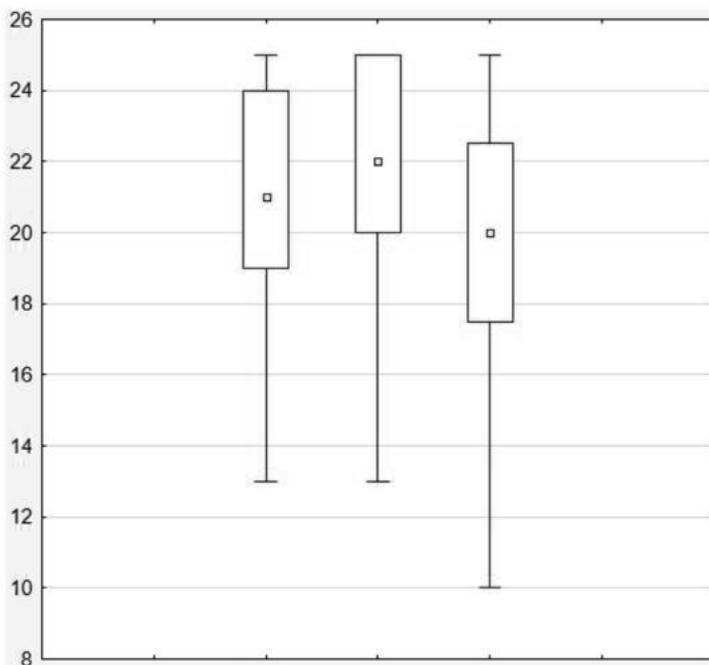


Рис. 5.1. Диаграмма размаха, характеризующая значения суммарных показателей методики «Семейный АПГАР» в выборках опекаемых детей и детей, составивших группу сравнения

Полученные в нашем исследовании результаты могут иметь несколько разных объяснений. Первое объяснение отсылает к особенностям процедуры сбора эмпирических данных, которая осуществлялась в формате интервью и поэтому могла ассоциироваться у опекаемых детей с ситуацией обследования их жизненной ситуации сотрудниками органов опеки, что приводило к ухудшению качества контакта между детьми и интервьюерами и способствовало «защитной» идеализации семейной ситуации. Это объяснение вполне имеет право на существование, поскольку опекаемые дети, как правило, имеют значительно более широкий опыт контактов с представителями различных социальных служб, и этот опыт не всегда является сугубо положительным. В некоторых случаях дети могли испытывать опасения, связанные с возможностью «неправильного» ответа, который повлечет за собой усиление контроля за функционированием его/ее семьи или даже изъятием его/ее из семьи

из-за ограничения или прекращения полномочий опекунов. В ходе исследования интервьюеры довольно часто сталкивались с ситуацией, в которой опекаемый ребенок обращался к опекуну за «правильным» ответом, причем в некоторых случаях это касалось не только ответов на вопросы, которые интервьюер задавал в ходе беседы, но и проективного рисования (как отмечалось в главе 2, в диагностический комплекс, предлагавшийся ребенку, помимо прочего был включен проективный рисунок «Моя жизнь»): на отдельных рисунках прослеживаются «исправления», внесенные опекунами и направленные на устранение элементов или иных признаков рисунка, которые традиционно интерпретируются в качестве индикаторов дисфункциональности семейных отношений. Очевидно, что в этих примерах прослеживается «опытность» опекаемых детей и опекунов в вопросах психологической диагностики, в том числе проективной, проявляющаяся в знании «нужных» или «правильных» ответов на вопросы о том, что происходит в их семье. Другое возможное объяснение связано с актуализацией у опекаемых детей механизмов психологической защиты в ситуации размышления о своей семье, что вполне вероятно на фоне более высокого в сравнении с детьми, составившими контрольную группу, уровня психотравматизации.

Анализ профилей оценок различных параметров семейного благополучия в выборках опекаемых детей и детей, составивших группу сравнения, показывает, что независимо от того, в какую выборку входит ребенок, наиболее высокие оценки характерны для параметра семейной поддержки. В целом профили, полученные во всех трех выборках, схожи, за исключением последнего пункта, в котором дети оценивали качество совместного досуга: как оказалось, дети из опекунских семей (особенно из семей некрвной опеки) оценивают семейный отношения по этому параметру выше, чем дети из семей, составивших группу сравнения (см. рисунок 5.2). Вероятно, этот факт может интерпретироваться как отражение более высокой ценности совместного времяпровождения со взрослыми, характерной для детей, находящихся под опекой.

Изучая факторы, определяющие оценки семейного благополучия опекаемых детей, мы получили очень важные результаты, раскрывающие ситуационную детерминированность семейного благополучия опекаемых детей в контексте обстоятельств, предшествовавших опеке, и характера их контактов с биологическими родителями в случае, если те живы<sup>10</sup>.

---

<sup>10</sup> Коржова Е. Ю., Безгодова С. А., Юркова Е. В. Семейное благополучие опекаемых детей и их контакты с биологическими родителями: есть ли связь? // Герценовские чтения: психологические исследования в образовании. Материалы II Международной научно-практической конференции. СПб.: Изд-во РГПУ им. А. И. Герцена, 2019. С. 367–374.

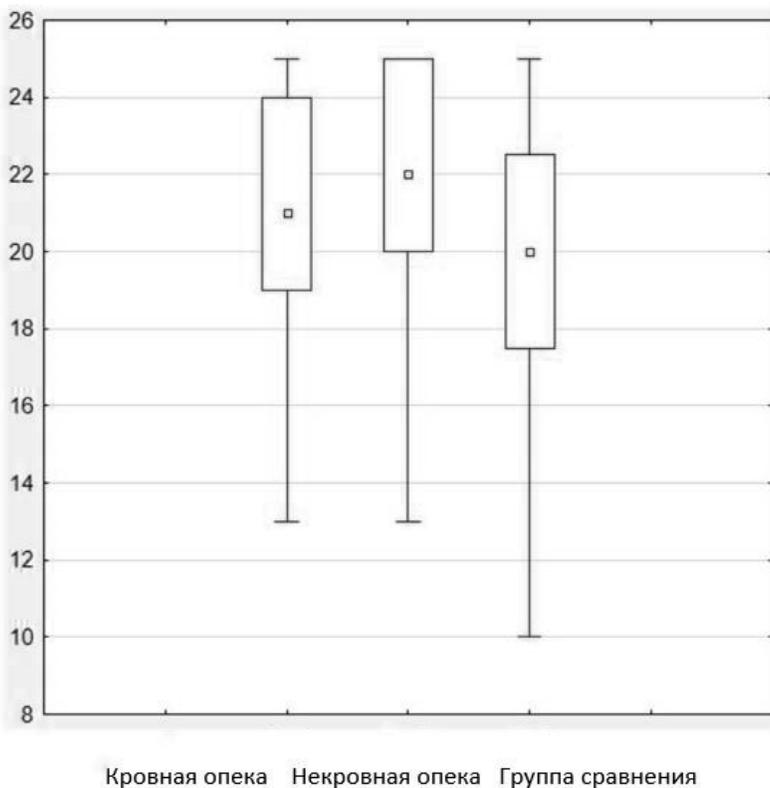


Рис. 5.2. Профиль оценок различных параметров семейного благополучия в выборках опекаемых детей и детей, составивших группу сравнения

В ходе исследования было установлено, что семейные отношения наиболее благополучными считают дети из семей некровной опеки, родители которых лишены родительских прав или отказались от них, а наименее благополучными — дети из семей кровной опеки, оказавшиеся в той же ситуации. Дети, родители которых умерли, в большей степени оценивают семейные отношения как благополучные в семьях кровной опеки, чем в семьях некровной опеки (см. таблицу 5.1).

Таблица 5.1

**Оценка семейного благополучия опекаемыми детьми  
в контексте семейной ситуации**

Характеристика ситуации	Родители умерли	Родители лишены родительских прав/отказались
Кровная опека	21,41 ± 3,25	20,41 ± 3,00
Некровная опека	20,83 ± 3,07	22,02 ± 2,70

Результаты двухфакторного дисперсионного анализа подтверждают тот факт, что оценка семейного благополучия детьми зависит от ситуации, предшествующей опеке, и наличия кровного родства между опекуном и опекаемым (см. рисунок 5.3).

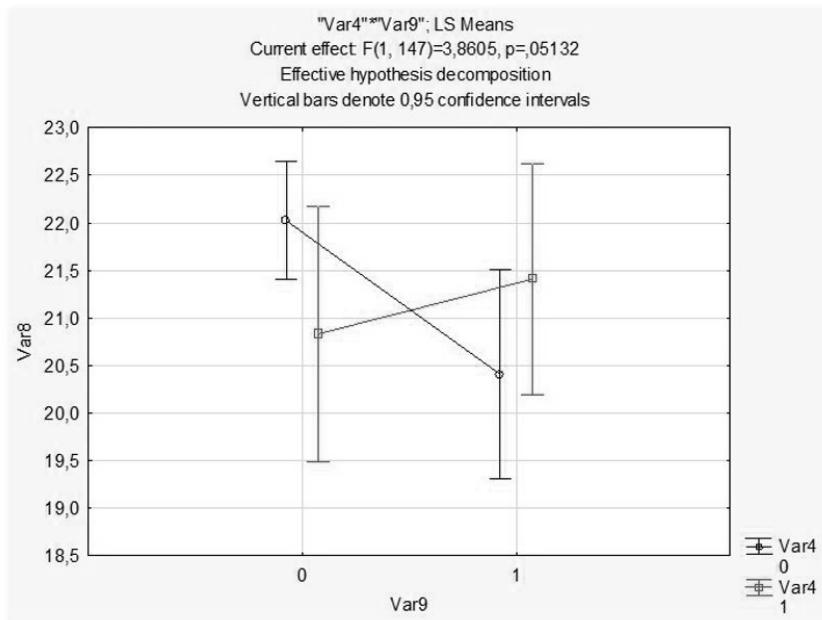


Рис. 5.3. Зависимость семейного благополучия опекаемыми детьми от статуса родителей (Var 4) и статуса семьи (Var 9).

K-S  $d=0,11$  при  $p>0,20$  для обеих выборок

Интерпретируя результаты, можно сделать вывод о том, что дети оценивают семейные отношения как благополучные в семьях некровной

опеки в сравнении с предыдущими семейными отношениями, где родители были лишены родительских прав или отказались от своих детей. С одной стороны, это может свидетельствовать о том, что опекунская семья приближается по своим характеристикам к эталону семейного благополучия в представлениях опекаемых детей, с другой стороны, о том, что эти оценки даны по контрасту с предыдущей семьей, которая была оценена социумом как неблагополучная, и дети были из нее изъяты. Кроме того, нельзя недооценивать элемент социальной желательности в оценках детей, поскольку процедуры различных оценок, в том числе и психологических характеристик опекунских семей, регулярно проводятся социальными службами. По сравнению с этим более низкие оценки семейного благополучия кровных опекунских семей могут быть связаны с противоречивостью как внутриличных, так межличностных отношений всех субъектов семейного взаимодействия. Во-первых, бабушки переживают ролевой конфликт — обратный «временной» ход ролевого присвоения «мать–бабушка–мать», при этом отличающийся неустойчивостью, поскольку родители ребенка живы, могут встречаться с ребенком и оказывать влияние на семейную систему, усиливая ее неустойчивость. В такой ситуации нет четкого распределения ролей в семье, ответственность и права ее членов размыты, функционирование семейной системы нарушается, что имеет своим эффектом снижение ощущения благополучия всех ее членов. Во-вторых, между бабушкой и ребенком существует возрастной разрыв, чаще всего в несколько поколений, что затрудняет формирование общих семейных интересов и ценностей, препятствует взаимопониманию. В итоге внутренняя напряженность такой семейной системы может привести к межличностным конфликтам и снизить уровень оценки ребенком семейного благополучия. В-третьих, бабушка может оценивать свой родительский опыт как неудачный, учитывая лишение родителя прав или его отказ от них, что может привести к использованию гипертрофированных воспитательных стратегий, чтобы избежать повторения собственных родительских «ошибок». Подобные воспитательные воздействия могут расцениваться ребенком как нарушение психологических границ, что несовместимо, по его мнению, с психологическим благополучием семьи. В-четвертых, само понятие благополучия подразумевает экономическую стабильность семейной системы, которая с трудом достигается бабушкой-опекуном, как правило, находящейся в пенсионном возрасте и уже не работающей. В связи с этим ребенок может оценивать благополучие своей семьи в ракурсе возможностей реализации своих потребностей и нужд, что неизменно будет склонять его в сторону оценки своей семьи как менее благополучной. В-пятых, сложность осуществления воспита-

тельных функций бабушкой-опекуном может быть опосредована ее состоянием здоровья, что также накладывает ограничения на функционирование семейной системы.

С другой стороны, кровные опекунские семьи оцениваются ребенком как более благополучные в сравнении с семьями некровной опеки в случае гибели родителей. Очевидно, что кровная опекунская семья в такой ситуации психологически спланивается переживанием общего горя, эмоции ее членов понятны друг другу, причины опеки также очевидны всем. Более того, снимается проблема нестабильной ролевой идентичности и родительской неуспешности бабушки-опекуна. В семьях некровной опеки переживания ребенка могут быть связаны с опытом горевания, сравнением кровных родителей с опекунами (часто не в пользу последних, поскольку образ умерших родителей традиционного идеализируется). Кроме того, одновременно ребенок и опекуны находятся в ситуации адаптации друг к другу, что может снижать оценку семейного благополучия ребенком.

Также большое значение в оценке ребенком семейного благополучия имеет наличие контакта с родителями, которые лишены родительских прав (см. таблицу 5.2). Анализ средних значений показывает, что наиболее высокую оценку семейному благополучию дают дети из некровных опекунских семей, которые не имеют контактов со своими родителями. Приблизительно на одном уровне семейное благополучие оценивают дети из семей кровной опеки, не имеющие контакта со своими родителями, и дети из семей некровной опеки, контактирующие со своими родителями. Наименьшие оценки семейному благополучию дают дети из семей кровной опеки, общающиеся со своими родителями. В целом, опекаемые дети, чьи родители живы, оценивают семейные отношения достоверно как менее благополучные в случае, если контакты с биологическими родителями сохраняются, в сравнении с детьми, которые не имеют таких контактов, независимо от формы опеки ( $t=2,03$ ,  $p=0,05$ ).

Таблица 5.2

**Средние значения оценки семейного благополучия опекаемыми детьми, имеющих и не имеющих контакты с кровными родителями**

Характеристика ситуации	Есть контакт с родителями	Нет контакта с родителями
Кровная опека	19,33 ± 3,04	20,34 ± 2,95
Некровная опека	20,40 ± 2,07	22,13 ± 2,73

Исходя из анализа полученных результатов, можно утверждать, что контакт с родителями, лишенными родительских прав, снижает оценку детьми семейного благополучия в опекунских семьях. Прежде всего, это может быть связано с тем, что в сознании ребенка его семья — это он и его родители, а опекунская семья — это временная ситуация. Кроме того, если это кровная опекунская семья, то родители являются ее неотъемлемой частью вне зависимости от их юридического статуса, который в свою очередь отражается на оценке семейного благополучия, поскольку эта часть семьи не может полноценно функционировать. Некровная опекунская семья в большей степени защищена от влияния родителей опекаемого ребенка, и, скорее, является альтернативой родительской. Поскольку опекуны не имеют кровного родства с родителями ребенка, им легче регламентировать его общение с ними и установить границы взаимодействия между ними. Однако в оценках ребенком благополучия некровной опекунской семьи может проявляться конфликтность ее восприятия: с одной стороны, это полноценно функционирующая семья, что является безусловным позитивным условием ее оценки как благополучной, с другой стороны, это чужая семья, и ребенку хотелось бы, чтобы такой была его родная семья, а не опекунская, что может внести определенный негативный аспект в субъективную оценку ее благополучия. Более позитивные оценки благополучия опекунских семей, как кровных, так и некровных, при отсутствии контакта у ребенка с родителями можно объяснить постоянством структуры и стабильностью отношений в них. Как правило, определенность и стабильность семейной ситуации способствует скорейшей адаптацией к ней и характеризуется большей безопасностью, что, несомненно, ведет к более высоким оценкам ее как благополучной.

Таким образом, можно утверждать, что контакты с родителями, лишенными родительских прав или отказавшимися от детей, приводят к более низким оценкам опекаемыми детьми семейного благополучия. Также была отмечена тенденция влияния ситуации, приведшей к факту опеки над ребенком, на оценку им семейного благополучия опекунской семьи. Так, дети, попавшие под опеку в ситуации смерти родителей, дают более высокие оценки семейному благополучию, находясь под опекой кровных родственников, чем дети, проживающие в семьях некровной опеки. Дети, от которых родители отказались или лишены родительских прав, оценивают благополучие в семьях некровной опеки выше, чем в семьях кровной опеки. Таким образом, на оценку ребенком семейного благополучия в опекунских семьях оказывают влияние (причем негативное) наличие общения с биологическими родителями; ситуация (смерть родителей или лишение родителей прав / отказ), в связи с которой ребенок оказался под опекой, в последнем случае имеет зна-

чение тип опекунской семьи. Полученные данные указывают на необходимость учета типа опекунской семьи (кровная/некровная), ситуации, которая привела к опеке (смерть родителей или лишение родителей прав / отказ), вероятности контактов с биологическими родителями в психологическом сопровождении опекунских семей.

**Семейное благополучие опекунов.** Оценка семейного благополучия опекунов выявила количественное и качественное своеобразие характеристик семейного функционирования в выборках семей кровной и некровной опеки.

На рисунке 5.4 представлены результаты сравнительного анализа суммарных показателей по методике «Семейный АПГАР», полученных в выборках кровных опекунов, некровных опекунов, а также в группе сравнения (то есть среди матерей, которые воспитывают собственных детей). Диаграммы размаха наглядно свидетельствуют о том, что наиболее высокие показатели семейного благополучия отмечаются опекунами, не связанными кровным родством с опекаемыми детьми. Кроме того, в выборке кровных опекунов фиксируется самый широкий диапазон размаха, а также несколько экстремально низких значений показателя семейного благополучия. В то же время, в выборке кровных опекунов распределение анализируемого показателя оказалось в целом похожим на картину, полученную при анализе данных группы сравнения, тогда как в выборке опекунов, не связанных с опекаемым ребенком кровным родством, это распределение достаточно существенно отличается от остальных.

На основе этих данных можно дать обобщенную характеристику семейного благополучия семей кровной и некровной опеки, которая заключается в том, что уровень семейного благополучия опекунов в семьях кровной опеки достоверно ниже, чем в семьях, где опекуна и опекаемого ребенка не связывают родственные узы. Однако необходимо иметь в виду, что этот вывод сделан на основе показателей, сформированных с опорой на самооценку семейного функционирования самими опекунами, и эту особенность инструмента оценки необходимо учитывать при интерпретации данного факта. Опыт интервьюирования опекунов, представляющих семьи кровной и некровной опеки, убедительно продемонстрировал большую открытость опекунов-бабушек к обсуждению трудностей, с которыми сталкивается их семья, в то время как некровные опекуны, как правило, были более склонны к тому, чтобы обходить в разговоре обсуждение проблем и представлять свою семью в несколько идеализированном свете. Кстати, эта тенденция отчетливо проявилась в характеристиках семейной ситуации опеки, предложенных кровными и некровными опекунами, которые представлены в главе 4 данной

монографии. Можно с определенной долей осторожности предполагать, что более высокие оценки семейного благополучия в семьях некровной опеки связаны не только с объективно более высоким уровнем функциональности семей, которые взяли под опеку неродного им ребенка, но и с более выраженной в данной выборке тенденцией к социально желательным ответам, обусловленной, вероятно, большим «контролирующим вниманием» со стороны органов опеки в отношении именно этого типа семей и, как следствие, большими рисками, сопряженными с обсуждением возникающих трудностей. В то же время, бабушки-опекуны, в большей степени открытые для обсуждения проблем, возникающих у их семей, демонстрируют относительно более низкие оценки семейного благополучия, которые, однако, оказываются сопоставимыми с оценками группы сравнения, что может рассматриваться как подтверждение их релевантности актуальному семейному опыту кровных опекунов.

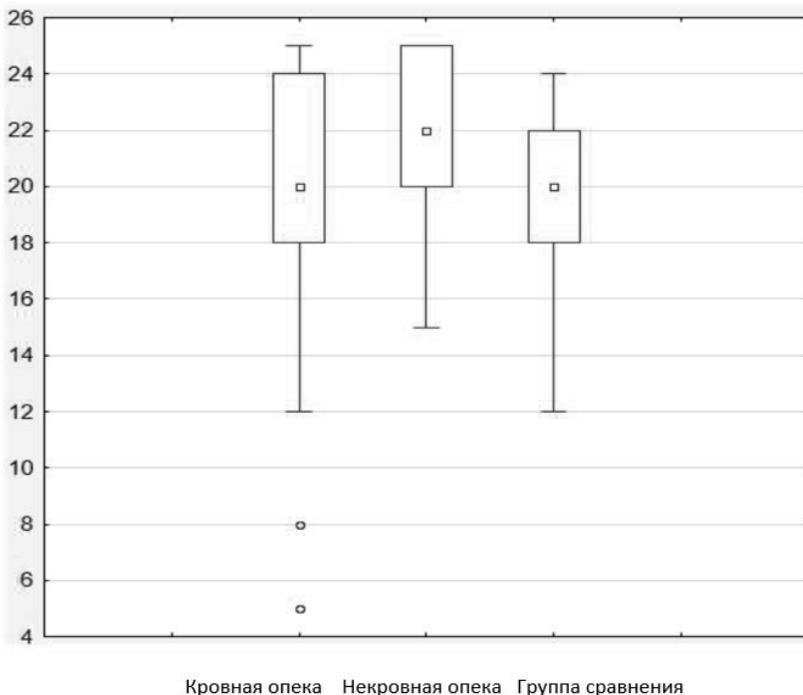


Рис. 5.4. Диаграмма размаха, характеризующая значения суммарных показателей методики «Семейный АПГАР» в выборках опекунов и в группе сравнения

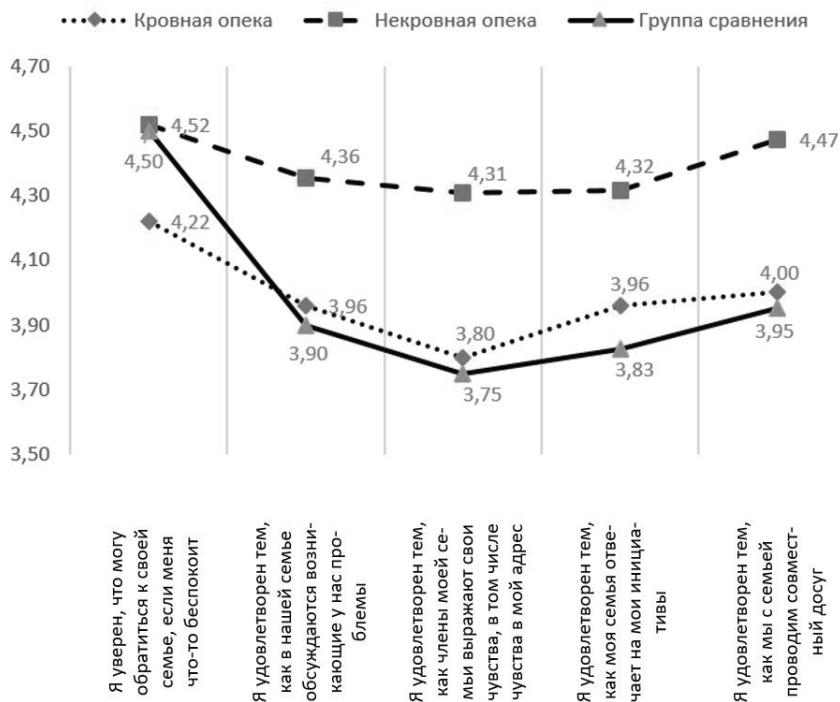


Рис. 5.5. Профиль оценок различных параметров семейного благополучия в выборках опекунов и в группе сравнения

Тенденция к сближению оценок семейного благополучия в выборке кровных опекунов и в группе сравнения прослеживается и при анализе профилей их оценок отдельных параметров семейного благополучия (см. рисунок 5.5). Между профилями, полученными в данных выборках, наблюдается единственное существенное различие, связанное с параметром воспринимаемой семейной поддержки, оценки которого в выборке бабушек-опекунов достоверно ниже. В выборке некровных опекунов на фоне результатов, полученных в группе сравнения, наблюдаются значительно более высокие оценки по всем параметрам семейного благополучия, за исключением именно того параметра, который явился дифференцирующим для группы сравнения и выборки бабушек-

опекунов — воспринимаемой эмоциональной поддержки, что, с учетом высказанных при анализе суммарного показателя семейного благополучия предположений, может свидетельствовать о его снижении и в выборке женщин-опекунов в семьях некровной опеки, в сравнении с матерями, воспитывающими родных детей.

В целом, однако, на основании данных, представленных на рисунке 5.5, можно заключить, что именно параметр воспринимаемой эмоциональной поддержки со стороны семьи вносит наибольший вклад в суммарный показатель женщин, принявших участие в исследовании, независимо от того, является их семья опекунской или нет, в то время как оценки других параметров функциональности семейных отношений уступают данному показателю. Эмоциональную поддержку со стороны семьи, таким образом, можно рассматривать в качестве наиболее ресурсной стороны семейного благополучия женщин, воспитывающих детей, в том числе женщин-опекунов (независимо от возраста и формы опеки). При этом необходимо отметить, что опекуны-бабушки констатируют относительно более низкий уровень семейной поддержки, что может рассматриваться как один из факторов риска их семейного благополучия. Опекуны, не связанные с опекаемым ребенком кровным родством, декларируют довольно высокие оценки воспринимаемой семейной поддержки, однако, возможно, эти оценки несколько преувеличены, и дефицит семейной поддержки испытывают также и опекуны в семьях некровной опеки.

В завершение характеристики семейного благополучия в оценках кровных и некровных опекунов отметим, что в выборках взрослых участников исследования не было обнаружено ситуационных факторов, оказывающих статистически достоверное влияние на восприятие ими семейной ситуации. На наш взгляд, это свидетельствует о более вариативном влиянии ситуационного контекста на семейное благополучие опекунов, в сравнении с семейным благополучием опекаемых детей, что, вероятно, связано со значительно более масштабным жизненным опытом опекунов, который трансформирует различные жизненные обстоятельства в сугубо индивидуальные факторы риска и защиты.

Изучение *взаимосвязей семейного благополучия опекунов и опекаемых детей*, осуществленное с помощью корреляционного анализа, показало, что профили детских и взрослых оценок функциональности семейных отношений совпадают лишь частично (см. таблицу 5.3).

Таблица 5.3

**Коэффициенты корреляции, характеризующие взаимосвязи профилей детских и взрослых оценок функциональности семейных отношений**

Параметры анализа семейного благополучия	Коэффициенты корреляции		
	Кровная опека	Некровная опека	Группа сравнения
Я уверен, что могу обратиться к своей семье, если меня что-то беспокоит	-0,01	0,19*	0,32*
Я удовлетворен тем, как в нашей семье обсуждаются возникающие у нас проблемы	-0,05	0,10	-0,04
Я удовлетворен тем, как члены моей семьи выражают свои чувства, в том числе чувства в мой адрес	0,25	0,37*	0,36*
Я удовлетворен тем, как моя семья отвечает на мои инициативы	0,16	0,04	0,12
Я удовлетворен тем, как мы с семьей проводим совместный досуг	0,31*	0,14	0,09
Семейный АПГАР (суммарный)	0,07	0,20	-0,02

Наименее близкими друг другу оказались детские и взрослые профили оценок, полученные в выборке семей кровной опеки: единственный параметр, по которому получены статистически значимые корреляции — это параметр удовлетворенности досугом. В выборках семей некровной опеки и группы сравнения зафиксировано по две статистически значимых взаимосвязи: их продемонстрировали показатели, характеризующие оценки семейной поддержки и способов выражения чувств. В целом, вероятно, в семьях некровной опеки дети и опекуны несколько более согласованно оценивают степень функциональности семейных отношений, чем это происходит в выборке кровных опекунских семей. В то же время, суммарные показатели «Семейного АПГАРа», а также более половины частных показателей в обеих выборках не демонстрируют согласованности, что, на наш взгляд, является еще одним аргументом в пользу того, что семейное благополучие детей и опекунов определяется и поддерживается разными ситуационными факторами, что необходимо

учитывать в психолого-педагогической работе, направленной на укрепление семейного благополучия опекунских семей.

## 5.2. Функционально-ролевая структура опекунской семьи<sup>11</sup>

Специалисты, работающие с замещающими семьями, отмечают, что, несмотря на максимальную приближенность замещающей семьи к удовлетворению потребностей ребенка иметь родителей и быть включенным в семейные отношения, замещающие родители не могут в полной мере воспроизвести условия воспитания в кровной семье (Алексеева Э. Р., 2009). Для замещающей семьи характерна особая структура внутрисемейных отношений (Захарова Ж. А., 2007; Морозова И. С., Белогай К. Н., Отт Т. О., 2014; Ослон В. Н., 2014), что особенно ярко проявляется в условиях кровной опеки, когда опекунами становятся близкие родственники ребенка. Вместе с тем, наиболее существенное отличие семей кровной опеки от замещающих семей, в которых опекуны не имеют родственных связей с ребенком, связано со смешением семейных ролей, проявляющемся в том, что опекун одновременно вынужден выполнять функцию отца и/или матери и свою семейную роль в соответствии с родственными отношениями (бабушка, дедушка, тетя, брат и т. д.) (Богомяглова О. Н., 2015), что порождает потенциал конфликтности в отношениях между детьми и опекунами (Ziminski J., 2007).

Так, А. В. Махнач отмечает, что для семей кровной опеки типично нарушение традиционных межпоколенческих отношений, что неизбежно влечет за собой изменение норм и правил внутрисемейного взаимодействия, трансформацию сложившихся границ. «Перевернутая» межпоколенческая структура может приводить к широкому спектру нарушений функциональности семейных отношений, начиная от симбиотических коалиций между опекуном и опекаемым ребенком и заканчивая латентными или открытыми конфликтами между ними, а также к изменениям всех подсистем семьи, в том числе подсистемы

---

<sup>11</sup> Микляева А. В., Безгодова С. А., Юркова Е. В. Ролевая идентичность опекунов в контексте их удовлетворенности функциональными характеристиками семейных отношений // Азимут научных исследований: педагогика и психология 2018. Т. 7. № 3 (24). С. 357–360; Коржова Е. Ю., Микляева А. В. Ролевая идентичность опекунов в кровных опекунских семьях. Ананьевские чтения — 2018: Психология личности: Традиции и современность / под общ. ред. Н. В. Гришиной, С. Н. Костроминой. СПб.: Айсинг, 2018. С. 318–319.

супружеских отношений, в которые вовлечены опекуны. Констатируется несбалансированность семейной структуры семьи кровной опеки по параметрам близости и гибкости, связанная с особым способом изменения семейных ролей: новые семейные роли не являются результатом естественной содержательной трансформации, отражающей эволюционные изменения семейной системы, а формируются путем расширения и дополнения уже имеющихся ролей новыми функциями (Махнач А. В., 2019).

Кроме того, опекуны, приходящиеся ребенку кровными родственниками, находятся под воздействием переживания реальной или символической утраты близких людей, которое способствует искажению образа опекаемого ребенка, влечет за собой изменения способов взаимодействия с ним (Олейник В. В., 2007; Осипова А. А., 2013). Высокий уровень травматизации обеих сторон, вовлеченных в ситуацию кровной опеки — и опекуна, и опекаемого ребенка — часто становится причиной нарушений в отношениях между ними, приводя к несимметричности ожиданий и поведенческих ответов (Ослон В. Н., Косьянова Е. В., 2011).

Исследования показывают, что в качестве средства выражения сложного опыта взаимодействия в опекунских семьях происходит процесс конструирования смыслов семьи в нарративах о ней. Для семей кровной опеки в большей степени характерен дискурс биологической нормативности, выражающейся в трансляции идеи о том, что опекаемый ребенок связан с семьей биологически, в целенаправленном указании на сходства между опекаемым ребенком и другими членами семьи. Этот дискурс, как правило, связан с высокой оценкой своего жизненного опыта и представлением о собственной правомочности в оказании влияния на развитие детей «по праву родства», которые часто осознаются не в полной мере. Семьи некровной опеки, в свою очередь, чаще доминирует дискурс конструируемого родства, в основе которого лежат идеи, в большей степени способствующие осознанию собственных представлений об опекаемом ребенке и способах взаимодействия с ним, поскольку в этом случае в фокусе семейного нарратива оказывается опыт воспитания (Suter E. A., Baxter L. A., Seurer L. M., Thomas L. J., 2014). Очевидно, что дискурс биологического родства, интерпретируемый в обозначенном контексте, создает больше предпосылок для искажения функционально-ролевой структуры семейных отношений.

В этих условиях защитными, предопределяющими возможности опекуна по созданию условий для психологического комфорта и успешного развития ребенка, становятся готовность опекуна к принятию новой роли, наличие умений и навыков, необходимых для осуществления воспитательных функций (Denby R. W., Testa M. F., Alford K. A., Cross C. L.,

Brinson J. A., 2017). В связи с этим актуален вопрос о том, каков характер ролевой идентичности опекунов в непрофессиональных замещающих семьях кровной и некровной опеки и каковы взаимосвязи между характеристиками ролевой идентичности опекунов и их удовлетворенностью функциональностью семейных отношений. Поиск ответа на этот вопрос осуществлялся в нашем исследовании, в котором изучалась ролевая идентичность опекунов в семьях кровной и некровной опеки в контексте их удовлетворенности функциональными характеристиками семейных отношений. В исследовании приняли участие опекуны, являющиеся и не являющиеся кровными родственниками опекаемых ими детей. В дополнение к выборке, описанной в главе 2, в этом исследовании анализировалась ролевая идентичность кровных опекунов, которые являются для опекаемого ребенка тетьми. Средний возраст женщин, вошедших в данную выборку ( $n=15$ ), составил  $2,93 \pm 10,56$  лет, средний возраст опекаемых ими детей —  $13,73 \pm 2,37$  лет; в браке на момент исследования состояли 30,4% опрошенных. Использовались результаты, полученные с помощью методик «Семейный АПГАР» и «Цветовой анализатор мира», а также ответы на открытые вопросы, раскрывающие представления респондентки о ребенке и характере взаимодействия с ним. Математическая обработка результатов исследования проводилась с помощью пакета прикладных статистических программ «Statistica 10.0». В процессе обработки данных осуществлялись следующие математические процедуры: расчет первичных статистик, критериальный анализ ( $F^*$ -критерий Фишера,  $H$ -критерий Краскела — Уоллиса,  $U(Z)$ -критерий Манна — Уитни), корреляционный анализ ( $r_s$  коэффициент Спирмена) и кластерный анализ.

Результаты исследования показали, что наиболее высокие показатели удовлетворенности функциональными характеристиками семейных отношений наблюдаются в семьях, в которых опекуны не состоят в кровном родстве с детьми, принятыми под опеку ( $22,01 \pm 3,28$ ). Довольно высокие значения этого показателя наблюдаются и в выборке опекунов, приходящихся опекаемому ребенку родной тетей ( $21,45 \pm 3,67$ ). Самые маленькие оценки получены в выборке опекунов-бабушек и в группе сравнения ( $19,94 \pm 4,27$  и  $20,06 \pm 2,96$  соответственно). Более детальный анализ показал, что основной вклад в выявленные различия вносит разница в оценках удовлетворенности различными сторонами внутрисемейного взаимодействия, тогда как оценки поддерживающего потенциала семейных отношений во всех группах довольно высоки.

Для группы сравнения характерным оказался достаточно большой разрыв между оценкой поддерживающего потенциала семейных отношений и оценками удовлетворенности различными аспектами внутри-

семейного взаимодействия. Это позволяет предполагать, что респонденты, составившие группу сравнения, в целом готовы признавать те трудности, которые возникают в повседневной внутрисемейной коммуникации, однако не воспринимают их как угрозу семейной поддержке. Схожая, хотя и менее выраженная, тенденция отмечается и в выборке бабушек, являющихся опекунами кровных внуков. В остальных выборках обозначенная тенденция не прослеживается.

Сопоставление этих результатов с усредненными оценками слов-стимулов «жизнь нашей семьи» и «моя семья», полученных с помощью цветоассоциирования (см. таблицу 5.4) позволяет отметить, что готовность к признанию трудностей позволяет матерям, составляющим контрольную группу, сохранять ощущение эмоциональной комфортности жизни собственной семьи. Расхождение между прямыми оценками и опосредованными оценками семейного функционирования в этом случае могут быть объяснены достаточно высокой критичностью респонденток, проявляющейся при осмыслении опыта внутрисемейного взаимодействия. Бабушки-опекуны, напротив, характеризуются относительно низкими оценками комфортности семейного функционирования, полученным с помощью цветоассоциирования, что соответствует и прямым оценкам семейного благополучия, полученным в этой выборке. Таким образом, трудности, возникающие во внутрисемейной коммуникации и констатируемые бабушками-опекунами, вероятно, отрицательно сказываются на общей оценке комфортности семейного функционирования. В выборках некровных опекунов и опекунов-сестер родителей опекаемого ребенка, которые сходны друг с другом по возрасту составивших их респонденток, наблюдается некоторое несоответствие между прямыми и опосредованными оценками семейного функционирования, что может указывать на желание опекунов, составляющих эти группы, приукрасить действительность, умолчать о возникающих трудностях. Это предположение подтверждается, в том числе, сведениями, полученными во время неформальных бесед с респондентками. Многие из них отмечали, что при ответах на вопросы старались показать свою семью с лучшей стороны, опасаясь, что упоминание возникающих трудностей вызовет пристальное внимание со стороны органов опеки и может повлечь за собой негативные последствия, вплоть до изъятия опекаемого ребенка из семьи. Таким образом, можно констатировать, что опекуны-бабушки оказываются более открытыми для обсуждения проблем, неизбежно возникающих в жизни опекунской семьи, нежели опекуны более младшего возраста, независимо от наличия или отсутствия кровного родства.

Таблица 5.4

**Средние значения и стандартные отклонения опосредованных оценок  
удовлетворенности семейным функционированием и семейными ролями**

Слова-стимулы	Выборки				N/p <
	Некровные опекуны	Опекуны-бабушки	Опекуны-тети	Группа сравнения	
Мой (опекаемый) ребенок	2,45 ± 1,59	2,67 ± 1,83	2,36 ± 1,78	1,61 ± 0,79	17,05/0,001
Моя семья	2,31 ± 1,27	3,22 ± 1,86	2,43 ± 1,74	1,84 ± 0,92	–
Родительство	2,56 ± 1,43	3,20 ± 1,64	3,29 ± 1,94	2,55 ± 1,39	–
Я-опекун	2,68 ± 1,64	3,08 ± 2,00	2,93 ± 1,94	–	–
Я	2,73 ± 1,71	3,33 ± 2,13	2,50 ± 1,40	2,34 ± 1,51	–
Я-родитель	2,60 ± 1,56	3,43 ± 2,04	3,07 ± 2,16	2,84 ± 1,53	–
Опекунство	2,77 ± 1,73	3,80 ± 2,04	3,50 ± 1,91	–	–
Моя жизнь	2,67 ± 1,76	3,82 ± 2,13	2,21 ± 0,97	2,53 ± 1,20	14,18/0,01
Жизнь нашей семьи	2,39 ± 1,41	3,61 ± 2,05	2,57 ± 2,03	2,08 ± 1,08	18,36/0,001

При анализе данных, представленных в таблице 5.4, обращает на себя внимание достоверно более высокая оценка слова-стимула «мой (опекаемый) ребенок», типичная для респонденток, составивших группу сравнения, что иллюстрирует закономерно более высокую комфортность взаимодействия в системе «мать — ребенок», нежели в системе «опекун — ребенок». Также необходимо отметить меньшую (на уровне выраженной тенденции) комфортность семейных ролей «родителя» и «опекуна» для кровных родственников опекаемого ребенка (бабушек и теть), в сравнении с респондентками, не состоящих с опекаемым ребенком в родстве, что, вероятно, иллюстрирует их большую готовность к принятию в семью ребенка на условиях опеки, обдуманность и взвешенность этого решения, тогда как бабушки и тети зачастую оказываются в этой роли под влиянием жизненных обстоятельств, которые, как правило, вдобавок ко всему являются для них самих травматичными (например, смерть или тюремное заключение близкого родственника).

С помощью корреляционного анализа было показано, что структура взаимосвязей в исследуемых выборках существенно различается. Так, на материале группы сравнения получено почти в 2,5 раза меньше достоверных взаимосвязей между изученными показателями, чем на материале выборок, которые составляют респондентки-опекуны, что может быть проинтерпретировано как большее разнообразие способов реали-

зации родительской роли кровными матерями, в сравнении с женщинами, взявшими ребенка под опеку. Показателен также и тот факт, что опосредованные оценки собственной родительской роли и взаимодействия с ребенком оказались не связанными с прямыми оценками семейного функционирования, независимыми от пола и возраста ребенка, а также супружеского статуса матери. Показатели, полученные на материале выборки семей кровной и некровной опеки, оказались связанными между собой значительно более жестко.

Так, на материале выборки опекунов, не являющихся кровными родственниками опекаемого ребенка, получены множественные положительные взаимосвязи между оценками «Я», «Я-родитель», «Я-опекун», «родительство» и «опекунство» ( $0,23 < r_s < 0,54$ ,  $p < 0,05$ ), а также отрицательные взаимосвязи этой группы показателей с прямыми оценками удовлетворенности семейным функционированием ( $-0,47 < r_s < -0,21$ ,  $p < 0,05$ ). Показатели «мой опекаемый ребенок», «жизнь нашей семьи» и «моя жизнь» связаны между собой ( $0,23 < r_s < 0,35$ ,  $p < 0,05$ ), однако не имеют взаимосвязей с показателями комфортности ролевой идентификации респондентов. Также интересной представляется положительная взаимосвязь между возрастом опекаемого ребенка и показателем «родительство» ( $r_s < 0,25$ ,  $p < 0,05$ ) а также различиями в оценках по параметрам «Я-опекун», которые составляют  $2,31 \pm 1,41$  и в случае, если опекаемый ребенок — девочка, и  $3,21 \pm 1,79$  — мальчик ( $Z = 2,61$ ,  $p < 0,01$ ) и «моя жизнь» ( $2,23 \pm 1,64$  и  $3,21 \pm 1,77$  соответственно,  $Z = 2,90$ ,  $p < 0,01$ ). Описанные результаты в совокупности позволяют констатировать, что для женщин-опекунов, не являющихся кровными родственницами опекаемого ребенка, характерно слияние опекунской и родительской ролей при определенном разрыве между самооценкой исполнения соответствующих ролей и характером отношений с опекаемым ребенком. Положительная идентификация с ролью опекуна-родителя и высокая самооценка качества ее исполнения предполагают в этих семьях декларацию удовлетворенности семейным функционированием. Однако, судя по всему, совпадение декларируемых оценок с субъективной комфортностью семейного функционирования определяется именно качеством отношений с ребенком, которого чаще достигают респондентки, опекающие девочек, чем мальчиков. Модальность идентификации с ролью родителя-опекуна, в свою очередь, связана с возрастом опекаемого ребенка (но не со стажем опеки): чем младше ребенок, тем более вероятна положительная ролевая идентификация, и наоборот. Супружеский статус респондентки оказался незначимым фактором как в аспекте модальности идентификации с ролью родителя-опекуна, так и в аспекте модальности отношений с опекаемым ребенком.

На материале выборки бабушек-опекунов получена иная структура взаимосвязей. В частности, положительно взаимосвязанными оказались показатели «мой опекаемый ребенок», «моя семья», «Я-опекун», «Я-родитель», «моя жизнь», «жизнь нашей семьи», а также возраст опекаемого ребенка ( $0,33 < r_s < 0,59$ ,  $p < 0,05$ ). Также выявлены множественные отрицательные взаимосвязи между этой группой показателей и прямыми оценками удовлетворенностью семейным функционированием ( $-0,53 < r_s < -0,30$ ,  $p < 0,05$ ). Связанные друг с другом показатели «Я» и «моя жизнь» ( $r_s = 0,34$ ,  $p < 0,05$ ) корреляций с названными выше показателями не продемонстрировали. Также были выявлены положительные корреляции между стажем опеки и показателями «мой опекаемый ребенок» и «жизнь нашей семьи» ( $r_s = 0,33$ ,  $p < 0,05$  и  $r_s = 0,37$ ,  $p < 0,05$  соответственно). Различий между бабушками, опекающими мальчиков и девочек, а также состоящими и не состоящими в браке, обнаружено не было. Обобщая эти результаты, можно отметить, что для бабушек, выступающих опекунами в отношении своих кровных внуков, также характерно слияние ролей опекуна и родителя, модальность которых, однако, в этом случае взаимосвязана с характером отношений с опекаемым ребенком. Фактором, опосредующим модальность внутрисемейных отношений, является стаж опеки: по мере увеличения продолжительности опыта опеки нарастает осознание сопряженных с ней трудностей, и удовлетворенность семейным функционированием снижается. При этом бабушки полностью вовлечены в исполнение роли опекуна-родителя, которая неразрывно связана с их восприятием жизни в целом.

Взаимосвязи показателей, полученных в выборке респонденток, входящих сестрами родителям опекаемого ребенка, оказались более всего похожи на структуру корреляционных связей, полученных на материале группы сравнения. В этой выборке также не обнаружено взаимосвязей между прямыми оценками удовлетворенности семейным функционированием и модальностью ролевых идентификаций и отношений с опекаемым ребенком, что позволяет предположить, что взаимоотношения с опекаемым ребенком не являются для данной группы опекунов фактором, имеющим решающее значение для оценки функциональности семейной ситуации. Вероятно, появление опекаемого ребенка в семье в этом случае вносит наименьшие изменения в ее структуру и функционирование, поскольку в этих семьях опекуны, как правило, являются ровесниками родителей ребенка и имеют собственных детей, в отличие от опекунов-бабушек и опекунов, не связанных с ребенком кровным родством (в том случае, если они не имеют своих собственных детей или же их дети уже выросли и покинули родительскую семью). Показательными в этой связи являются различия показателя

«мой опекаемый ребенок» в подгруппах опекунов, состоящих и не состоящих в браке ( $3,00 \pm 1,23$  и  $1,21 \pm 0,53$  соответственно,  $Z=2,04$ ,  $p<0,05$ ), которые позволяют предположить, что отношения с опекаемым ребенком во многом определяются семейной ситуацией, которая сложилась в жизни опекуна. Тем не менее, положительные взаимосвязи между показателям «Я», «Я-опекун» и «Я-родитель» ( $0,73 < r_s < 0,77$ ,  $p<0,05$ ) указывают на то, что и для опекунов, являющихся тётями опекаемого ребенка, характерно слияние опекунской и родительской идентичности.

Результаты кластерного анализа (Ward's method) позволили сформулировать заключение о том, что для бабушек-опекунов характерно «слипание» ролей опекуна и родителя, с одной стороны, и фокусировка на опекаемом ребенке, приводящая к дезинтеграции жизни семьи, с другой, чего не наблюдается в выборках матерей и бабушек, где ребенок / внук интегрирован в жизнь семьи как целостной системы. На основе результатов корреляционного анализа ( $r_s$ ) можно утверждать, что описанные тенденции нарастают по мере увеличения стажа опеки, что проявляется, в первую очередь, в более негативных оценках бабушек-опекунов опекаемого ребенка, собственной семьи и собственной жизни. Однако представленные в литературе данные о связи подобной тенденции с взрослением опекаемого, в частности, с достижением им подросткового возраста, в нашем исследовании подтверждения не нашли.

В ходе исследования была также выявлена специфика в понимании бабушками-опекунами задач, связанных с ролью опекуна. В сравнении с кровными матерями и бабушками, проживающими со своими детьми и внуками, бабушки-опекуны достоверно чаще ( $\varphi^*$ ,  $p<0,05$ ) ориентированы на «организационное сопровождение» жизни ребенка (обеспечение бытового комфорта, возможности получения образования и профессии — 39,1% от общего числа ответов на вопрос «Какие задачи Вы ставите перед собой в отношении опекаемого ребенка?»), в то время как матери и бабушки упоминают, прежде всего, задачи, связанные с формированием личности ребенка (66,4% и 49,6% соответственно). Нарастание внимания опекуна к «внешней» стороне жизни ребенка также положительно связано со стажем опеки ( $p<0,05$ ).

Таким образом, проведенное исследование показало, что некровные опекуны и опекуны, приходящиеся ребенку тётями, в меньшей степени, нежели бабушки, готовы обсуждать трудности, которые возникают в повседневном внутрисемейном взаимодействии. При этом для женщин-опекунов (независимо от того, состоят они в кровном родстве с опекаемым ребенком или нет) характерно слияние опекунской и родительской идентичности, причем положительная модальность ролевой идентификации чаще встречается у женщин, опекающих детей

младшего школьного возраста, в сравнении с детьми-подростками. В семьях, в которых кровного родства между ребенком и опекуном нет, ролевое слияние, вероятно, не оказывает негативного влияния на характер внутрисемейного взаимодействия в целом и отношения между опекуном и ребенком в частности. Имея возможность принять более взвешенное и осознанное решение о принятии обязанностей по опеке над ребенком, некровные опекуны при оценке функциональности семейных отношений ориентируются, в первую очередь, на самооценку качества выполнения опекунской/родительской роли, а не на характер отношений с ребенком (возможно, исходят из представления о том, что ребенок появляется в семье с некоторым «багажом», доставшимся ему от биологических родителей). В семьях, в которых опекун и ребенок состоят в кровном родстве, ролевое смешение может приводить к снижению оценки комфортности семейных отношений и их функциональности, что особенно заметно на примере опекунов-бабушек, для которых исполнение опекунских обязанностей зачастую становится единственной жизненной задачей, а трудности, возникающие во взаимоотношениях с опекаемым ребенком, наносят существенный урон модальности ролевой идентичности и оценке своей собственной жизни в целом. В выборке опекунов-тётъ негативные эффекты ролевого слияния частично нивелируются тем фактом, что опекаемый ребенок включается в «готовую» детско-родительскую подсистему семейных отношений, и модальность ролевой идентичности опекуна определяется не характером отношений с опекаемым ребенком, а функциональностью системы семейных отношений (как детско-родительских, так и супружеских) в целом. Эти выводы показывают, что ролевая идентичность опекунов в кровных опекунских семьях имеет яркую специфику, и семьи кровной опеки необходимо выделять в качестве отдельного объекта исследований в предметной области психологии семьи.

### **5.3. Стили взаимодействия опекунов и опекаемых**

Многочисленные исследования подтверждают, что до сих пор нет лучших условий для развития личности ребенка, чем те, которые создаются в семье, и этим объясняется приоритет семейного жизнеустройства детей, оставшихся без родительского попечения, над иными формами. Однако очевидно, что обязательными условиями выполнения опекунской семьей обозначенных функций являются комфортная атмосфера и позитивные отношения между взрослыми членами семьи

и детьми (Герасимова Е. В., 2008). Поэтому в контексте оценки эффективности семейного жизнеустройства детей большое значение имеют стили взаимодействия опекунов и детей, а также функциональность семейных отношений в целом.

Функциональность семейных отношений определяется как содействие физическому и психологическому росту всех членов семьи. Этот конструкт может быть представлен как состоящих из пяти компонентов: «адаптивность», «партнерство», «рост», «привязанность» и «решимость». Эти компоненты составляют модель «семейного АПГАР», которая позволяет охарактеризовать степень, в которой семья выполняет свои функции, то есть является функциональной. Члены функциональных семей имеют стабильные, позитивные отношения без внутренних коалиций, они удовлетворены совместной жизнью и деятельностью, но одновременно имеют некоторое приватное пространство, обусловленное сохранением границ личности. Функциональные семьи имеют четкие границы, прочную коммуникативную структуру для разрешения конфликтов и обеспечения спонтанности, эмпатии и эмоциональной поддержки (Smilkstein G., 1978).

Исследования показывают, что стили взаимодействия родителей и детей во многом зависят от функциональности семьи. Так, согласно Е. Шеферу, родительский стиль имеет два измерения: аффективное измерение («холодные отношения — теплые отношения») и контрольное измерение («автономия — контроль») (Schaefer E., 1959). В ряде исследований утверждается, что детско-родительские отношения в функциональных семьях характеризуются эмоциональной теплотой, которая сочетается с адекватным контролем (Muris P., Meesters C., Merckelbach H., Hülßenbeck P., 2000). Таким образом, семейная функциональность опекунской семьи должна рассматриваться как необходимое условие эффективности семейного устройства детей, и стили взаимодействия в системе «ребенок — опекун» в этих семьях заслуживают особого внимания.

Специалисты, работающие с опекунами семьями, отмечают, что опекуны не могут в полной мере воспроизвести родительские условия родственной семьи, несмотря на их максимальную близость к удовлетворению потребностей ребенка иметь родителей и быть включенным в семейные отношения. Опекунские семьи характеризуются специфическим внутрисемейным взаимодействием. Так, показано, что опекуны часто испытывают трудности в принятии опекаемых детей (Вагапова А. Р., Маркелова А. Ю., 2018) и в установлении с ними эмоционального контакта (Морозова И. С., Белогай К. Н., Отт Т. О., 2014). Опекуны часто предпочитают контролирующую стратегию родительского поведения

(Ослон Н. В., 2014), у них наблюдается тенденция к гиперопеке детей и более активному участию в их жизни (Калачева И. В., 2012). Довольно часто возникают трения, конфликты (Морозова И. С., Белогай К. Н., Отт Т. О., 2014) или же эмоциональная зависимость между ребенком и опекунами (Вагапова А. Р., Маркелова А. Ю., 2018).

Стили взаимодействия между опекаемым ребенком и опекуном оказывают влияние на эмоциональное состояние ребенка в семье (Морозова И. С., Белогай К. Н., Отт Т. О., 2014), качество формирующейся привязанности к членам семьи (Sinclair I., Wilson K., Gibbs I., 2005), а также на поведение детей путем усиления адаптивных или же проблемных форм поведения. Установлено, что негативные стили взаимодействия оказывают большее влияние на поведенческие проблемы опекаемого ребенка, чем отсутствие позитивных семейных отношений (Vanderfaeillie J., Van Hoken F., Vanschoonlandt F., Robberechts M., Stroobants T., 2012). Так, когда опекуны терпимы к неадекватному поведению ребенка (попустительский стиль) или, наоборот, чрезмерно строги к соблюдению правил (авторитарный стиль), у ребенка, скорее всего, будет больше проблем с поведением (Oosterman M., Schuengel C., Slot N. W., Bullens R. A., Doreleijers T. A., 2007). Многие поведенческие проблемы детей определяются чрезмерным авторитаризмом, критикой и неприятием со стороны опекунов: в частности, авторитарный стиль воспитания может рассматриваться в качестве предикторов интернализирующих проблем, возникающих у опекаемых детей, критика/отвержение в сочетании с авторитарным или попустительским воспитанием определяют экстернализирующие проблемы, а общая (суммарная) проблемность поведения опекаемого ребенка детерминируется критикой/отвержением и авторитарным воспитанием (Fuentes M. J., Salas M. D., Bernedo I. M., García-Martín M. A., 2014). Негативная роль критики/отвержения со стороны также подтверждается и в других исследованиях (например, Salas M. D., García-Martín M. A., Fuentes M. J., Bernedo I. M., 2015). Напротив, дети лучше адаптируются к семье опекунов, если они сталкиваются с авторитетным воспитанием, которое подразумевает установление ограничений и объяснение их оснований: дети, как правило, имеют меньше поведенческих проблем в таких опекунских семьях (Lipscombe J., Farmer E., Moyers S., 2003). Теплота и позитивный стиль взаимодействия в отношениях «ребенок — опекун» также связаны с уменьшением поведенческих проблем (Vanderfaeillie J., Van Hoken F., Vanschoonlandt F., Robberechts M., Stroobants T., 2013). Характеристики стилей взаимодействия, важных для благополучия детей, включают родительское терпение, последовательность, терпимость, понимание, гибкость, эмпатию, а также последовательность поведения и «личность» общения (Ivanova V., Brown J., 2011).

Особенно уязвимы отношения между детьми и пожилыми опекунами (бабушками и дедушками), которые в силу состояния здоровья и/или собственного родительского опыта зачастую не обладают необходимыми психологическими ресурсами для выстраивания конструктивных моделей взаимодействия с опекаемым ребенком. Дополнительными факторами риска в этой ситуации становятся психические и поведенческие расстройства или инвалидность опекаемого ребенка, проблемы, связанные с гиперопекой, а также с трансляцией ребенку негативных представлений о его биологических родителях. Факторами защиты, напротив, становятся автономность, зрелость и адаптивность отношений между опекунами и детьми, находящимися под опекой, благоприятный эмоциональный фон отношений между ними, достаточный уровень формальной и неформальной поддержки (Inchaurreta A. M., Bailon M. A., Vicente C. P., Tio E. V., Bolos A. M., 2015). В других исследованиях показано, что защитными факторами, предопределяющими возможности опекуна по созданию условий для психологического комфорта и успешного развития ребенка, становятся готовность опекуна к принятию новых ролей, наличие навыков для реализации родительских функций, а также поддержка со стороны других членов семьи (Denby R. W., Testa M. F., Alford K. A., Cross C. L., Brinson J. A., 2017).

Таким образом, можно утверждать, что формирование стилей взаимодействия в отношениях «ребенок-опекун» существенно различается в родственных и неродственных опекунских семьях. Поэтому можно предположить, что стили взаимодействия, определяющие благополучие ребенка в родственных и неродственных опекунских семьях, различны. Эмпирическая проверка этой гипотезы осуществлялась в ходе изучения взаимосвязей между стилями взаимодействия в системе «ребенок — опекун» и оценкой функциональности семейных отношений. Анализировались данные, полученные с помощью методик «Семейный АПГАР» (отдельно для опекунов и опекаемых детей), адаптированных версий методик PARI (для опекунов) и ACB (для опекаемых детей). Для обработки результатов исследования использовались критериальный анализ (тест Крассела — Уоллиса, *H*), регрессионный анализ (*B*) и факторный анализ. Все расчеты осуществлялись с применением программного обеспечения Statistica 10.0.

Сравнительный анализ (см. таблицу 5.5) выявил различия в оценках функциональности семейных отношений между кровными и некровными опекунскими семьями в пользу семей, в которых опекуны не связаны с ребенком кровным родством, что прослеживается и в оценках опекунов, и в оценках детей. Обнаружились существенные различия в стилях взаимодействия в системе «опекун (мать) — ребенок», отраженных

в оценках детей: оказалось, что опекаемые дети (независимо от наличия или отсутствия родственные связей с опекуном) выше оценивают интерес взрослых к их жизни, чем дети, составившие группу сравнения, однако при этом чаще фиксируют непоследовательность воспитательных практик, используемых опекуном.

Ответы опекунов, напротив, демонстрируют более низкую степень выраженности «позитивного интереса» к жизни опекаемых детей, в сравнении с матерями, которые воспитывают родных детей. При этом в семьях кровной опеки в дополнение к этому зафиксированы наиболее высокие показатели «инфантилизирующей гиперопеки».

Таблица 5.5

**Характеристики функциональных возможностей семьи  
и стилей взаимодействия**

Характеристики		Семьи кровной опеки	Семьи некровной опеки	Семьи кровных родителей	Kruscell-Wollis test H
Оценки детей	Позитивный интерес	0,09	0,13	-0,47	8,32*
	Гиперконтроль	-0,04	-0,10	0,33	
	Непоследовательность	-0,06	0,18	-0,39	8,71**
	Семейный АПГАР	20,86	21,85	19,47	11,80**
Оценки опекунов (матерей)	Социализирующее влияние	0,17	-0,02	-0,18	
	Ограничение коммуникации	0,11	-0,05	-0,02	
	Позитивный интерес	-0,17	-0,08	0,43	10,29**
	Инфантилизирующая гиперопека	0,24	-0,10	-0,06	6,14*
	Ускорение темпов развития	0,28	-0,19	0,12	
	Семейный АПГАР	19,94	22,01	19,93	16,88***

Примечание: \* —  $p < 0,05$ ; \*\* —  $p < 0,01$ ; \*\*\* —  $p < 0,001$

Факторный анализ (см. таблицу 5.6) выявил различия в связях между показателями функциональности семейных отношений и стилей взаимодействия в отношениях «опекун (мать) — ребенок», отраженных в ответах опекунов (матерей) и детей. В выборке кровных опекунских семей были выделены три фактора: «Семейное благополучие» (фактор 1), «Ограниченность коммуникации» (фактор 2) и «Чрезмерное внимание

опекуна к развитию ребенка» (фактор 3). В выборке некровной структура связей оказалась иной. Оценки опекунами и детьми функциональности семейных отношений стали частью различных факторов. В совокупности в этой выборке было выделено три фактора: фактор 1 «Благополучие ребенка», фактор 2 «Благополучие опекуна», фактор 3 «Гиперопека». Схожая факторная структура (за исключением фактора «Гиперопека») была выявлена в группе сравнения, в которой наряду с факторами «Благополучие ребенка» (фактор 1) и «Благополучие опекуна» (фактор 3) появился фактор «Минимизация усилий, направленных на развитие ребенка» (фактор 2).

Таблица 5.6

**Факторная структура показателей в выборках семей кровной и некровной опеки, а также в группе сравнения**

Характеристики		Семья кровной опеки			Семья некровной опеки			Группа сравнения		
		F 1	F 2	F 3	F 1	F 2	F 3	F 1	F 2	F 3
Оценки детей	Позитивный интерес	-0,80	0,02	0,01	0,85	0,04	0,15	-0,90	0,00	-0,13
	Гиперконтроль	0,07	-0,09	0,80	-0,15	-0,19	0,70	0,17	0,13	-0,74
	Непоследовательность	0,14	-0,30	-0,39	-0,11	0,64	0,23	0,37	0,72	-0,22
	Семейный АПГАР	-0,57	-0,31	-0,33	0,84	0,02	-0,08	-0,88	-0,03	0,16
Оценки опекунов (матерей)	Социализирующее влияние	0,08	0,59	0,01	0,34	0,03	0,63	0,37	-0,58	-0,12
	Ограничение коммуникации	0,08	-0,81	0,05	-0,37	-0,18	0,05	-0,30	0,22	0,00
	Позитивный интерес	-0,76	0,03	0,06	0,01	0,81	-0,21	0,04	0,05	0,72
	Инфантилизирующая гиперопека	-0,20	0,18	0,22	0,10	0,22	0,52	0,47	0,01	0,47
	Ускорение темпов развития	0,03	0,13	0,58	-0,16	0,12	-0,48	0,07	-0,86	0,00
	Семейный АПГАР	-0,57	0,37	-0,38	0,37	0,62	0,03	0,26	-0,22	0,48
Expl. Var		1,94	1,63	1,45	1,89	1,59	1,52	2,26	1,70	1,62
Prp. Totl		0,19	0,16	0,14	0,19	0,16	0,15	0,23	0,17	0,16

Регрессионный анализ (см. таблицу 5.7) позволил выявить предикторы детских оценок функциональности семейных отношений. В число таких предикторов во всех выборках вошел показатель позитивного интерес опекуна (матери) к жизни ребенка, отраженного в оценках детей. В выборке семей кровной опеки в число предикторов также вошли гиперконтроль со стороны опекуна, фиксируемый ребенком, и показатель ограниченности коммуникации, полученный на основе анализа ответов опекунов.

Таблица 5.7

**Регрессионная модель, объясняющая детские оценки функциональности семейных отношений**

Выборки	Предикторы	B	SE	$\beta$	R <sup>2</sup> adj.	t
Кровная опека	(Constant)	22,55	2,40			9,39***
	Позитивный интерес (оценка ребенка)	1,65	0,45	0,53	0,36	3,64***
	Гиперконтроль (оценка ребенка)	-1,15	0,37	-0,44	0,36	-3,12**
	Ограниченность коммуникации (оценка опекуна)	1,08	0,40	0,39	0,36	2,68*
Некровная опека	(Constant)	22,22	2,67			8,34***
	Позитивный интерес (оценка ребенка)	2,07	0,30	0,65	0,37	6,98***
Группа сравнения	(Constant)	19,67	4,26			4,61***
	Позитивный интерес (оценка ребенка)	2,36	0,56	0,71	0,52	4,19***

Примечание: \* —  $p < 0,05$ ; \*\* —  $p < 0,01$ ; \*\*\* —  $p < 0,001$

В целом, наше исследование показывает, что оценки детьми и опекунами функциональности семейных отношений в опекунских семьях достаточно высоки. Эти оценки не уступают аналогичным оценкам, полученным в группе сравнения, и даже значительно превосходят их в семьях неродственной опеки. Как отмечал Г. Смилкштейн, функциональные семейные отношения обеспечивают благополучие членов семьи (Smilkstein G., 1978). Однако следует отметить, что «Семейный АПГАР» представляет собой опросную методику, и ответы респондентов могут быть искажены эффектом социальной желательности. Можно резюмировать, что семьи некровной опеки, как правило, декларируют доста-

точно высокий уровень семейного благополучия (как опекунов, так и детей), но, возможно, их оценки несколько завышены из-за пристального внимания и контроля со стороны государственных органов опеки, который, как правило, значительно выше, нежели контроль, с которым сталкиваются опекуны, состоящие с опекаемыми детьми в кровном родстве (Farmer E., Moyers S., 2008).

Результаты опроса позволили выделить пять характеристик воспитательных стилей опекунов (социализирующее влияние, ограниченность общения, позитивный интерес к жизни ребенка, инфантилизирующая гиперопека, ускорение развития ребенка) и три измерения отражения этих воспитательных стилей детьми (позитивный интерес, гиперконтроль, непоследовательность). Показатели воспитательного стиля «позитивный интерес к жизни ребенка» в семьях кровной и некровной опеки были достоверно ниже, чем в группе сравнения, в оценках, предложенных опекунами и матерями. Семьи кровной опеки характеризуются также значительно более высокими показателями «инфантилизирующей гиперопеки». Тем не менее, признание «положительного интереса» к их жизни со стороны взрослых членов семьи значительно выше в выборках детей из семей опекунских семей, в то время как дети из семей, составивших группу сравнения, оценивают родительский позитивный интерес к своей жизни достоверно ниже. На наш взгляд, несоответствие между оценкой матерями и их детьми «позитивного интереса к жизни ребенка» в группе сравнения является отражением тенденции личностного развития в детском и подростковом возрасте, когда родительские практики и ожидания детей часто асимметричны. Эта же тенденция, вероятно, и проявляется в отсутствии прямой связи между оценками функциональности семейных отношений, сформулированных матерями и их детьми, что было показано с помощью факторного анализа.

В выборке семей некровной опеки была получена факторная структура, аналогичная той, которая была выявлена при анализе показателей группы сравнения. Наиболее существенное различие между этими двум выборками заключается в том, что в семьях некровной опеки дети могут воспринимать позитивный интерес своих опекунов как непоследовательный и не всегда прогнозируемый, тогда как для детей, воспитывающихся в родительских семьях, проявления интереса родителей к их жизни более предсказуемы. Вероятно, семьи некровной опеки могут создавать такие условия для развития детей, которые во многом близки к условиям воспитания в родственных семьях. Этому способствует более молодой возраст опекунов и включение их в нормативную (для данного этапа жизни) систему брачно-родительских отношений

(Микляева А. В., Безгодова С. А., Юркова Е. В., 2018). Однако проблема, скорее всего, заключается в несоответствии между способами, которыми опекун выражает позитивный интерес к жизни ребенка и ожиданиями ребенка, которые сложились в его предшествующем опыте, (например, в родной семье или в детском доме), благодаря чему дети и могут оценивать проявления позитивного интереса как неподобающие действия опекуна.

Полученные в исследовании факторные структуры показателей демонстрируют, что наиболее яркие противоречия в системе «ребенок — опекун» проявляются в семьях родственных опекунов. В этих семьях фиксируется прямая связь между оценкой опекуном (бабушкой) и ребенком функциональности семейных отношений. Мы интерпретируем эту связь как проявление взаимной зависимости благополучия ребенка и опекуна. Согласно результатам факторного и регрессионного анализа, для семей некровной опеки, так же, как и для группы сравнения, наиболее значимым фактором семейного благополучия ребенка является признание им положительного интереса опекуна (матери) к его жизни, который, вероятно, может поддерживаться различными стилями семейного взаимодействия. Для семей кровной опеки, помимо этого важными факторами также стали сокращение коммуникации с опекуном и отсутствие проявлений гиперконтроля со стороны опекуна. Мы предполагаем, что важность снижения контакта с бабушкой-опекуном и снижения контроля связана с попыткой детей воспроизвести такую модель семейного взаимодействия, где опекун выполняет функции бабушки (а не матери) и не занимает центрального места в жизни ребенка, будучи, однако, заинтересованным в его благополучии.

Таким образом, результаты нашего исследования показывают, что стили взаимодействия в системе «ребенок — опекун» в семьях кровной и некровной опеки различны. Семьи некровной опеки во многом похожи на семьи, составившие группу сравнения, по характеристикам взаимодействия между опекунами и детьми. Основным фактором семейного благополучия ребенка в этих типах семей является признание ребенком положительного интереса к своей жизни со стороны взрослых (родителей или опекунов). В семьях, где опекуном ребенка является бабушка, возникает больше противоречий во взаимодействии. В этих семьях бабушка вынуждена выполнять две семейные роли одновременно, что может создавать трудности для функционирования семьи. Эти выводы указывают на необходимость дифференцированного подхода к психологическому сопровождению опекунских семей.

\* \* \*

Обобщая результаты, представленные в этой главе, отметим, что проблема благополучия в функционировании семей кровной и некровной опеки крайне актуальна и, по сути, может быть признана ключевой в контексте выполнения опекунскими семьями возложенных на них функций, связанных с воспитанием и развитием опекаемых детей. В связи с этим крайне важными с точки зрения совершенствования практики сопровождения опекунских семей задачами является последовательная разработка и внедрение системы мер, направленных на всесторонний учет особенностей жизненной ситуации ребенка, лишённого родительского попечения и семьи, в которой предполагается его размещение, для выбора наиболее целесообразного варианта жизнеустройства.

## Глава 6

# ПСИХОЛОГИЧЕСКОЕ СОПРОВОЖДЕНИЕ ОПЕКУНСКОЙ СЕМЬИ (СЕМЬИ КРОВНОЙ ОПЕКИ)

### 6.1. Организация и содержание сопровождения детей, оставшихся без попечения родителей

Несмотря на то, что в российском обществе наблюдается тенденция к снижению процента детей, находящихся в списке банка для устройства в семью, общее количество детей, оставшихся без попечения родителей и находящихся в трудной жизненной ситуации очень велико. По числу детей-сирот, приходящихся на каждые 10 тысяч детского населения, Россия занимает первое место в мире. Например, судебная статистика за 2019 год свидетельствует о 6763 делах о лишении родительских прав, иски которых удовлетворены в случае 5479 дел<sup>12</sup>. Это означает, что 5479 детей не просто остались без попечения родителей, но и находятся в тяжелом психологическом состоянии, в трудной жизненной ситуации. Наиболее частой причиной лишения родительских прав является алкоголизация или наркотизация родителей, особенно матерей. Причинами социального сиротства является также добровольный отказ родителей от ребенка (в том числе вторичное сиротство — отказ от детей тех, кто сам воспитывался в детских, семейных домах), смерть родителей.

В России существуют различные формы устройства ребенка, оставшегося без попечения родителей: усыновление, опека (попечительство), приемная семья, государственные организации для детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей. Также существуют такие формы, как детский дом семейного типа, семейная воспитательная группа в государственных учреждениях социального обслуживания, патронатная семья, детские деревни. Каждая из них характеризуется правовыми, социальными, психологическими особенностями, зависимыми и одновременно влияющими на жизненную ситуацию ребенка.

---

<sup>12</sup> Судебная статистика [Электронный ресурс]: <http://stat.ани-пресс.пф/stats/gr/t/22/s/0>

Государственная социальная политика в отношении защиты прав и интересов ребенка направлена на семейное устройство детей, оставшихся без попечения родителей, которое позволяет создать максимально комфортные и безопасные условия социализации детей и является одним из направлений профилактики вторичного сиротства. Для эффективной реализации семейного устройства детей необходимо регулярно осуществлять деятельность по созданию и совершенствованию, во-первых, непротиворечивой правовой базы, с одной стороны защищающей интересы ребенка, с другой стороны, не затрудняющей процесс устройства ребенка в семью; во-вторых, формировать отношение и мотивацию людей для участия в различных формах семейного устройства детей, оставшихся без попечения родителей; в-третьих, создавать эффективные социально-правовые, психолого-педагогические модели сопровождения семей, взявших на воспитание детей, оставшихся без попечения родителей.

Основная проблема сопровождения замещающих и особенно кровных опекунских семей заключается в том, что оно является услугой социального обслуживания, которое осуществляется только по добровольному обращению граждан в управление социальной политики. Так, например, психологическое сопровождение замещающих и опекунских семей является одним из элементов комплексных мер, направленных на успешную адаптацию детей и опекунов к новой жизненной ситуации, но законодательно оно закреплено только на первом этапе отбора опекунов или приемных родителей. Согласно ст. 146 СК РФ, одним из требований к будущим опекунам является прохождение «Школы приемных родителей/опекунов», которая предполагает психолого-педагогическую и правовую подготовку будущих опекунов. Обучение и подготовка осуществляется в групповых и индивидуальных формах. Это семинары, лекционные занятия, психологические семинары, тренинги, индивидуальные консультации психологов, юристов, педагогов. Ее основными задачами является информирование по правовым вопросам оформления опеки, по вопросам психологических, психофизиологических особенностей детей и подростков, оставшихся без попечения родителей и оказавшихся в трудной жизненной ситуации, об особенностях их развития. Немаловажным элементом подготовки будущих опекунов и приемных родителей в данных школах является формирование и развитие навыков взаимодействия с детьми и подростками, а также создание ситуации осознания и принятия новой роли. Прохождение «Школы приемных родителей» является своеобразным этапом диагностики готовности человека или семьи принять ребенка, оставшегося без попечения родителей или оказавшегося в трудной жизненной ситуации.

Обучение в школе занимает в среднем шесть недель, после чего даются рекомендации специалистов и определяется возможность передачи ребенка в семью. Таким образом, психологическое сопровождение будущих приемных родителей, опекунов является обязательным условием для устройства ребенка в семью. Исключения составляют только родственники, которые решили взять опеку. Кровная опека предполагает, что ребенок остается внутри семьи, где уже существуют налаженные отношения; ребенку не нужно будет адаптироваться к новым условиям и ему будет легче пережить потерю. Кровные опекуны могут не проходить «школу приемных родителей / опекунов», и именно это является серьезным фактором риска впоследствии.

На последующих этапах осуществления опеки психологическое сопровождение представлено только в виде услуги, которой приемные родители или опекуны могут воспользоваться, или же отказаться от нее. Это означает, что большая часть замещающих и опекунских семей не получает психологической и педагогической помощи в кризисные периоды своего развития, что увеличивает риски возврата детей в детские учреждения, отказа кровных опекунов от попечительских функций. Исключения составляют ситуации острого конфликта, дезадаптации приемных или опекаемых детей и подростков. В таких случаях опекуны и приемные родители обязательно работают со специалистами психологами, социальными педагогами, социальными работниками.

Какие виды помощи относятся к социальному обслуживанию, и кто их оказывает?

В Федеральном законе «О социальном обслуживании населения в РФ» указаны организации, оказывающие социальные услуги населению: центры психолого-педагогической помощи населению, территориальные центры социальной помощи семье и детям, социально-реабилитационные центры для несовершеннолетних, центры помощи детям, оставшимся без попечения родителей, социальные приюты для детей и подростков и иные учреждения.

Социальное обслуживание предполагает оказание целого комплекса услуг:

- ✓ правовые услуги — защита интересов и прав ребенка;
- ✓ социальные услуги: помощь в оформлении льгот, пособий, привлечение смежных служб и ведомств для решения трудных ситуаций в приемных и опекаемых семьях; социальный и педагогический патронаж замещающих семей;
- ✓ педагогические услуги: организация досуга детей и подростков, педагогическая коррекция развития (при необходимости);

- ✓ психологические услуги: психологический патронаж, индивидуальные консультации для детей и родителей, групповые психологические занятия для детей и родителей, а также совместные занятия по актуальным вопросам развития, актуальной жизненной ситуации семьи.

Психологическое и педагогическое сопровождение опекунских кровных и замещающих семей предоставляется в качестве услуги и осуществляется преимущественно такими организациями, как центры помощи семье и детям, центры психолого-педагогической помощи, социально-реабилитационные центры для несовершеннолетних, а также благотворительные организации и фонды помощи детям-сиротам и детям, оставшимся без попечения родителей.

*Центры помощи семье и детям.* В центрах помощи семье и детям созданы отделения сопровождения замещающих семей, в котором работают специалисты разного профиля (социальные работники, психологи, специалисты по сопровождению семьи), которые и осуществляют психолого-педагогическую, социально-правовую поддержку замещающим и опекунским семьям. В тех центрах, где отсутствует такое отделение, социальные услуги предоставляются отделениями психолого-педагогического сопровождения, профилактики безнадзорности. Основными направлениями психологического сопровождения замещающих и опекунских кровных семей в данных центрах являются индивидуальное консультирование, проведение психологических групп, тренинги развития компетентностей социального взаимодействия, тематические психологические семинары для опекунов. Проблематика индивидуального консультирования связана с актуальными вопросами развития детей и подростков, актуальной жизненной ситуацией каждой отдельной семьи в зависимости от ее вида. Примеры тематических групповых занятий для детей и опекунов (информация взята с официальных сайтов Центров помощи семье и детям города Санкт-Петербурга): проект «Семейная игротека», проект «Родственная опека», семинары для подростков «Мой профессиональный выбор», «Мир эмоций» (ГБУ Центр семьи Приморского района <http://gu178.site.gov.spb.ru/otdelenija/oszs/>); «Школа родителей», «Мастерская общения» (СПБ ГБУСОН «ЦСПСиД Колпинского района» <http://cspsd.kolp.gov.spb.ru/otdelenija/oppp>).

*Благотворительные общественные организации, фонды и центры оказывающие помощь детям, оставшимся без попечения родителей и замещающим семьям.* Данные организации ведут активную благотворительную деятельность. Это поиск семей, приемных родителей для детей, оставшихся без попечения; адаптация детей в новых семьях,

адаптация приемных родителей к новой роли; психологическое и педагогическое сопровождение ребенка в семье. Благотворительные общественные организации и центры привлекают специалистов психологов, социальных педагогов для работы в проектах по сопровождению замещающих семей, по профилактике вторичного сиротства, по поиску патронатных семей для детей, находящихся в трудной жизненной ситуации. Сопровождение осуществляется преимущественно в групповых формах работы, участие опекунов и детей является добровольным.

***Проблема организации психологического сопровождения кровных опекунских семей*** заключается в том, что, во-первых, опекуны-родственники на первом этапе не проходят школу приемных родителей / опекунов. Во-вторых, они с осторожностью и опасением относятся к таким организациям, считая, что основной их функцией так же, как и у органов опеки, является контроль. Это вызвано страхом изъятия ребенка из семьи, а также с убежденностью в том, что именно родственные отношения помогут преодолеть возможные трудности или избежать их. Важно устанавливать контакт, ориентируясь на актуальные потребности опекунской семьи в тот момент жизненной ситуации, в который началось взаимодействие специалистов с этой семьей. Залогом эффективности психолого-педагогического сопровождения является системный подход к оказанию помощи, а также осуществление ее постоянными специалистами той или иной организации.

*Сущность сопровождения как социального явления и профессиональной деятельности*

В сфере социальной поддержки и обслуживания создаются различные подходы и модели сопровождения: детей, оставшихся без попечения родителей и воспитывающихся в детских домах; замещающих семей (не являющиеся родственными для детей, воспитывающихся в них) и, реже, опекунских семей. Важным представляется понимание сущности сопровождения как социального явления и как профессиональной деятельности, поскольку оно определяет подход и содержание деятельности в каждой конкретной ситуации.

Понятие «сопровождение» употребляется в различных сферах профессиональной деятельности: педагогической, социальной, психологической, медицинской, образовательной, управленческой и даже технической. Нас интересует сущность и содержание понятия «сопровождения» в социальной, психологической и педагогической сферах. Эти виды сопровождения осуществляют те специалисты, которые участвуют в социальном обслуживании семей, находящихся в трудной жизненной ситуации, и детей, оставшихся без попечения родителей.

Этимология слова «сопровождение» связана с действием, которое обозначает быть вместе с кем-то или чем-то (Толковый словарь Ушакова). В широком контексте профессиональной деятельности это нахождение рядом специалиста, который оказывает целенаправленное воздействие, в виде специальных действий, контроля для оптимизации, результативности процесса.

Психологическое сопровождение определяется следующим образом: особый вид помощи ребенку на этапах развития (Александровская Э. М.), помощь в развитии и саморазвитии личности (Слюсарев Ю. В., Коновалова Н. Л.); система профессиональной деятельности психолога, направленная создание благоприятных социально-психологических условий развития человека (в частности обучения и развития ребенка) (Битянова М. Р., Козырева Е. А.). И. И. Кобзарева выделяет основные смысловые единицы понятия «психологическое сопровождение», которыми являются взаимодействие, сотрудничество, создание условий (Кобзарева И. И., 2010).

А. Н. Галагузов и М. А. Галагузова (2015) обращаются к анализу понятия «сопровождение» в социально-педагогическом аспекте. Авторы указывают, что зачастую данное понятие употребляется как синоним понятию «социально-педагогическая поддержка». Тем не менее, они определяют, что социально-педагогическое сопровождение имеет место в том, случае, когда возникают трудности социализации детей и подростков. Социально-педагогическая поддержка определяется как деятельность, осуществляемая для разрешения проблем, возникающих в обучении и воспитании детей и подростков. Социально-педагогическое сопровождение предполагает, что решение проблем осуществляется в контексте комплексного подхода с привлечением разных специалистов (социальных педагогов, психологов, дефектологов). Социальное сопровождение направлено на социальную помощь, патронаж людям и семьям, оказавшимся в трудной жизненной ситуации. Основная цель социального сопровождения — это создание условий для преодоления этих ситуаций. Авторы отмечают, что социальное сопровождение предполагает адаптацию к сложившимся ситуациям, реабилитацию детей и подростков, находящихся в кризисных ситуациях, а также создание условий для самореализации (Галагузов А. Н., Галагузова М. А., 2010).

Л. М. Шипицына и Е. И. Казакова (2000), описывая теоретические основы сопровождения, подчеркивают, что сопровождение должно осуществляться в духе системно-ориентационного подхода. В контексте данного подхода сопровождение понимается как помощь субъекту в принятии решений жизненно важных и трудных для него ситуаций. При этом указывается, что сопровождение основывается на принципах

добровольности принятия помощи и поддержки в сопровождении; приоритетность интересов ребенка; комплексности мер; непрерывности сопровождения и автономизации.

Принцип добровольности описывается чаще всего как рекомендательный характер сопровождения. Он предполагает, что субъекты, в отношении которых осуществляется сопровождение, проявляют заинтересованность и активность в разрешении трудностей. Помимо законодательных мер, защищающих интересы ребенка, социальная, психологическая и педагогическая помощь не должна быть навязанной и принудительной. На наш взгляд, предварительная работа по мотивации обращения за помощью (осознание необходимости привлечения помощи со стороны, развитие доверия к специалистам, осуществляющим сопровождение) повышает эффективность и результативность сопровождения. С другой стороны, отсутствие законодательно закрепленного психологического сопровождения, например, кровной опекунской семьи, приводит к возникновению серьезных кризисных ситуаций в развитии семьи.

Сущность принципа приоритетности ребенка выражена в его формулировке — специалист всегда защищает и оказывается на стороне ребенка, даже если сам ребенок (его личность) является сущностью трудной ситуации. Данный принцип ориентирует педагогов, социальных работников, социальных педагогов на развитие у ребенка социально приемлемых, адаптивных моделей поведения, на позитивное влияние на его личность путем не изоляции его, а наоборот включения в такую деятельность, создание таких условий, которые помогли бы ему адаптироваться.

Принцип непрерывности предполагает постоянную, регулярную помощь, пока проблема не будет разрешена. Этот принцип организует и структурирует работу разных специалистов в отношении каждой отдельной ситуации. Так, например, социально-педагогическое сопровождение предполагает определенные этапы: диагностический, информационный, деятельностный и аналитический. На каждом этапе решается задача, определяющая необходимость последующей деятельности.

Принцип автономизации предполагает независимость учреждений социального обслуживания, что обеспечивает их объективность (невключенность в саму ситуацию по сравнению с семьей, детским учреждением, где воспитывается или обучается ребенок).

В организации сопровождения важным организационным и содержательным моментом, по мнению Л. М. Шипицыной, является разграничение методов разрешения проблемы (коррекции) и ее предупреждения.

дения. Во-первых, это зависит от того, с какого момента начинает осуществляться сопровождение: до возникновения проблемы или во время ее развития. Так, работа с детьми, пережившими потерю или разлуку с родителями, имеющими травмирующий жизненный опыт, представляет собой коррекцию эмоциональной и личностной сферы. В то же время в качестве профилактики вторичного сиротства будет осуществляться деятельность, направленная на формирование и развитие эффективных семейных моделей. Профилактические меры сопровождения в свою очередь разделяются на личностно-ориентированные, системно-ориентированные и структурно-ориентированные. Личностно-ориентированные меры профилактики и в целом сопровождения направлены на работу с личностью субъектов, включенных в ситуацию; системно-ориентированные предполагают изменения в координации различных служб, осуществляющих работу с детьми и семьями. Авторы подчеркивают, что комплексное эффективное социально-педагогическое сопровождение может быть создано и выстроено с учетом модели, которая включает предложенные профилактические подходы.

М. А. Галагузова (2014) описывает формы социально-педагогической деятельности в отношении семьи, находящейся в особой или сложной жизненной ситуации. Она отмечает, что социально-педагогическая деятельность предполагает образовательную, психологическую и посредническую помощь. Образовательная помощь предполагает педагогическое консультирование родителей по вопросам воспитания, обучения детей, стратегий общения и построения детско-родительских отношений.

Психологический аспект социально-педагогической деятельности представляет собой социально-психологическую поддержку и коррекцию с учетом наличия у специалиста профессиональной психологической подготовки. Данный вид помощи семье носит комплексный характер, когда в общую деятельность включены разные специалисты (социальные педагоги, психологи, психотерапевты или психиатры). Социально-психологическая коррекция и поддержка направлены на работу с существующими внутрисемейными конфликтами, на предотвращение психологического насилия над ребенком или подростком.

Посреднический аспект социально-педагогической деятельности предполагает:

1. организацию совместного досуга, времяпрепровождения детей и родителей, как создание ситуаций эффективного взаимодействия;
2. активизация и координация различных ведомств и служб по разрешению трудных ситуаций, возникших в семье;
3. информирование семьи по вопросам социальной защиты.

Так, социальные педагоги в центрах помощи семье детям в сопровождении опекунских и приемных семей часто привлекают к совместному решению возникающих трудностей адаптации или обучения у ребенка различных специалистов — педагогов школы, психологов центра, инспекторов органы опеки и попечительства. В качестве одной из форм совместной деятельности выступает педагогический консилиум, на котором обсуждаются причины дезадаптации, определяются возможные ресурсы для разрешения проблемы.

М. А. Галагузовой (2014) описан зарубежный опыт социально-педагогической помощи семье, который также может быть использован в построении модели сопровождения. В зарубежной практике используются формы краткосрочной и долгосрочной работы. В качестве краткосрочной формы работы используется кризис-интервенционная и проблемно ориентированная модели. Кризис-интервенционная модель представляет собой помощь семье, находящейся непосредственно в кризисной ситуации. Основная ее цель — оптимизация эмоционального состояния членов семьи и мобилизация ресурсов на разрешение кризиса. Проблемно ориентированная модель направлена на создание условий, в которых люди способны самостоятельно решить трудную ситуацию. В контексте такой модели оказания помощи внимание сосредоточено на ситуации, способствующей кризису функционирования. Совместно со специалистом определяются условия, препятствующие продуктивному взаимодействию, определяются желаемые цели и возможные пути разрешения.

Одной из проблем, как мы уже упоминали, препятствующей сопровождению оказанию помощи семье, является низкая мотивация обращения в учреждения социального обслуживания. В таких случаях, как отмечает М. А. Галагузова (2014), применяется так называемый патронаж семьи. Патронаж семей осуществляется преимущественно представителями органы опеки и попечительства (в отношении детей, воспитывающихся в опекунских и замещающих семьях), педиатрическими службами. Основная цель патронажа — диагностика, контроль, отчасти реабилитация (в виде оказания последующей образовательной или посреднической помощи) среды, в которой проживают и воспитываются дети и подростки.

Таким образом, сопровождение представляет собой комплекс мер (социальных, правовых, педагогических, психологических), направленных на устранение факторов, создающих неблагоприятные или опасные условия для жизни и развития человека, а также на создание благоприятных, ресурсных условий для разрешения трудных ситуаций, для развития и самореализации личности. Сопровождение семьи предполагает

оказание комплексной помощи семье, находящейся в трудной жизненной ситуации, переживающей кризис.

Обратившись к рассмотрению моделей сопровождения замещающих и опекунских семей, детей, оказавшихся без попечения родителей, мы обнаружили, что огромное внимание уделяется сопровождению детей, воспитывающихся в детских домах, сопровождению выпускников детских домов, сопровождению замещающих семей. Но при этом практически отсутствуют модели сопровождения опекунских кровных семей, с учетом их жизненной ситуации. Тем не менее, рассмотрим накопленный опыт.

В 1990-е гг. вопросами психолого-педагогического активно разрабатывалась проблема сопровождения детей, воспитывающихся в детских домах. Было показано, что ситуация детской социализации вне семьи сказывается в целом на развитии всех сфер личности ребенка. Л. М. Шипицына отмечает, что, несмотря на организацию безопасного и комфортного пространства, помощь и поддержку в детских учреждениях, невозможно компенсировать ребенку семью. Для многих детей, воспитывающихся в учреждениях интродуктивного типа, свойственно отставание в развитии, общее недоразвитие личности и формирование особых эмоциональных и социальных механизмов преодоления трудной жизненной ситуации и приспособления в детском учреждении. (Шипицына Л. М., 2005). Дети, воспитывающиеся в детских учреждениях, находятся в кризисном эмоциональном состоянии, которое вызвано, с одной стороны, опытом травматической ситуации нахождения в неблагополучных семейных условиях и, с другой стороны, эмоциональной привязанностью к родителям или родственникам, выражающейся в тоске по своей семье или наоборот отвержением семьи. Это способствует формированию у детей искаженных представлений о семейных ролевых моделях, неадаптивных моделей поведения, реагирования в межличностных отношениях. Именно данная проблема и определяется как мишень социального и психолого-педагогического сопровождения детей, воспитывающихся в детских учреждениях. Авторы делают акцент на изменении стратегии работы с семьей: укрепление кровных связей с оставшимися родственниками у ребенка, посещение в выходные дни и в каникулы попечительских, опекунских семей, активное включение ребенка в систему дополнительного образования за пределами детского дома или интерната.

Главными агентами социализации для детей, воспитывающихся в детских домах и интернатах, являются воспитатели, педагоги и в целом коллектив детского дома. Одним из направлений психолого-педагогического сопровождения является работа по формированию и развитию

системы отношений «ребенок — воспитатель». Важно формировать у воспитателей и педагогов такую ролевую позицию, в которой основной функцией является не только контроль, но и создание эмоционального комфорта для развития личности воспитанника.

Особое внимание в сопровождении детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, уделяется изменению представлений и отношения людей в обществе к таким детям и в целом к проблеме социального сиротства. Такая профилактическая работа позволит создавать банк попечительских, опекунских, патронатных семей.

Л. Я. Олиференко и Т. И. Шульга (2010) создают модель социальной адаптации и реабилитации детей сирот и детей, оставшихся без попечения родителей в контексте личностно-ориентированного подхода. Основной акцент делается на развитии личностного, индивидуального потенциала ребенка, на создании педагогической среды детского дома, в которой возможна самореализация и творческое развитие личности воспитанника. Особое внимание уделяется ресурсу педагогической среды — профессионализму педагогического коллектива детского дома, социально-психологическому климату педагогического коллектива, использованию разнообразных форм развивающих и воспитывающих технологий. Именно среда способствует проявлению активности ребенка и развитию его личности. Модель социальной адаптации включает три основных компонента: организационный, структурный и содержательный. Организационный компонент предполагает создание социально-педагогической среды, благоприятной для развития, создание индивидуальной программы для ребенка. Структурный компонент представлен реализацией непрерывной программы, охватывающие все значимые этапы развития ребенка. Содержательный компонент выражен в различных формах, методах и технологиях помощи детям и подросткам, нуждающимся в реабилитации.

Опыт организации психологического и педагогического сопровождения приемных детей и их семей представлен Л. В. Токарской (2015). Основная идея заключается в непрерывном сопровождении на каждом этапе усыновления. К основным этапам усыновления относятся: обращение потенциальных приемных родителей в органы опеки, этап обучения в школе приемных родителей, этап решения о принятии ребенка в семью, адаптация семьи и ребенка к друг другу и весь период проживания в приемной семье. Л. В. Токарской представлено подробное описание целей, задач, содержания, форм и видов психологической деятельности на каждом этапе с учетом жизненных ситуаций приемных семей.

Практический опыт сопровождения замещающих семей представлен в модели сопровождения замещающих семей И. В. Татауровой, А. Н. Язовской и И. В. Маевской (2016), созданной на базе центра помощи семье и детям «Гнездышко» города Екатеринбурга при участии независимой организации «Семью детям». Модель основана на системном подходе сопровождения и позволяет получить комплексные социальные услуги, составляющие содержание сопровождения. В методическом пособии представлено подробное описание социальных услуг, которые получает замещающая семья; процесса и сроков осуществления деятельности, с учетом необходимой рабочей документации; видов и форм психологической и педагогической помощи. Авторы представляют алгоритм деятельности специалистов, который позволяет разделить полномочия служб, осуществляющих контроль и сопровождение, а также обеспечить реализацию эффективного комплексного сопровождения. Главной целью является профилактика семейного неблагополучия в замещающих семьях и вторичного сиротства.

В основе организации и содержания сопровождения лежит идея о том, что замещающая семья в своем развитии проходит определенные этапы, которые могут сопровождаться нормативными и ненормативными кризисами. К нормативным кризисам относятся все закономерные этапы развития ребенка, семьи как системы, адаптации членов семьи к друг другу. К ненормативным кризисам относятся те, которые потенциально могут возникнуть на любом этапе развития ребенка и семьи. Так, замещающие семьи определяются как нормативно функционирующие и семьи с нарушением функционирования. Сопровождение нормативно функционирующей семьи предполагает преимущественно мониторинг состояния семьи, профилактическую деятельность. Так, в качестве профилактической работы проводятся родительские встречи, круглые столы, досуговые мероприятия. Возникновение нарушения функционирования в семье запускает кризисную модель сопровождения. Она предполагает диагностический этап (определение мишеней сопровождения), практический этап и контрольный по оценке результатов разрешения кризисной ситуации. Определение направлений помощи, выбор методов, форм и технологий оказания психологической, педагогической и социальной помощи зависит непосредственно от той кризисной ситуации, которая возникла в семье.

Стоит отметить, что алгоритм работы с замещающей семьей описан с момента обращения семьи за помощью, присвоения статуса нуждающегося в социальном обслуживании и заключении договора об оказании социальных услуг. Данная модель представляет собой организованную,

структурированную деятельность специалистов, работающих с замещающими семьями.

Как уже упоминалось, приоритетным направлением является семейное устройство детей, оставшихся без попечения родителей. В связи с этим актуальной темой разработки моделей и стратегий сопровождения является сопровождение опекунских (кровных) и замещающих семьях. Следует отметить, что на данный момент существует не так много работ, посвященных данной теме. В основном описывается непосредственный опыт различных учреждений социального обслуживания по работе с данными семьями.

Специфика организации социально-педагогического сопровождения семей кровной опеки и замещающих семей описана И. П. Терновой (2015). Основной мишенью для работы специалистов является адаптация членов семьи друг к другу, изменение ролевых позиций внутри семьи. Социально-педагогическое сопровождение предполагает профилактическую и реабилитационную деятельность с семьей. Наиболее значимым моментом, который требует социально-педагогического сопровождения, по мнению автора, является момент адаптации к новым жизненным условиям. Задача социального педагога или специалиста по сопровождению семьи установить доверительный контакт с опекунами или приемными родителями и определить для них основные стратегии поведения с учетом ситуации ребенка. Организация социально-педагогического сопровождения опекунской (кровной) семьи предполагает шесть этапов, на каждом из которых осуществляется работа с ребенком и родственниками, потенциальными опекунами. Первый этап информационно-ознакомительный представляет собой сбор информации об истории кровной семьи ребенка, оформление статуса ребенка, оставшегося без попечения родителей. Организационно-поисковый этап предполагает поиск родственников потенциальных опекунов, оценку их статуса и готовности ребенка вернуться в кровную семью. Ознакомительный этап — оценка мотивов потенциальных кровных опекунов принятия ребенка под опеку, психологическая подготовка ребенка к встрече с кровными родственниками. Адаптационно-корректирующий этап предполагает совместные пробные встречи ребенка и опекунов, установление контакта. Поисково-договорный направлен на подготовку и оформление документов. Коррекционно-сопровождающий этап представляет собой патронаж семьи, психолого-педагогическое сопровождение, направленное на коррекцию возникающих проблем.

В данной модели особое внимание уделяется подготовке ребенка и потенциальных опекунов к возвращению ребенка в семью, что в даль-

нейшем снижает риски возвращения ребенка в детские учреждения. Представлены последовательные действия специалистов социально-педагогического сопровождения в ситуации, когда ребенок все-таки попадает в детское социальное учреждение, а не остается в семье, пока не установлена опека. С одной стороны, такой тщательный подготовительный период действительно максимально ориентирован на формирование осознанного принятия решения опекуном, понимания необходимости работы по построению отношений с опекаемым ребенком. С другой стороны, если ребенок остается без попечения родителей в связи с их внезапной смертью, то помещение даже во временное учреждение усилит травматичную ситуацию для ребенка.

Проблемами психологического сопровождения семей с кровно-родственной формой опеки занимается О. Н. Тузова (2015), которая отмечает, что психологическая реабилитация должна проводиться не только в отношении ребенка, но и кровного опекуна. Одной из серьезных проблем семей с кровно-родственной опекой является ролевое смешение опекуна, переживания, зачастую связанные «негативным» опытом собственного родительства и трансляция негативного отношения к родителям ребенка. Психологическая реабилитация ребенка направлена на принятие им своего прошлого, восстановление непрерывности его развития, которое утрачено вследствие пережитого травматичного опыта семейных отношений. Такая работа предполагает этапы: знакомство с семьей и заключения договора о социальном обслуживании; оценка состояния ребенка и семьи в целом; коррекция и реабилитация взаимоотношений в системе «опекун-ребенок»; заключительный этап предполагает развитие ресурса самопомощи и дальнейшего мониторинга куратором семьи. В качестве одного из эффективных методов психологической реабилитации детей в возрасте до 12 лет О. Н. Тузова и И. Н. Кардакова предлагают метод написания «Книги жизни». Основной целью его является восстановление непрерывности жизненной истории ребенка, развитие позитивного самоотношения, самооценности. Достоинством методом, определяющим его результативность, является его применение как метода семейного консультирования, в котором участвуют одновременно ребенок и опекун. Совместно в сопровождении и под наблюдением психолога они создают собственную «Книгу жизни». Такой подход обеспечивает возможность коррекции ролевой модели опекуна, развитию ресурса для помощи и поддержки ребенка. Стоит еще раз подчеркнуть, что данный подход в психологическом сопровождении один из немногих учитывает специфику семьи с кровно-родственной формой опеки.

Анализ существующих подходов, моделей и опыта работа с замещающими, опекунскими (кровными) семьями позволяет сделать следующие выводы:

1. Сопровождение семей относится к разряду социального обслуживания, которое осуществляется только при добровольном запросе граждан и заключения договора. Таким образом, этапы сопровождения, посвященные подготовке субъектов к новым жизненным условиям семейного функционирования, в отдельных случаях кровной опеки оказываются не реализованными.
2. Сопровождение представляет собой комплексную услугу, его реализация рассматривается как совместная деятельность специалистов разного профиля: социальных педагогов, социальных работников, психологов, дефектологов.
3. Большинство моделей сопровождения ориентированы на замещающие, приемные семьи и работу с детьми-сиротами, детьми, оставшимися без попечения родителей и воспитывающихся в детских домах. Работе с семьями с кровно-родственной формой опеки уделяется меньше всего внимания. Это связано с тем, что нахождение ребенка в семье в ситуации внезапной утраты или разлуки с родителем является наиболее безопасными и комфортными условиями, особенно, если потенциальный опекун-родственник активно участвовал в воспитании и жизни ребенка. Кроме того, семьи с кровно-родственной формой опеки оказываются наиболее закрытыми для контакта с психологами, специалистами по сопровождению семьи.

## **6.2. Модель психолого-педагогического сопровождения семьи кровной опеки**

В основе модели психолого-педагогического сопровождения лежат ключевые жизненные ситуации опекунской семьи. Каждая жизненная ситуация может рассматриваться как таковая, а также в русле взаимодействия ее субъектов с жизненной ситуацией. Жизненная ситуация опеки охватывает события, которые предшествовали опеке: лишение родительских прав, отказ от них, смерть родителей; появление опекуна сразу же, как произошли эти события, или отсроченно во времени; находился ли ребенок все время в семье или оказался в социальной гостинице, детском доме. Особенности жизненной ситуации опекунских семей определяются наличием или отсутствием кровного родства опекуна, степени его включенности в воспитание

ребенка до того, как возникла необходимость опеки. Субъективная сторона взаимодействия с жизненной ситуацией опеки представляет собой отношение к указанным событиям, наполненность жизненной перспективы; объективная сторона — в специфике межличностного взаимодействия.

Содержание, направления, формы работы психолого-педагогического сопровождения определяется особенностями жизненной ситуации, состояниями и психологическими потребностями опекунов и детей и подростков. Основной целью психологического сопровождения опекунских (кровных) и замещающих семей является оказание психологической и педагогической помощи как внешнего ресурса для разрешения актуальных жизненных ситуаций каждой отдельной семьи.

Организационными задачами психологического сопровождения являются:

1. Установление доверительного контакта с семьей.
2. Диагностика актуальной жизненной ситуации семей, психологических, социально-психологических ресурсов семьи для разрешения кризисных ситуаций.
3. Составление индивидуального плана психологической и педагогической работы с семьей с учетом ресурсности семьи, сотрудничества с другими специалистами по сопровождению семьи, в том числе из межведомственных организаций.
4. Реализация индивидуального плана работы и оценка результативности на каждом этапе.

Содержательными задачами психологического сопровождения являются:

1. Создание условий и стабилизация эмоционального состояния членов семьи, связанного с кризисной жизненной ситуацией.
2. Формирование и развитие репертуара ролевого поведения опекунов кровной опеки и в замещающих семьях. Развитие родительских компетентностей.
3. Развитие системы привязанностей внутрисемейного взаимодействия с учетом ситуации, определившей необходимость опеки и попечительства.
4. Развитие личностного потенциала ребенка/подростка для принятия и разрешения трудной жизненной ситуации.
5. Развитие актуальной возрастной идентичности ребенка и подростка.

На рисунке 6.1 представлена модель психолого-педагогического сопровождения опекунской семьи.

### ***Жизненная ситуация принятия решения об опеке, оформление опеки и психолого-педагогическое сопровождение***

В ситуации некровной опеки потенциальный опекун проходит психологическую, педагогическую и правовую подготовку в школе приемных родителей / опекунов. В случае кровной опеки принятие решения связано с тем, какие родственные связи существуют у ребенка; с кем из окружения родственников ребенок чаще контактировал, какие отношения складывались между ними; кто из окружения родственников выражает готовность взять опеку. Принятие решение об опеке связано и с тем, какая ситуация предшествовала опеке: лишение родительских прав биологических родителей, отказ биологических родителей от выполнения родительских обязанностей, смерть биологических родителей. На данном этапе преимущественно применяется индивидуальное консультирование потенциальных кровных опекунов и ребенка.



Рис. 6.1. Модель психолого-педагогического сопровождения опекунской семьи

*Психолого-педагогическое сопровождение опекуна* определяется контекстом жизненной ситуации, в которой он(а) находится. В случае лишения родительских прав биологических родителей или их отказа от исполнения родительских обязанностей психологическое консультирование с потенциальным опекуном-бабушкой направлено на работу с переживаниями опекуна-«бабушки» относительно неоправданных родительских ожиданий, разочарований, возможного чувства вины за свой неудачный опыт воспитания ребенка. Необходимым представляется актуализация этих элементов собственного родительского опыта, рефлексия тех моделей и стилей воспитания, которые оказались результативными. Это позволит, во-первых, стабилизировать эмоциональное состояние опекуна, а во-вторых, создать условия для рефлексии типа привязанности, существующего в данной семье. В большинстве случаев бабушки, которые принимали участие в воспитании ребенка «не могут отказаться» от него. Они находятся в состоянии личностного конфликта. С одной стороны, осознание того, что воспитание ребенка (особенно маленького или имеющего особенности в развитии, проблемы со здоровьем) требует много сил, времени, возврат к родительским обязанностям и функциям может вызывать сомнения, страх, беспокойство «успею ли я вырастить ребенка». С другой стороны, любовь к ребенку, нежность и одновременно жалость, страх за его судьбу, если он окажется в другой семье или детском доме. Такие личностные конфликты чаще всего испытывают бабушки, возраст которых приближается к 60-ти годам, одинокие, не имеющие поддержки от других своих детей или родственников. Большинство потенциальных опекунов-бабушек возможно и не осознают это состояние и точно не делятся такими переживаниями. В процессе консультирования необходимо создать безопасную среду для рефлексии таких состояний. В качестве технологии можно использовать проговаривание «опасений и страхов» ситуации опеки.

В случае смерти биологических родителей потенциальные кровные опекуны находятся в состоянии переживания горя. Как правило, ребенок остается в семье, среди родственников, что является для него наиболее сохранным и безопасным. Поскольку психологическая работа с состоянием горя представляет собой длительный и трудоемкий процесс, то на данном этапе потенциальному кровному опекуну требуется помощь в формировании правильного поведения в отношении ребенка. В качестве психологической поддержки потенциальному кровному опекуну или другому близкому взрослому важно рассказать, как обсуждать с ребенком факт смерти родителя, как правильно реагировать на его вопросы о смерти, каких суждений не стоит высказывать при ребенке.

Стоит отметить, что кровный опекун бабушка, тетя, старшая/ий сестра/брат также находятся в состоянии переживания утраты, поэтому необходимо найти в окружении ребенка того взрослого, который оказывается наиболее «сохранным», способным сообщить ребенку и находится рядом с ним.

Психологическое сопровождение по переживанию утраты не ограничивается только моментом принятия решения об опеке и ее оформлении. Как уже говорилось это длительный и трудоемкий процесс.

*Психологическое сопровождение ребенка* на данном этапе также зависит от ситуации, способствующей опеке. Работа психолога с детьми, чьи родители были лишены родительских прав или отказались от их исполнения, направлена на создание безопасной ситуации отреагирования на разлуку с родителями. Эта работа отчасти сходна с поддержкой при переживаниях утраты родителя. В консультировании детей раннего возраста 3–7 лет используются технологии игровой, песочной терапии, которые помогают установить контакт с ребенком, диагностировать эмоциональное состояние. В работе с подростками (12 лет и старше) помимо игровой и песочной терапии могут применяться традиционные технологии консультирования проговаривания ситуации, разрядки эмоциональных состояний, развитие эффективных копингов в отношении данной ситуации.

В ситуации принятия решения и оформления опеки основную работу ведут органы опеки. Специалисты сопровождения семьи, психологи центров помощи семье и детям, общественных организаций могут быть привлечены к сопровождению ребенка, который находится в статусе ребенка, оказавшегося в трудной жизненной ситуации. Если ребенок посещает школу или детский сад, то педагогическое сопровождение может осуществлять социальный педагог, педагог-психолог образовательного учреждения, районного центра психолого-педагогической медико-социальной помощи. Чрезвычайно важно начать психолого-педагогическое сопровождение на самом первом этапе сложившейся кризисной жизненной ситуации. Чем дольше ребенок и потенциальный кровный опекун находятся без поддержки, тем сильнее развивается состояние депривации.

### ***Жизненная ситуация адаптации к новой модели семьи***

Содержание и организация психолого-педагогического сопровождения на данном этапе зависит во многом от того, является ли опека кровной или некровной.

В случае с кровной опекой ее оформление и адаптация к новой модели семьи совпадают, поскольку ребенок чаще всего остается в семье с момента утраты/разлуки с родителем/ями. В связи с этим продол-

жается индивидуальная работа с ребенком по переживанию утраты или разлуки с родителем/ями. Актуальным направлением педагогического и психологического сопровождения является организация досуга и совместного времяпрепровождения с опекуном. Совместное времяпрепровождение позволяет развивать ту привязанность ребенка к опекуну, которая отчасти компенсирует отсутствие привязанности с родителем, а также развивает новые ролевые модели опекуна.

*Психолого-педагогическое сопровождение кровных опекунов* ориентировано на формирование и развитие новой ролевой модели опекуна, которая по своему содержанию является «родительской моделью».

Особенно важной является помощь опекуну-бабушке в осознании особенностей роли «матери» и «бабушки», поиск общих функций, характеристик. Социальные стереотипы относительно данных ролей ориентируют на разный стиль общения с детьми: бабушка балует, играет, не наказывает, жалеет, с ее стороны отсутствуют запреты. Ее основная задача — передача опыта, традиций. Роль «мамы» предполагает большую долю контроля, установления правил. В то же время мама может выступать другом для своего ребенка. По сравнению с бабушкой установки и ценности мамы ближе ребенку. Осознание содержания семейных ролей позволит опекуну изменить модель взаимодействия с опекаемым ребенком, понять мотивацию его поведения, отразить предыдущий опыт семейных отношений, в том числе опыт собственного родительства. Тем самым данная работа будет способствовать оптимизации отношений в системе «опекун — ребенок».

Опекуны-тети, старшие сестры/братья оказываются ближе в своей ролевой модели к роли «родителя». Тем не менее, опекуны-сестры/братья нуждаются в формировании и развитии «родительской» компетентности. Родительская компетентность предполагает понимание ключевых периодов социализации ребенка и подростка, способность оказывать эмоциональную поддержку, проявлять «материнскую» ласку, заботу; умения организовывать жизнедеятельность ребенка и подростка, определять основные точки контроля. Вместе с тем, следует помнить о том, что опекуны-сестры/братья находятся сами в состоянии горя (если родитель умирает), которое они не позволяют себе переживать, так как теперь являются ответственными за своих сестер/братьев.

Опекуны-тети максимально приближены к «родительской» роли, особенно если у них есть собственные дети. В связи с этим для них наиболее актуальной проблематикой является оказание поддержки ребенку, переживающим разлуку или утрату родителя; организация

физического и психологического пространства ребенка внутри новой семьи; развитие контактов и взаимодействия со всеми членами семьи.

*Психолого-педагогическое сопровождение ребенка* в большей степени зависит от эмоционального состояния ребенка, его возраста. Безусловно, немаловажное значение имеет и ситуация, приведшая к опеке; кровная или не кровная опека (кто из родственников является опекуном, находился ли ребенок в семье или в детском доме). В случае смерти родителя/ей, внезапной разлуки ребенку необходима психологическая поддержка в ситуации переживания горя. Если такая работа началась на предыдущем этапе, то стоит ее продолжить. В процессе адаптации к новой модели семейного взаимодействия у ребенка постепенно формируется новая привязанность, но она вовсе не является заменой того родителя, к которому был привязан ребенок. Ребенок постепенно принимает заботу нового взрослого. По мнению психоаналитиков это связано с тем, что при утрате или разлуке возникает сопротивление тому, что отсутствует привычный объект, с которым связывалось удовлетворение эмоциональных потребностей; что воспоминания не приносят облегчения. Как пишет З. Фрейд, реальность требует отнять все либидо от объекта, которого не существует. Только длительное позитивное взаимодействие с новым объектом позволяет установить новую привязанность. Д. Н. Исаев подчеркивает значимость и необходимость поддержки переживания печали ребенком по утрате или разлуке с родителем. Блокирование чувств может приводить к деструктивным формам поведения, невротическим реакциям (Исаев Д. Н., 1992).

На этапе адаптации к новой модели семьи (например, в ситуации некровной опеки или кровной при условии переезда к опекуну) ребенок осваивает новое физическое, психологическое и социальное пространство. Так, при переезде у ребенка появляется новая комната или ее часть, он встраивается в режим новой семьи, знакомится с ее правилами, устанавливает границы общения с членами семьи. В семье как в группе начинают формироваться новые нормы взаимодействия, изменяются старые. Наиболее продуктивными формами работы на данном этапе являются групповые, посвященные развитию навыков взаимодействия (выражению чувств, пониманию, развитию эмпатии), так и отреагированию тех эмоциональных состояний, которые возникают вследствие взаимодействия в новой системе. групповые занятия организуются как отдельные для детей и подростков, так и совместные «дети и опекуны».

Применяемые психологические технологии зависят больше от возраста ребенка, чем от ситуации.

### ***Жизненные ситуации взросления детей и подростков, воспитывающихся опекунами***

Каждая семья, в которой воспитываются дети, переживает кризисы взросления ребенка, которые отражаются в общении и отношениях между членами семьи. Опекунская семья не является исключением. Психолого-педагогическое сопровождение направлено на помощь опекуну и ребенку в прохождении этапов взросления с учетом индивидуальных особенностей и потребностей ребенка:

- ✓ при необходимости психологическая подготовка к школе детей дошкольного возраста, развитие познавательной, эмоциональной сферы;
- ✓ развитие навыков общения со сверстниками;
- ✓ развитие положительной Я-концепции;
- ✓ помощь в профессиональном самоопределении подростка.

Психолого-педагогическое сопровождение опекунов ориентировано на информирование о возрастных особенностях детей и подростков, консультирование (индивидуальное и групповое) по вопросам взаимодействия с ребенком в периоды взросления, на профилактику конфликтов внутрисемейного взаимодействия и работу с конфликтами.

Очень важно сохранять границы семьи, оказывать помощь и поддержку в случае необходимости, обращения самих опекунов и детей.

## **6.3. Особенности психолого-педагогического консультирования семей кровной опеки**

### ***Психолого-педагогическое консультирование в ситуации внезапной утраты ребенком родителя***

Основные вопросы, которые возникают у кровных опекунов: сообщать ли ребенку о смерти родителя/ей, как сообщить ребенку о смерти родителей, включать ли ребенка в ритуал прощания с умершими родителями. Во многом ответы на вопросы у самих родственников определены возрастом ребенка. Чем меньше ребенок, тем больше проявляется тенденция скрыть от ребенка факт смерти родителя и собственные переживания.

Стоит ли сообщать ребенку о смерти родителя/ей?

Представления о смерти детей разного возраста отличаются от представлений взрослого человека. Дети первых лет жизни не обладают понятиями «жизнь и смерть». Их реакция на смерть родителя такая же, как и на уход или отрыв от матери. В дошкольном возрасте с 3 до 7 лет

дети представляют смерть как явление временное, а не постоянное. Смерть видится им как обратимое явление. Это связано с эгоцентричностью их мышления (Черепанова Е. С., 1997). Т. В. Маликова, Т. О. Новикова, Д. Г. Пирогов обращают внимание, что переживания детей связаны с обстоятельствами смерти (Маликова Т. В., Новикова Т. О., Пирогов Д. Г., 2018). Если смерть родителя сопровождалась длительной болезнью, которую ребенок наблюдал, то в этом случае ему будет легче пережить утрату (Андреева А. О., 1991). В случае внезапной смерти эмоциональная реакция будет отсроченной в связи с отсутствием представлений о смерти. Дети могут замкнуться, стать менее активными, утратить интерес к играм, любимым игрушкам, возможно нарушение сна, аппетита (Исаев Д. Н., 1992). Вследствие данных событий они постепенно начинают формировать представление о смерти, поэтому начинают задавать взрослым вопросы о ней. Переживание горя у детей проходит такие же этапы, как и у взрослых, но проявляться может по-другому. Так, Д. Н. Исаев подчеркивает, что способность печалиться зависит от этапа психического развития и предшествующих событий. Если события были травмирующими, блокирующими потребность в безопасности, то способность печалиться уменьшается. В момент сообщения о смерти ребенок может проявить безразличие. Но это лишь кажущееся безразличие, поскольку осознание отсутствия растянуто во времени. В этот момент не осознается категория «никогда уже...». Впоследствии начинают проявляться признаки переживания утраты. Как уже упоминалось, проявляется в снижении активности, интереса, капризах, агрессии, непослушания. Такие формы поведения связаны с длительной переживаемой фрустрацией по поводу исчезновения объекта любви (Исаев Д. Н., 1992).

В подростковом возрасте категории «жизнь» и «смерть» сформированы. Подростки понимают конечность бытия человека, обладают большими ресурсами для переживания и проявления своих переживаний. Вместе с тем, они также нуждаются в психологической поддержке, в ситуациях, когда могут проговорить чувства и мысли, связанные с данными событиями.

Что происходит с детьми, если им не сообщают о смерти родителя/ей? Дети наблюдают и ощущают эмоциональное напряжение взрослых. В сочетании с внезапным длительным отсутствием родителя/ей это создает ситуацию неопределенности, непонимания того, что происходит и как следствие вызывает беспокойство и тревогу. Детям и подросткам нужно сообщать о факте смерти родителей. П. Коулмен в своей книге «Как сказать ребенку о...» подробно описывает, каким образом стоит сообщать ребенку о смерти близкого, и какие фразы являются пуско-

выми в развитии страхов и неврозов. В первую очередь стоит учитывать особенности мышления ребенка или подростка. Сообщение должно быть лаконично, без подробностей, понятно для их жизненного опыта, без фантазий. П. Коулмен пишет о значимости искренности, чувствительности. В момент сообщения факта смерти нужно взять ребенка за руку или обнять его (Коулмен П., 2002).

Как не стоит говорить? Если родитель болел, то не стоит усиливать связь между болезнью и смертью («Она очень долго и тяжело болела, поэтому умерла»), это может сформировать страх болезней, усилить страх смерти во время собственной болезни. Не стоит формулировать фразы в виде ожиданий умершего родителя («Мама хотела бы, чтобы ты был веселым и послушным...»). Это способствует развитию чувства вины у ребенка. Неприемлемыми являются двусмысленные или фантазийные формулировки («Дедушка уснул навсегда» или «...отправился в удивительное путешествие»); введение в заблуждение «Я никогда не умру, всегда буду с тобой». Психологическая и психотерапевтическая практика работы с переживаниями горя у детей, свидетельствует о том, что при отсутствии острых эмоциональных реакций на сообщение о смерти, рекомендуется включать ребенка в ритуалы прощания (траурные). Траурные ритуалы предназначены для выражения скорби людей. Чрезвычайно важно, чтобы на каждом этапе рядом с ребенком находился близкий взрослый, который мог бы ответить на его вопросы, заранее объяснить, что будет происходить.

### ***Особенности психологического консультирования опекунов пожилого возраста***

Основной вопрос, предвещающий психологическое консультирование опекунов-бабушек, обладают ли они ресурсами для рефлексии опыта, эмоционального отреагирования собственных переживаний, изменений. В работе с пожилыми клиентами полностью противопоказан аналитический подход, а ключевыми инструментами являются техники оказания поддержки, обращения к ресурсным сторонам жизненного опыта, в том числе с использованием семейных архивов.

Консультанту следует подчеркивать значимость жизненного опыта пожилого опекуна, актуализируя те знания и модели поведения, которые могут быть полезными в ситуации опеки/попечительства. Клиенту пожилого возраста важно чувствовать себя на равных с консультантом, а не быть в роли обучаемого. Информация в виде совета может быть воспринята очень критично. Высокая чувствительность, связанная с возрастом, значимость социального одобрения и социальной успешности определяет выбор таких техник как отражение, одобрение, выражение поддержки. Важно учитывать, что пожилому опекуну

зачастую трудно обсуждать свои трудности с другими людьми. В связи с этим в процессе психологического консультирования опекунов большое значение приобретают техники активного слушания, которые позволяют пожилым клиентам получить ощущение того, что психолог их слышит, не осуждает за откровенность и готов оказать профессиональную помощь.

Важно учитывать, что пожилому опекуну зачастую трудно обсуждать свои трудности с другими людьми. В связи с этим в процессе психологического консультирования опекунов большое значение приобретают техники активного слушания, которые позволяют пожилым клиентам получить ощущение того, что психолог их слышит, не осуждает за откровенность и готов оказать профессиональную помощь.

В этой связи общая логика психологического консультирования пожилых опекунов включает следующие этапы:

1. Установление доверительного контакта и поддержание настроения на обсуждение актуальных вопросов.
2. Повышение самооценки, укрепление положительного самоотношения и оптимистических установок в отношении возможностей разрешения трудных жизненных ситуаций.
3. Обсуждение актуальных трудностей и ресурсов для их преодоления.
4. Поддержание оптимистичных установок в отношении собственной семейной ситуации и жизни в целом на основе анализа имеющихся и потенциальных ресурсов.

Консультанту необходимо учитывать, что пожилые клиенты могут характеризоваться особым отношением к психологической помощи. С одной стороны, они могут «не верить» в эффективность психологического консультирования, выражать недоверие консультанту, переносить на него недовольство своей жизнью или воспринимать его как контролирующую инстанцию, оценивающую качество выполнения обязанностей опекуна. С другой стороны, возможна прямо противоположная ситуация, в которой опекун оказывается очень настойчивым в получении от консультанта как можно большего количества услуг, возлагая на него все свои проблемы и ответственность за их решение, воспринимая консультанта как специалиста, который несет полную ответственность за благополучие его семьи. Иногда, в ситуации очевидной разницы в возрасте, может наблюдаться перенос на консультанта роли сына или дочери. Во всех этих случаях основной задачей психолога-консультанта является поддержание границ своей профессиональной позиции и создание условий для адекватного распределения ответственности за процесс и результат консультирования.

При низком психологическом ресурсе опекуна индивидуальное консультирование не имеет своей эффективности. Э. Г. Эйдемиллер, И. В. Добряков и И. М. Никольская отмечают, что активные вмешательства специалиста в сложившуюся систему семейных отношений пожилых клиентов не показано в случае ригидности жизненных установок, поскольку возможные перемены в функционировании семьи могут негативно сказаться на их психологическом и физическом благополучии (Эйдемиллер Э. Г., Добряков И. В., Никольская И. М., 2003). В таких случаях эффективными становятся групповые формы психологической работы в виде групп поддержки, где обсуждаются актуальные вопросы воспитания опекунами. Во время таких встреч информирование об особенностях возраста воспринимается как обмен опытом, а не как обучение и контроль. При такой форме работы особенно эффективно решаются задачи, связанные с созданием условий для овладения опекунами навыками конструктивного взаимодействия с опекаемым ребенком, предотвращения и разрешения конфликтов, управления жизненной ситуацией семьи. Групповой формат работы также способствует созданию условий для появления у опекунов новых увлечений, расширения сфер деятельности и круга общения за счет включения в него новых, хотя и не очень близких людей, формирования новых умений и навыков, которые позволяют им «не отставать» от внуков. Помимо эффектов саморазвития, изменения самовосприятия и самооценки опекунов, групповые формы психологической работы ведут к более глубокому осознанию опекунами ответственности и помогают сохранять мотивацию к улучшению семейной ситуации, высокий эмоциональный тонус, направленность на новые достижения.

Опираясь на правила психологического сопровождения семей кровной опеки, сформулированные И. Н. Кардаковой и О. Н. Тузовой (Кардакова И. Н., Тузова О. Н., 2013), отметим следующие важные моменты, связанные с организационной и содержательной сторонами консультирования кровных опекунов пожилого возраста:

1. Взаимодействие психолога с семьей должно быть систематичным и осуществляться с определенной периодичностью для того, чтобы поддерживать контакт и доверительность отношений.
2. Помимо обсуждения проблематики, актуальной для опекуна, важной задачей консультанта является создание условий для снижения напряжения, повышения самооценки опекуна путем признания важности его труда для ребенка, общественной значимости опекунства как особого социального института.

3. Целесообразно вовлекать опекуна в групповые формы работы (информационные и просветительские семинары, конференции приемных родителей, тематические тренинги, группы поддержки, группы совместного проведения досуга и т. д.).

В завершении подчеркнем, что психологическая работа является лишь одним из компонентов комплексной работы по сопровождению семей кровной опеки, которая осуществляется междисциплинарной командой специалистов, включающей, помимо психолога, социальных работников, педагогов, юристов, медицинских работников и т. д. В этой связи в процессе психологического консультирования специалисту важно осуществлять координационную функцию, своевременно обеспечивая опекуну возможность получить специализированную помощь и поддержку.

## ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Благополучие опекунской семьи в контексте выполнения функций, связанных с воспитанием и развитием опекаемых детей, является важнейшей проблемой современного общества. В связи с этим возникает задача последовательной разработки и внедрения системы мер, направленных на всесторонний учет особенностей жизненной ситуации ребенка, лишённого родительского попечения и семьи, в которой предполагается его размещение, для выбора наиболее целесообразного варианта жизнеустройства.

Настоящее исследование показало, что применение методологии ситуационного подхода предоставляет ряд принципиально новых возможностей для понимания специфики функционирования замещающей семьи, позволяя учесть объективный и субъективный контексты семейного функционирования во внутрисемейном взаимодействии и во взаимодействии с социумом. Опыт реализации разработанной программы в нашем эмпирическом исследовании показал ее высокий эвристический потенциал в изучении психологических особенностей функционирования опекунских семей. Разработанный диагностический инструментарий может использоваться в практических исследованиях опекунских семей для выявления мишеней оказания психологической помощи. В качестве перспективы развития методологии ситуационного подхода в исследованиях опекунских семей можно отметить также дальнейшую разработку адекватного диагностического инструментария. Опыт, полученный в исследовании, свидетельствует о необходимости сочетания вербальных и невербальных методик исследования семейной ситуации детей и подростков из семей кровной опеки, поскольку для психологической работы с опекунскими семьями необходимо обладать полной психологической картиной семей, а это возможно при учете переживаний как осознанных, так и неосознанных, как обобщенных, так и дифференцированных.

При анализе жизненной ситуации опеки выявлены ее специфические психологические характеристики для семей кровной и некровной опеки. В семьях с кровными опекунами уровень семейного благополучия значительно различается в зависимости от обстоятельств, причем отказ от родительских прав переживается наиболее тяжело; положительную роль

играет участие родителя в жизни семьи. При этом в семьях с некровным опекуном обстоятельства не оказывают существенного влияния на уровень семейного благополучия. Среди психологических «мишеней» оказания психологической помощи — тревога перед будущим у кровных опекунов-бабушек из-за их возраста, а также некоторые неблагоприятные тенденции в семьях с некровным опекуном: с ростом стажа опеки снижается ответственность участия в ситуации.

Наименее благоприятные оценки жизненной ситуации характерны для тех детей, которые, находясь под опекой бабушек, сохраняют контакты с кровными родителями, лишёнными родительских прав, что создает условия для ролевого конфликта ребенка с опекуном независимо от возраста ребенка. Наиболее благоприятные оценки ситуации некровной опеки дают младшие дети, с возрастом эти оценки снижаются, что, вероятно, отражает закономерности развития личности в подростковом возрасте.

На основании контент-анализа характеристик жизненных ситуаций были выделены критерии их типологизации: направленность на ребенка — направленность на себя; низкая оригинальность — высокая оригинальность. При этом более информативными оказались ответы, касающиеся трудных жизненных ситуаций, более явно отражающих субъектную включенность в жизненную ситуацию. И трудные жизненные ситуации, и ситуации, приносящие удовлетворение, у кровных опекунов отличаются направленностью на ребенка; трудные ситуации характеризуются низкой оригинальностью (чаще всего это учеба и трудности поведения). Ситуации, приносящие удовлетворение, среднеоригинальны (совместные праздники, дни рождения). По контрасту у матерей (группа сравнения) и трудные жизненные ситуации, и ситуации, приносящие удовлетворение, отличаются направленностью на себя; трудные ситуации характеризуются высокой оригинальностью. Это согласуется с данными о восприятии ими семейной ситуации как более легкой, менее ответственной, и о более активном их поведении. Некровные опекуны занимают промежуточные позиции по критериям типологии, как и ранее по параметрам отношения к значимой семейной ситуации.

Жизненная ситуация опеки накладывает существенный отпечаток на жизненную перспективу опекунов, способствуя ее углублению, с одной стороны, и сужению, проявляющемуся в концентрации на жизненных событиях, связанных с опекаемым ребенком, с другой стороны. При этом некровные опекуны демонстрируют более высокий уровень субъектности в отношении собственного будущего, чем опекуны, приходящиеся опекаемому ребенку бабушкой, что свидетельствует об их

возможностях активного взаимодействия с различными жизненными ситуациями и их успешного преодоления. Кровные же опекуны, напротив, характеризуются более низким уровнем субъектности, что ограничивает их возможности взаимодействия с жизненными ситуациями. Однако у некровных опекунов по сравнению с кровными отмечается меньшая эмоциональная вовлеченность во взаимодействие с детьми и менее глубокое осмысление жизненного опыта и жизненной перспективы, что дает основания утверждать о ее противоречивости. Жизненная перспектива всех опекунов более жестко очерчена и отличается узким кругом значимых переживаний, в сравнении с женщинами того же возраста, не являющимися опекунами, жизненная перспектива которых более размыта, но круг значимых переживаний шире. Кровные опекуны оказываются более открытыми для обсуждения проблем, неизбежно возникающих в жизни опекунской семьи, нежели опекуны более младшего возраста, независимо от наличия или отсутствия кровного родства.

В восприятии жизненной ситуации опекаемыми детьми находят отражение основные аспекты жизненной ситуации семей кровной и некровной опеки. Дети, находящиеся под опекой кровных опекунов, отмечают ресурсное значение сохранения контактов и родственниками, но отмечают трудности в отношениях с опекуном, связывая их, в первую очередь, с непониманием, различиях в ценностях и взглядах на жизнь, и, как правило, не рефлексировав более глубокие психологические причины напряженности в отношениях, связанные с изменением ролевой структуры семьи и изменениями в восприятии членами семьи друг друга. Психологическое содержание жизненной ситуации детей, не связанных кровным родством с опекунами, определяется, прежде всего, необходимостью психологически «укорениться» в семье, выстроить отношения со всеми ее членами, включиться в типичные для семьи способы организации жизни, разделить семейные традиции. Однако обратной стороной ценности обретения новой семьи являются ограничения в рефлексии трудностей, неизбежно возникающие в связи с изменениями представлений о себе, формированием новой семейной идентичности.

Эмоциональную поддержку со стороны семьи можно рассматривать в качестве наиболее ресурсной стороны семейного благополучия женщин, воспитывающих детей, в том числе женщин-опекунов (независимо от возраста и формы опеки). В выборках взрослых участников исследования не было обнаружено ситуационных факторов, оказывающих статистически достоверное влияние на восприятие ими семейной ситуации. На наш взгляд, это свидетельствует о более вариативном влиянии ситуационного контекста на семейное благополучие опекунов, в сравнении

с семейным благополучием опекаемых детей, что, вероятно, связано со значительно более масштабным жизненным опытом опекунов, который трансформирует различные жизненные обстоятельства в сугубо индивидуальные факторы риска и защиты.

Для женщин-опекунов (независимо от того, состоят они в кровном родстве с опекаемым ребенком или нет) характерно слияние опекунской и родительской идентичности, причем положительная модальность ролевой идентификации чаще встречается у женщин, опекающих детей младшего школьного возраста, в сравнении с детьми-подростками. В семьях, в которых кровного родства между ребенком и опекуном нет, ролевое слияние, вероятно, не оказывает негативного влияния на характер внутрисемейного взаимодействия в целом и отношения между опекуном и ребенком в частности. Имея возможность принять более взвешенное и осознанное решение о принятии обязанностей по опеке над ребенком, некровные опекуны при оценке функциональности семейных отношений ориентируются, в первую очередь, на самооценку качества выполнения опекунской/родительской роли, а не на характер отношений с ребенком (возможно, исходят из представления о том, что ребенок появляется в семье с некоторым «багажом», доставшимся ему от биологических родителей). В семьях, в которых опекун и ребенок состоят в кровном родстве, ролевое смешение может приводить к снижению оценки комфортности семейных отношений и их функциональности, что особенно заметно на примере опекунов-бабушек, для которых исполнение опекунских обязанностей зачастую становится единственной жизненной задачей, а трудности, возникающие во взаимоотношениях с опекаемым ребенком, наносят существенный урон модальности ролевой идентичности и оценке своей собственной жизни в целом. В выборке опекунов-тётъ негативные эффекты ролевого слияния частично нивелируются тем фактом, что опекаемый ребенок включается в «готовую» детско-родительскую подсистему семейных отношений, и модальность ролевой идентичности опекуна определяется не характером отношений с опекаемым ребенком, а функциональностью системы семейных отношений (как детско-родительских, так и супружеских) в целом.

Стили взаимодействия отношений в системе «ребенок — опекун» в семьях кровной и некровной опеки различны. Основным фактором семейного благополучия ребенка в семьях некровной опеки является признание ребенком положительного интереса к своей жизни со стороны взрослых (родителей или опекунов). В семьях, где опекуном ребенка является кровный опекун (бабушка), возникает больше противоречий во взаимодействии. В этих семьях бабушка вынуждена выполнять две

семейные роли одновременно, что может создавать трудности для функционирования семьи.

Полученные результаты приводят к необходимости дальнейшего, более углубленного исследования психологических факторов жизненной ситуации опекунства, в частности, семей с кровными опекунами, которые объективно испытывают больше трудностей, а отношение к жизненной ситуации опекунства в большей мере сопровождается негативными переживаниями. Необходимо решать дифференциацию подходов к психологическому сопровождению семей кровной и некровной опеки, поскольку опекаемый ребенок в равной мере нуждается и в активных действиях опекуна, и в глубоких, устойчивых межличностных отношениях.

Представленная модель психологического сопровождения опекунской семьи может использоваться в практике оказания психологической помощи. Апробация модели позволит выйти на новый уровень психологического исследования опекунской семьи и понимания закономерностей ее функционирования, психологической специфики семей кровной и некровной опеки.

## ЛИТЕРАТУРА

- Абульханова К. А., Березина Т. Н.* Время личности и время жизни СПб.: Алетейя, 2001. 304 с.
- Абульханова-Славская К. А.* Стратегия жизни. М.: Мысль, 1991. 299 с.
- Алексеева Э. Р.* Патронатная семья как институт социализации детей-сирот: автореферат дис. ... канд. социол. н. Екатеринбург, 2009. 19 с.
- Ананьев Б. Г.* Человек как предмет познания. СПб.: Питер, 2001.
- Андреева А. Д.* Как помочь ребенку пережить горе // Вопросы психологии. 1991. № 2. С. 87–96.
- Анисимова В. В.* Влияние опекунской семьи на личностные отношения подростков, лишенных родительского попечительства: Дис. ... канд. психол. наук. М., 2003. 146 с.
- Анциферова Л. И.* Психология повседневности: жизненный мир личности и «техники» ее бытия // Психологический журнал. Т. 14. № 2. 1993. С. 3–16.
- Аргайл М.* Психология счастья: Пер. с англ. М.: Прогресс, 1996. 332 с.
- Асламазова Л. А., Мухамедрахимов Р. Ж., Вершинина Е. А.* Опыт институционализации и уровень здоровья как факторы поведения привязанности у детей в замещающих семьях // Психологический журнал. 2019. Т. 40. № 1. С. 47–58.
- Белова Л. А.* Восприятие приемными детьми отношений в замещающей семье // Высшее образование сегодня. 2010. № 3. С. 88–90.
- Бессчетнова О. В.* Приемная семья: социально-демографический анализ. Саратов: Научная книга, 2008.
- Богомяжкова О. Н.* Специфика родительских установок в семьях разных социальных категорий // Вестник Пермского государственного гуманитарно-педагогического университета. Серия № 1. Психологические и педагогические науки. 2015. № 1. С. 1085–118.
- Бонкало Т. И.* Механизмы формирования эмоционального отвержения ребенка в функционально дееспособной семье // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. 2009. Т. 11. № 4 (4). С. 913–918.
- Боулби Дж.* Привязанность: Пер. с англ. М.: Гардарики, 2003. 447 с.
- Бурлачук Л. Ф.* Психодиагностика. 2-е изд. СПб.: Питер, 2011. 351 с.
- Бурлачук Л. Ф., Коржова Е. Ю.* Психология жизненных ситуаций. М.: Российское педагогическое агентство, 1998. 262 с.
- Быкова О. Н., Склярова Т. В.* Призрение детей в России: патронат, опека, усыновление // Вестник ПСТГУ IV: Педагогика. Психология 2007. Вып. 3. С. 92–109.

- Ваганова А. Р., Маркелова А. Ю.* Особенности родительской позиции в семьях разного типа // Известия Саратовского ун-та. Новая серия. Серия Акмеология образования. Психология развития. 2018. Т. 7. Вып. 2 (26). С. 170–175. DOI: 10.18500/2304-97902018-7-2-170-175
- Варга А. Я.* Системная психотерапия семьи. СПб.: Речь, 2001. 144 с.
- Василенко Т. Д.* Жизненный путь личности: время и смысл человеческого бытия в норме и при соматической патологии. Курск: КГМУ, 2011. 575 с.
- Василюк Ф. Е.* Психология переживания: Анализ преодоления критических ситуаций. М.: Изд-во МГУ, 1984. 200 с.
- Веселова Е. К., Коржова Е. Ю.* Оценка ситуаций морального выбора современными студентами // Развитие человека в современном мире. 2018. № 1. С. 7–15.
- Волкова Е. Н., Волкова И. В., Исаева О. М.* Дети-сироты и дети, растущие в семье: сравнительный анализ распространенности насилия // Петербургская социология сегодня. 2016. № 7. С. 39–57.
- Воронин В. Н., Князев В. Н.* К определению психологического понятия ситуации // Актуальные вопросы организационно-психологического обеспечения работы с кадрами. М., 1989. С. 121–126.
- Выготский Л. С.* Проблема возраста // Собрание сочинений. Т. 4. М.: Педагогика, 1984. С. 244–268.
- Галагузов А. Н., Галагузова М. А.* К вопросу о сущности понятия «социально-педагогическое сопровождение дезадаптированных подростков» // Педагогическое образование в России. 2015. № 4. С. 85–89.
- Галагузова М. А.* Социальная педагогика в России: история и современность // Педагогическое образование в России. 2014. № 4. С. 205–208.
- Герасимова Е. В.* Психолого-педагогические условия формирования гуманных взаимоотношений в приемной семье: автореф. дис. ... канд. психол. наук. Самара, 2008. 25 с.
- Головаха Е. И., Кроник А. А.* Психологическое время личности. 2-е изд, испр., доп. М.: Смысл, 2008. 267 с.
- Голод С. И.* Семья и брак: историко-социологический анализ. СПб.: ТОО ТК «Петрополис», 1998. 272 с.
- Гришина Н. В.* Экзистенциальная психология. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2018. 493 с.
- Гришина Н. В.* Ситуационный подход: исследовательские задачи и практические возможности // Вестник СПбГУ. Сер. 16. Психология. Педагогика. 2016. Вып. 1. С. 58–68.
- Гришина Н. В., Погребницкая В. Е., Абдульманова Д. М., Аллахвердов М. В.* Психология ситуаций: Теории и исследования. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2011. 340 с.
- Дерманова И. Б.* Субъект и субъектность в структуре свойств человека: попытка комплексного подхода // Акмеология. 2004. № 3 (11). С. 106–116.
- Дружинин В. Н.* Психология семьи. Екатеринбург: Деловая книга, 2000, 199 с.
- Емельянов Ю. Н.* Эффект трансситуационного научения // Вестник ЛГУ. Сер. 6. 1987. Вып. 3. С. 56–63.

- Жуйкова Е. Б., Панюшева Т. Д.* Понятие профессиональности позиции принимающего родителя // Консультативная психология и психотерапия. 2015. Т. 23. № 4. С. 83–101.
- Захарова Ж. А.* Проблемы детей-сирот, воспитывающихся в условиях приемной семьи // Отечественный журнал социальной работы. 2007. № 1. С. 25–32.
- Захарова Ж. А.* Социально-педагогическое сопровождение замещающей семьи как условие успешности воспитания приемного ребенка // Журнал Вестник Костромского государственного университета им. Н. А. Некрасова. Серия: Педагогика. Психология. Социокинетика. 2008. Т. 14. С. 174–177.
- Иванова Г. Ф.* Возрастные мотивационные особенности кандидатов в замещающие родители // Казанский педагогический журнал. 2017. № 3. С. 1–4.
- Интегративная психология жизненного пути / Под ред. Е. Ю. Коржовой. СПб.: Стикс, 2016. 230 с.
- Исаев Д. Н.* Формирование понятия смерти в детском возрасте и реакция детей на процесс умирания // Обозрение психиатрии и мед. психологии им. В. М. Бехтерева. 1992. Вып. 2. С. 17–27.
- Калачева И. В.* Особенности родительско-детских отношений в приемных семьях // Вектор науки ТГУ. 2012. № 1(8). С. 166–169.
- Капилина (Пичугина) М. В., Панюшева Т. Д.* Приемный ребенок: жизненный путь, помощь и поддержка. М.: Никая, 2015. 432 с.
- Капцова Е. А.* Особенности отдельных компонентов самосознания подростков в индивидуально-специфических условиях восприятия семейной ситуации // Семейная психология и семейная терапия. 2002. № 2. С. 27–45.
- Карабанова О. А.* Психология семейных отношений и основы семейного консультирования: Учебное пособие. М.: Гардарики, 2005. 320 с.
- Кардакова И. Н., Тузова О. Н.* Проблемы консультирования опекунов старшей возрастной группы // Современные исследования социальных проблем. 2013. № 3–4 (15–16). С. 59–69.
- Келли Дж.* Теория личных конструктов: Пер. с англ. СПб.: Речь, 2000. 248 с.
- Кобзарева И. И.* Психологическое сопровождение как направление деятельности психологической службы в системе профильного обучения // Наука. Инновации. Технологии. 2010. № 69. С. 95–101.
- Козлова Т. З.* Межпоколенческие отношения в опекунской семье // Социологические исследования. 2011. № 4. С. 144–146.
- Козлова Т. З.* Проблемы опекунской семьи // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2009. № 6 (94). С. 204–215.
- Комплексное сопровождение и коррекция развития детей-сирот: социально-эмоциональные проблемы / Под науч. ред. Л. М. Шипицыной и Е. И. Казаковой. СПб.: Институт специальной педагогики и психологии, 2000. 108 с.
- Кондратьева Н. И.* О проблеме семейных форм воспитания детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, и их психолого-педагогического сопровождения // Вестник Томского государственного университета. 2008. № 28. С. 45–48.

- Коржова Е. Ю.* Введение в психологию жизненных ситуаций. СПб.: Общество памяти игумении Таисии, 2015. 203 с.
- Коржова Е. Ю.* Психологические портреты больных с приобретенными пороками сердца. СПб.: Академия акмеологических наук, 1995. 105 с.
- Коржова Е. Ю.* Психологическое познание судьбы человека. СПб.: Изд-во РГПУ им. А. И. Герцена; изд-во «Союз», 2002. 334 с.
- Коржова Е. Ю.* Психология жизненных ориентаций человека. СПб.: Изд-во РХГА, 2006. 384 с.
- Коржова Е. Ю.* Путеводитель по жизненным ориентациям: личность и ее жизненный путь в художественной литературе. СПб.: Общество памяти игумении Таисии, 2004. 467 с.
- Коржова Е. Ю.* Человек болеющий: личность и ее социальная адаптация. СПб.: Академия акмеологических наук, 1994. 187 с.
- Коржова Е. Ю., Безгодова С. А., Микляева А. В., Юркова Е. В.* Психологическая характеристика отношения к жизненной ситуации у детей, воспитывающихся в опекунских семьях // Вестник Московского государственного областного университета. 2019а. № 2. URL: [www.evsnik-mgou.ru](http://www.evsnik-mgou.ru) (дата обращения: 01.12.2020).
- Коржова Е. Ю., Безгодова С. А., Микляева А. В., Юркова Е. В.* Событийная оценка жизненной ситуации детьми, воспитывающимися в семьях кровной и некровной опеки // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. 2019б. № 193. С. 47–55.
- Коржова Е. Ю., Безгодова С. А., Юркова Е. В.* Отражение семейной ситуации в рисунках детей и подростков, находящихся под опекой кровных родственников // Герценовские чтения: психологические исследования в образовании. Материалы III Международной научно-практической конференции Санкт-Петербург, 1–2 октября 2020 г. СПб.: Изд-во РГПУ им. А. И. Герцена, 2020. С. 357–363. DOI 10.33910/herzenpsyconf-2020-3-26
- Коржова Е. Ю., Безгодова С. А., Юркова Е. В.* Семейное благополучие опекаемых детей и их контакты с биологическими родителями: есть ли связь? // Герценовские чтения: психологические исследования в образовании. Материалы II Международной научно-практической конференции. СПб.: Изд-во РГПУ им. А. И. Герцена, 2019. С. 367–374.
- Коржова Е. Ю., Бердникова А. В.* Методика «Отношение к значимой жизненной ситуации» // Практикум по психологии жизненных ситуаций / Под ред. Е. Ю. Коржовой. СПб.: Стикс, 2016. С. 60–73.
- Коржова Е. Ю., Волкова Е. Н., Векилова С. А., Терешкина И. Б.* Психология опекунской семьи в русле ситуационного подхода // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. 2018. № 187. С. 134–146.
- Коржова Е. Ю., Волкова Е. Н., Микляева А. В., Безгодова С. А., Юркова Е. В.* Событийная наполненность жизненной перспективы опекунов как характеристика отношений в семьях кровной и некровной опеки // Социальная психология и общество. 2020. Т. 11. № 3. С. 86–98. DOI: 10.17759/sps.2020110306

- Коржова Е. Ю., Микляева А. В.* Ролевая идентичность опекунов в кровных опекунских семьях. Ананьевские чтения — 2018: Психология личности: Традиции и современность / под общ. ред. Н. В. Гришиной, С. Н. Костроминой. СПб.: Айсинг, 2018. С. 318–319.
- Коржова Е. Ю., Микляева А. В., Безгодова С. А., Юркова Е. В.* Отношение к жизненной ситуации опеки у кровных и некровных опекунов // Развитие человека в современном мире. 2018б. № 1. С. 50–60.
- Коржова Е. Ю., Микляева А. В., Безгодова С. А., Юркова Е. В.* Типология жизненных ситуаций опекунских семей // Развитие человека в современном мире. 2018а. № 2. С. 57–65.
- Коулмен П.* Как сказать ребенку о... / Пер. с англ. М.: Изд-во Института Психотерапии, 2002. 399 с.
- Кроник А. А.* «Картина жизни»: возможности прогноза // Жизненный путь личности. Киев: Наукова думка, 1987. С. 247–258.
- Крюкова Т. Л.* Совладание замещающих родителей (прародителей) с ситуацией ненормативного кризиса в семье // Интегративный подход к психологии человека и социальному взаимодействию людей: векторы развития современной психологической науки. Материалы VII Всероссийской научно-практической конференции. СПб.: Изд-во РГПУ им. А. И. Герцена, 2017. С. 248–254.
- Кувфтяк Е. В., Тихонова И. В.* Приемная семья: особенности подбора и адаптации. Кострома: Изд-во Костромского государственного университета им. Н. А. Некрасова, 2008. 384 с.
- Лазурский А. Ф.* Классификация личностей. Л.; М.: Гос. изд-во, 1923. 368 с.
- Лангмейер Й., Матейчек З.* Дети без семьи / Пер. с чеш. М.: Педагогика, 1995. 120 с.
- Левин К.* Теория поля в социальных науках: Пер. с англ. СПб.: Речь, 2000. 368 с.
- Леонтьев А. Н.* Деятельность. Сознание. Личность. М.: Политиздат, 1975. 304 с.
- Литвинов Г. А., Зарединова Э. Р., Кислая О. Н.* Психологическое исследование особенностей восприятия семейной ситуации у депрессивных подростков // Проблемы современного педагогического образования. 2017. № 54–2. С. 336–345.
- Логинова Н. А.* Психобиографический метод исследований и коррекции личности. Алматы: Казак университеті, 2001. 176 с.
- Магнуссон Д.* Ситуационный анализ: Эмпирические исследования соотношений выходов из ситуаций // Психологический журнал. 1983. № 2. С. 29–54.
- Маликова Т. В., Новикова Т. О., Пирогов Д. Г.* Переживание утраты детьми дошкольного возраста // Педиатр. 2018. Т. 9. № 6. С. 111–117.
- Маслоу А.* Психология бытия: Пер. с англ. М.: Рефл-бук; К.: Ваклер, 1997. 304 с.
- Махнач А. В.* Жизнеспособность человека и семьи: социально-психологическая парадигма. М.: Институт психологии РАН, 2016. 458 с.
- Махнач А. В.* К проблеме соотношения динамических психических состояний и стабильных черт личности // Психологический журнал. 1995. Т. 16. № 3. С. 35–43.

- Махнач А. В.* Проблема поколения в замещающей семье как особой малой социальной группе // Социальная психология и общество. 2019. Т. 10. № 2. С. 146–156. DOI: 10.17759/sps. 2019100211
- Методика «Рисунок семьи» // Основы психологии семьи и семейного консультирования: Учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений / Под общ. ред. Н. Н. Посысоева. М.: Изд-во ВЛАДОС-ПРЕСС, 2004. 328 с.
- Методика исследования родительского отношения (PARI), в адаптации Т. В. Нещерет // Райгородский Д. Я. Практическая психодиагностика. М.: Бахрах-М, 2011. С. 436–451
- Методические материалы по модели сопровождения замещающих семей: методическое пособие / авт. -сост. И. В. Татаурова, А. Н. Язовских, И. В. Маевская. Екатеринбург: Изд-во АМБ, 2016. 200 с.
- Микляева А. В.* Психология межвозрастных отношений. М.: Перо, 2014. 159 с.
- Микляева А. В., Безгодова С. А., Юркова Е. В.* Ролевая идентичность опекунов в контексте их удовлетворенности функциональными характеристиками семейных отношений // Азимут научных исследований: педагогика и психология 2018. Т. 7. № 3 (24). С. 357–360.
- Морозова И. С., Белогой К. Н., Отт Т. О.* Особенности детско-родительских отношений в приемных семьях // Вестник Кемеровского государственного университета. 2014. Т. 3. № 3 (59). С. 146–151.
- Муздыбаев К.* Стратегии совладания с жизненными трудностями // Журнал социологии и социальной антропологии. 1988. Т. 1. № 2. С. 103–108.
- Мухина В. С.* Психологическая помощь детям, воспитывающимся в учреждениях интернатного типа // Вопросы психологии, 1989. № 1. С. 32–39.
- Мясищев В. Н.* Личность и неврозы. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1960. 426 с.
- Надирашвили Ш. А.* Понятие установки в общей и социальной психологии. Тбилиси: Мецниереба, 1974. 170 с.
- Нюттен Ж.* Мотивация, действие и перспектива будущего / пер. с англ. М.: Смысл, 2004. 607 с.
- Овчаренко Л. Ю., Дорошенко Т. Н.* Психолого-педагогическое сопровождение замещающих, приемных и опекунских семей в школе // Человеческий капитал. 2018. № 5 (113). С. 76–88.
- Олейник В. В.* Семейный диагноз в опекаемых семьях // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. 2007. № 43–2. С. 194–197.
- Олиференко Л. Я., Шульга Т. И.* Модели социальной адаптации и реабилитации детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей // Социальная педагогика. Теория и практика. 2010. № 4. С. 17–27.
- Оллорт Г.* Личность в психологии: Пер. с англ. М.: КСП+, СПб.: ЮВЕНТА, 1998. 345 с.
- Оситова А. А.* Психологические проблемы приемной семьи // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. 2013. № 161. С. 290–298.

- Ослон В. Н.* Жизнеустройство детей-сирот: профессиональная замещающая семья. М.: Генезис, 2006. 368 с.
- Ослон В. Н.* Жизнеустройство детей-сирот: профессиональная замещающая семья. М.: Просвещение, 2014. 366 с.
- Ослон В. Н.* Последствия возвратов из замещающих семей (по результатам прикладного исследования) // Детский дом. 2009. № 4. С. 17–24.
- Ослон В. Н., Косьянова Е. В.* Влияние травмы сиротства на аффективно-личностную сферу подростка в условиях родственной и неродственной опеки // На пороге взросления. Сборник научных статей к третьей Всероссийской научно-практической конференции. Серия «Психология развития». М.: Изд-во МГППУ, 2011. С. 227–237.
- Парачев А. М.* Символический анализатор мира (рукопись). СПб., 1998.
- Пермякова Е. Ю.* Особенности процесса адаптации в условиях замещающей семьи // Концепт. 2016. Т. 17. С. 751–754.
- Петрановская Л. В.* Дитя двух семей. М.: Студио-Диалог, 2012. 56 с.
- Попова Л. Г.* Восприятие семейной ситуации детьми 7–10-летнего возраста, живущими в разной социальной среде // Известия Уральского государственного университета: Серия 1: Проблемы образования, науки и культуры. 2010. Т. 71. № 1. С. 135–144.
- Преп. Исаак Сирин.* О божественных тайнах и о духовной жизни. 3-е изд., испр., доп., пер. с сирийск. СПб.: Издательство Олега Абышко, 2006. 336 с.
- Прихожан А. М., Толстых Н. Н.* Особенности развития личности детей, воспитывающихся в условиях материнской депривации // Психологическая наука и образование. 2009. № 3. С. 5–12.
- Ральникова И. А.* Жизненные перспективы личности: психологический контекст. Барнаул: Алтайский государственный университет, 2002. 152 с.
- Рейнхутер Дж.* Это в ваших силах: Как стать собственным психотерапевтом: Пер. с англ. М.: Прогресс, 1993. 238 с.
- Роджерс К.* Становление личности Взгляд на психотерапию Пер. с англ. М.: Прогресс, 2001. 414 с.
- Рожкова Н. Г.* Жизненные перспективы детей-сирот в разных типах замещающих семей // Ярославский педагогический вестник. 2012. № 1. Том II (Психолого-педагогические науки). С. 305–309.
- Росс Л., Нисбетт Р. Е.* Человек и ситуация: Перспективы социальной психологии: Пер. с англ. М.: Аспект Пресс, 1999. 429 с.
- Рубинштейн С. Л.* Человек и мир. М.: Наука, 1997. 189 с.
- Сатир В.* Психотерапия семьи. СПб.: Речь, 2000. 101 с.
- Соломатина Г. Н.* Адаптация детей-сирот к условиям приемной семьи // Вопросы психологии. 2008. № 6. С. 76–82.
- Солохина Т. А., Шевченко Л. С.* Семья и психическое расстройство: что может помочь семье в преодолении болезни? // Двенадцать лекций о психиатрии и психическом здоровье / под редакцией В. С. Ястребова. М.: МАКС Пресс, 2008. С. 8–23.

- Стиваковская А. С.* Психотерапия: игра, детство, семья. В 2-х томах. М.: Апрель-Пресс, ЭКСМО-Пресс, 2000. 304+464 с.
- Терновая И. П.* Особенности организации процесса социально-педагогического сопровождения воспитания детей-сирот в кровных и замещающих семьях // Концепт. 2015. № 8. С. 191–195.
- Токарская Л. В.* Социальное и психолого-педагогическое сопровождение приемных детей и их семей. Екатеринбург: изд-во Урал. ун-та, 2015. 136 с.
- Толстых Н. Н.* Развитие временной перспективы личности: культурно-исторический подход: дис. ... д-ра психол. наук. М., 2010. 545 с.
- Толстых Н. Н.* Хронотоп: культура и онтогенез. М.: Универсум, 2018. 312 с.
- Трояновская П. В.* Методика «Детско-родительские отношения в подростковом возрасте» — родитель глазами подростка // Семейная психология и семейная терапия. 2003. № 3. С. 17–21.
- Тузова О. Н., Кардакова И. Н.* Психологическая реабилитация ребенка в процессе сопровождения с кровно-родственной формой опеки // Современные исследования социальных проблем. 2015. № 7 (51). С. 477–486.
- Узнадзе Д. Н.* Психологические исследования. М.: Наука, 1966. 451 с.
- Феофан Затворник, святитель. Путь ко спасению: Краткий очерк аскетике. М.: Правило веры, 2003. 606 с.
- Фримен Д.* Техники семейной психотерапии. СПб.: Питер, 2001. 376 с.
- Хоментausкас Г. Т.* Семья глазами ребенка. М.: Педагогика, 1989. 154 с.
- Цветовой тест отношений А. Н. Лутошкина // Платонов Ю. П. Основы этнической психологии. Учеб. пособие. СПб.: Речь, 2003. С. 403–405.
- Черепанова Е. С.* Психологический стресс. Помогите себе и ребенку. Книга для школьных психологов, родителей и учителей. М.: Издательский центр «Академия», 1997. 96 с.
- Чехов А. П.* Собр. соч. в 12 тт. М., 1960–1964.
- Шибутани Т.* Социальная психология: Пер. с англ. М.: Прогресс, 1969. 534 с.
- Шипицына Л. М.* Психология детей-сирот. СПб: Изд-во СПУ, 2005. 628 с.
- Шихирев П. Н.* Современная социальная психология. М.: ИП РАН, 1999. 447 с.
- Шульга Т. И.* Проблемы адаптации детей с ограниченными возможностями здоровья, оставшихся без попечения родителей, в опекунских семьях // Психологическая наука и образование. 2016. Т. 21. № 4. С. 75–82.
- Эйдемиллер Э. Г., Добряков И. В., Никольская И. М.* Семейный диагноз и семейная психотерапия: Учебное пособие для врачей и психологов. СПб.: Речь, 2003. 352 с.
- Эйдемиллер Э. Г., Юстицкис В. В.* Психология и психотерапия семьи. СПб.: Питер, 2002. 656 с.
- Argyle M.* Sequences in social behaviour as a function of the situation // Emerging Strategies in Social Psychological Research. Chichester, 1979. P. 11–37.
- Austin J. K., Huberty T.* Revision of the Family APGAR for Use by 8-Year-Olds // Family Systems Medicine. 1989. Vol. 7 (3). P. 323–328.

- Berry M., Dylla D. J. C., Barth R. P., Needell B.* The role of open adoption in the adjustment of adopted children and their families // *Children and Youth Services Review*. 1998. Vol. 20. No. 1–2. P. 151–171.
- Campbell J., Handy J.* Custodial grandmothers' experiences of double bind family relationships // *Feminism & Psychology*. Aug 2011. Vol. 21. Issue 3. P. 431–439.
- Cantos A. L., Gries L. T., Slis V.* Behavioral correlates of parental visiting during family foster care // *Child Welfare*. 1997. Vol. 76. P. 309–329.
- Carter B., McGoldrick M.* (eds.). *The changing family life cycle — a framework to family therapy*. Boston: Allyn & Bacon, 1989. 593 p.
- Castilla H., Caycho T., Shimabukuro M., Valdivia A.* Perception of family functioning: psychometric analysis of Family APGAR Scale in adolescents in Lima // *Propósitos y Representaciones*. 2014. Vol. 2 (1). P. 49–78. DOI: 10.20511/pyr2014.v2n1.53
- Courtney M. E.* Reentry to foster care of children returned to their families // *Children and Youth Services Review*. 1995. Vol. 69. P. 226–232.
- DeCataldo K. R., Carroll K.* Adoption now: A joint initiative of New York's courts and child welfare system // *Child Welfare*. 2007. Vol. 86. No. 2. P. 31–48.
- Del Valle J. F., Lopez M., Montserrat C., Bravo A.* Twenty years of foster care in Spain: Profiles, patterns and outcomes // *Children and Youth Services Review*. 2009. Vol. 31. P. 847–853. DOI: 10.1016/j.childyouth.2009.03.007
- Dellor E., Freisthler B.* Predicting adoption dissolutions for children involved in the child welfare system // *Journal of Child Custody*. 2018. Vol. 15. P. 136–146.
- Denby R. W., Testa M. F., Alford K. A., Cross C. L., Brinson J. A.* Protective factors as mediators and moderators of risk effects on perceptions of child well-being in kinship care // *Child Welfare*. 2017. Vol. 95 (4). P. 111–137.
- Duvall E. M.* *Family development*. Philadelphia: Lippincott, 1957. 532 p.
- Edelstein S. B., Gonzalez A., Langley A. K., Waterman J., Paasivirta M., Paczkowski E.* Preparing and Partnering with Families to Support the Adoption of Children from Foster Care // *Adoption Quarterly*. 2017. Vol. 20. No. 1. P. 119–133.
- Endler N., Magnusson D.* *Interactional Psychology and Personality*. New York: Wiley, 1976. 680 p.
- Eriksson P.* Fear of loss of a wanted child: emotional accounts of Finnish prospective adoptive parents in pre-adoption services // *Adoption and Fostering*. 2016. Vol. 40. No. 3. P. 209–218.
- Farmer E., Pollock S.* *Sexually abused and abusing children in substitute care*. Chichester: Wiley, 1998. 280 p.
- Farmer E., Moyers S.* *Kinship care: Fostering effective family and friends placements*. London: Jessica Kingsley, 2008. 254 p.
- Feldman F., Sherz F.* *Family Social Welfare: Helping Troubled Families*. New York: Atherton Press, 1967. 386 p.
- Forgas J. P.* *Social Episodes: The Study of Interaction Routines*. London and New York: Academic Press, 1979. 324 p.
- Frank L. K.* Time perspectives // *Journal of Social Philosophy*. 1939. Vol. 4. P. 293–312.

- Fravel D. L., McRoy R. G., Grotevant H. D.* Birthmother perceptions of the psychologically present adopted child: Adoption openness and boundary ambiguity // *Family Relations*. 2000. Vol. 49. No. 4. P. 425–433.
- Friedemann M.* The framework of systemic organization. Thousand Oaks, CA: SAGE Publications, 1995. 175 p.
- Fuentes M. J., Salas M. D., Bernedo I. M., García-Martín M. A.* Impact of the parenting style of foster parents on the behaviour problems of foster children // *Child: care, health and development*. 2014. Vol. 41 (5). P. 704–711. DOI: 10.1111/cch.12215
- Gardner W., Nutting P. A., Kelleher K. J. et al.* Does the Family APGAR Effectively Measure Family Functioning? // *Journal of Family Practice*. 2001. Vol. 50 (1). P. 19–25.
- Geen R.* The evolution of kinship care policy and practice // *The Future of children*. 2004. Vol. 14 (1). P. 130–149.
- Goldman G. D., Ryan S. D.* Direct and modifying influences of selected risk factors on children’s pre-adoption functioning and post-adoption adjustment // *Children and Youth Services Review*. 2011. Vol. 33. No. 2. P. 291–300.
- Gwyther R. E., Bentz E. J., Drossman D. A., Berolzheimer N.* Validity of the family APGAR in patients with irritable bowel syndrome // *Family Medicine*. 1993. Vol. 25 (1). P. 21–25.
- Harré H. R., Secord P. F.* The explanation of social behaviour. Oxford, GB: Blackwell, 1973. 327 p.
- Hedin L.* A sense of belonging in a changeable everyday life — a follow-up study of young people in kinship, network, and traditional foster families // *Child and Family Social Work*. 2014. Vol. 19. P. 165–173.
- Inchaurredo A. M., Bailon M. A., Vicente C. P., Tio E. V., Bolos A. M.* Risk and Protective Factors Associated with Kinship Care // *Child and Adolescent Social Work Journal*. 2015. Vol. 32. P. 417–427. DOI 10.1007/s10560-015-0382-8
- Ivanova V., Brown J.* Strengths of aboriginal foster parents // *Journal of Child and Family Studies*. 2011. Vol. 20 (3). P. 279–285.
- Janis I. L.* Psychological Stress: Psychoanalytic and Behavioral Studies of Surgical Patients. New York: Acad. Press, 1974. 439 p.
- Juffer F., van den Dries L., Finet C., Vermeer H.* Attachment and cognitive and motor development in the first years after adoption: a review of studies on internationally adopted children from China // *Praxis der Kinderpsychologie und Kinderpsychiatrie*. 2015. Vol. 64. No. 10. P. 774–792.
- Knuiman S. R., Hoksbergen R., van Baar A.* Children without parental care in Poland: Foster care institutionalization and adoption // *International Social Work*. 2015. Vol. 58. No. 1. P. 142–152.
- Kranstuber H., Koenig Kellas J. K.* “Instead of growing under her heart, I grew in it”: The relationship between adoption entrance narratives and adoptees’ self-concept // *Communication Quarterly*. 2011. Vol. 59 (2). P. 179–199. DOI: 10.1080/01463373.2011.563440

- Lazarus R.* Cognitive and coping processes in emotions // *Stress and Coping*. New York, 1977. P. 144–157.
- Leathers S. J., Spielfogel J. E., Gleeson J. P., Rolock N.* Behavior problems, foster home integration, and evidence-based behavioral interventions: What predicts adoption of foster children? // *Children and Youth Services Review*. 2012. Vol. 34. No. 5. P. 891–899.
- Leathers S. J.* Parental visiting, conflicting allegiances, and emotional and behavioral problems among foster children // *Family Relations*. 2003. Vol. 52 (1). P. 53–63.
- Lewin K.* Principles of Topological Psychology. New York; London: McGraw-Hill Book Company, inc., 1936. 231 p.
- Lim A., Manching J., Penserga E. G.* Correlation between Family APGAR scores and health-related quality of life of Filipino elderly patients with knee osteoarthritis // *International Journal of Rheumatic Diseases*. 2012. Vol. 15 (4). P. 407–413.
- Lipscombe J., Farmer E., Moyers S.* Parenting fostered adolescents: skills and strategies // *Child and Family Social Work*. Vol. 8. P. 243–255.
- Lu C., Yuan L., Lin W., Zhou Y., Pan S.* Depression and resilience mediates the effect of family function on quality of life of the elderly // *Archives of Gerontology & Geriatrics*. 2017. Vol. 71. P. 34–42. DOI: 10.1016/j.archger.2017.02.011
- McWey L. M., Acock A., Porter B.* The impact of continued contact with biological parents upon the mental health of children in foster care // *Children and Youth Services Review*. 2010. Vol. 32 (10). P. 1338–1445. DOI: 10.1016/j.childyouth.2010.05.003
- Mennen F. E., O'Keefe M.* Informed decisions in child welfare: the use of attachment theory // *Children and Youth Services Review*. 2005. Vol. 27. P. 577–593. DOI: 1016/j.childyouth.2004.11.011
- Messing J.* From the child's perspective: A qualitative analysis of kinship care placements // *Children and Youth Services Review*. 2006. Vol. 28 (12). P. 1415–1435.
- Metzger J.* Resiliency in Children and Youth in Kinship Care and Family Foster Care // *Child Welfare*. 2008. Vol. 87 (6). P. 115–140.
- Mischel W.* Introduction to Personality. 3d ed. New York: Holt, Rinehart and Winston, 1984. 623 p.
- Mischel W., Shoda Y., Ayduk O.* Introduction to Personality: Toward an Integrative Science of the Person. New York: Wiley. 8th ed., 2007. 594 p.
- Moos R. H.* Conceptualization of human environments // *American Psychologist*. 1973. Vol. 28. P. 652–665.
- Muris P., Meesters C., Merckelbach H., Hülsenbeck P.* Worry in children is related to perceived parental rearing and attachment // *Behaviour Research and Therapy*. 2020. Vol. 38. P. 487–497.
- Murtha T., Kanfer R., Ackerman P.* Toward an interactionist taxonomy of personality and situations: an integrative situational-dispositional representation of personality traits // *Journal of Personality and Social Psychology*. 1996. Vol. 71. P. 193–207.
- Natsuaki M. N., Leve L. D., Harold G. T., Neiderhiser J. M., Shaw D. S., Ganiban J., Scaramella L. V., Reiss D.* Transactions Between Child Social Warmth and

- Observed Structured Parenting: Evidence from a Prospective Adoption Study // *Child Development*. 2013. Vol. 84. No. 5. P. 1750–1765.
- Neil E.* Making sense of adoption: Integration and differentiation from the perspective of adopted children in middle childhood // *Children and Youth Services Review*. 2012. Vol. 34. No. 2. P. 409–416.
- Neil E., Beek M., Schofield G.* Thinking about and managing contact in permanent placements: the differences and similarities between adoptive parents and foster carers // *Clinical Child Psychology and Psychiatry*. 2003. Vol. 8. P. 401–418. DOI: 10.1177/1359104503008003009
- Nixon P.* *Relatively Speaking: Developments in Research and Practice in Kinship Care*. Dartington, UK: Research in Practice, 2007. 118 p.
- O'Brien V.* The Benefits and Challenges of Kinship Care // *Child Care in Practice*. 2012. Vol. 18. No. 2. P. 127–146.
- Olson D. H.* Circumplex model of marital and family systems // *Journal of Family Therapy*. 2000. Vol. 22. P. 144–167.
- Oosterman M., Schuengel C., Slot N. W., Bullens R. A., Doreleijers T. A.* Disruptions in foster care: a review and meta-analysis // *Child and Youth Services Review*. 2007. Vol. 29. P. 53–76.
- Pervin L.* *Personality: Theory, Assessment and Research*. New York etc.: John Wiley and Sons, 1970. 607 p.
- Pierrehumbert B., Muntean A., Tomita M., Ungureanu R., Habersaat S.* The significant behavioral aspects of adopted children within successful adoption in Romania // *Revista de Cercetare si Interventie Sociala*. 2011. Vol. 32. P. 107–130.
- Provencher A. J., Kahn N. E., Hansen M. E.* Adoption policy and the Well-being of adopted children in the United States // *Child Welfare*. 2017. Vol. No. 1. P. 27–55.
- Raaska H., Lapinleimu H., Sinkkonen J., Salmivalli C., Matomaki J., Makipaa S., Elovainio M.* Experiences of school bullying among internationally adopted children: results from the finnish adoption (FINADO) study // *Child Psychiatry & Human Development*. 2012. Vol. 43. No. 4. P. 592–611.
- Reeder G. D.* Trait-behavior relations and dispositional interference // *Personality and Social Psychology Bulletin*. 1993. Vol. 19. P. 586–593.
- Rees C. A., Selwyn J.* Non-infant adoption from care: lessons for safeguarding children // *Child Care Health and Development*. 2009. Vol. 35. No. 4. P. 561–567.
- Roben C. K. P., Moore G. A., Cole P. M., Molenaar P., Leve L. D., Shaw D. S., Reiss D., Neiderhiser J. M.* Transactional Patterns of Maternal Depressive Symptoms and Mother-Child Mutual Negativity in an Adoption Sample // *Infant and Child Development*. 2015. Vol. 24. No. 3. P. 322–342.
- Roberts L., Meakings S., Forrester D., Smith A., Shelton K.* Care-leavers and their children placed for adoption // *Children and Youth Services Review*. 2017. Vol. 79. No. 2. P. 355–361.
- Rudin S. A., Stagner L.* Figure-Ground Phenomena in the Perception of Physical and Social Stimuli // *The Journal of Psychology*. 1958. Volume 45. Issue 2. P. 213–225.

- Salas M. D., García-Martín M. Á., Fuentes M. J., Bernedo I. M.* Children's Emotional and Behavioral Problems in the Foster Family Context // *Child and Family Studies*. 2015. Vol. 24. P. 1373. DOI: 10.1007/s10826-014-9944-1
- Schaefer E. S.* A Circumplex model for maternal behavior // *Journal of Abnormal and Social Psychology*. 1959. Vol. 59. P. 226–235.
- Shapiro J., Neinstein L. S., Rabinovitz S.* The Family APGAR: Use of a Simple Family-Function Screening Test with Adolescents // *Family Systems Medicine*. 1987. Vol. 5 (2). P. 220–228.
- Sinclair I., Wilson K., Gibbs I.* Foster Placements: Why They Succeed and Why They Fail. London: Jessica Kingsley Publishers, 2008. 274 p.
- Smeeton J., Boxall K.* Birth parents' perceptions of professional practice in child care and adoption proceedings: implications for practice // *Child & Family Social Work*. 2011. Vol. 16. No. 4. P. 444–453.
- Smilkstein G.* The family APGAR: a proposal for a family function test and its use by physicians // *The Journal of Family Practice*. 1978. Vol. 6. P. 1231–1239.
- Smith G. C., Cichy K. E., Montoro-Rodriguez J.* Impact of coping resources on the well-being of custodial grandmothers and grandchildren // *Family Relations*. 2015. Vol. 64. No. 3. P. 378–392.
- Smucker W. D., Wildman B. G., Lynch T. R., Revolinsky M. C.* Relationship between the family APGAR and behavioral problems in children // *Archives of Family Medicine*. 1995. Vol. 4 (6). P. 535–339.
- Sprusińska E.* The Family APGAR Index: study on relationship between family function, social support, global stress and mental health perception in women // *International Journal of Occupational Medicine and Environmental Health*. 1994. Vol. 7 (1). P. 23–32.
- Suter E. A., Baxter L. A., Seurer L. M., Thomas L. J.* Discursive constructions of the meaning of “family” in online narratives of foster adoptive parents // *Communication Monographs*. 2014. Vol. 81. P. 59–78. DOI: 10.1080/03637751.2014.880791
- Takenaka H., Ban N.* The most important question in family approach: the potential of the resolve item of the family APGAR in family medicine // *Asia Pacific Family Medicine*. 2016. Vol. 15. P. 3. DOI: 10.1186/s12930-016-0028-9
- Tan T. X., Major D., Marn T., Na E., Jackson A. L.* Adopted children's country of origin and post-adoption parent-child relationship quality: Findings from the United States national survey of adoptive parents (NSAP) // *Children and Youth Services Review*. 2015. Vol. 48. P. 117–125.
- Tan T. X., Kim E. S., Baggerly J., Mahoney E. E., Rice J.* Beyond adoption status: post-adoptive parental involvement and children's reading and math performance from kindergarten to first grade // *American Journal of Orthopsychiatry*. 2017. Vol. 87. No. 3. P. 337–346.
- Testa M. F.* Kinship Care Policy and Practice // *Child Welfare*. 2017. Vol. 95 (3). P. 13–39.
- The psychology of social situations / Ed. by A. Furnham, M. Argyle. Oxford: Pergamon Press, 1981. 548 p.

- Thomas L. J., Scharp K. M.* “A family for every child”: discursive constructions of “ideal” adoptive families in online foster adoption photolisting that promote adoption of children from foster care // *Adoption Quarterly*. 2017. Vol. 20. No. 1. P. 44–64.
- Thomas W. I., Thomas D. S.* *The Child in America: Behavior Problems and Programs*. New York: Knopf, 1928. 601 p.
- Tuzova O. N.* Formation of the guardianship as a social institute in Russia // *Проблемы современного педагогического образования*. 2020. No. 66–3. С. 381–384.
- Vanderfaellie J., Van Holen F., Vanschoonlandt F., Robberechts M., Stroobants T.* Children placed in long-term family foster care: a longitudinal study into the development of problem behaviour and associated factors // *Children and Youth Services Review*. 2013. Vol. 35. P. 587–593. DOI: 10.1016/j.childyouth.2012.12.012
- Vericker T., Macomber J., Geen R.* The story behind kinship care caseload dynamics: An analysis of AFCARS data, 2000–2003 // *Children and Youth Services Review*. 2008. Vol. 30 (4). P. 437–451. DOI: 10.1016/j.childyouth.2007.10.014
- Webster G.* The person–situation interaction is increasingly outpacing the person–situation debate in the scientific literature: A 30-year analysis of publication trends, 1978–2007 // *Journal of Research in Personality*. 2009. Vol. 43. P. 278–279.
- West S. G., Graciano G.* Long-term stability and change in personality: An introduction // *Journal of Personality*. 1989. Vol. 57. No. 2. P. 175–193.
- Winokur M. A., Holtan A., Batchelder K. E.* Systematic review of kinship care effects on safety, permanency, and well-being outcomes // *Research on Social Work Practice*. 2018. Vol. 28. No. 1. P. 19–32.
- Wrobel G. M., AyersLopez S., Grotevant H. D., McRoy R. G., Friedrich M.* Openness in adoption and the level of child participation // *Child Development*. 1996. Vol. 67. No. 4. P. 2358–2374.
- Yazawa A., Takada S., Suzuki H., Fujisawa T. X., Tomoda A.* Association between parental visitation and depressive symptoms among institutionalized children in Japan: a cross-sectional study // *BMC Psychiatry*. 2019. Vol. 19. P. 129. DOI: 10.1186/s12888-019-2111-x
- Zimbardo Ph. G., Boyd J. N.* Putting time in perspective: A valid, reliable individual-differences metric // *Journal of Personality and Social Psychology*. 1999. Vol. 77(6). P. 1271–1288.
- Ziminski J.* Systemic practice with kinship care families // *Journal of Social Work Practice*. 2007. Vol. 21 (2). P. 239–250. DOI: 10.1080/02650530701371986

# Приложение 1

## Анкета для опекуна

Добрый день! Спасибо, что согласились принять участие в нашем исследовании. При заполнении анкеты я попрошу Вас ответить на вопросы о Вашей семье, опеке и воспитании детей. Здесь нет ответов правильных и неправильных, так как каждый прав по отношению к собственным взглядам. Старайтесь отвечать точно и правдиво.

*Инструкция: отмечайте ответы крестиком или галочкой. Пожалуйста, не отмечайте ответы точкой.*

Код анкеты:  
С \_\_\_ Р \_\_\_ С \_\_\_

---

1. Пожалуйста, укажите Ваш пол:

- Женский
- Мужской

2. Сколько Вам лет? \_\_\_\_\_

3. Кем Вы приходитесь ребёнку, которого взяли под опеку?

- Бабушкой/дедушкой
- Тётей/дядей
- Сестрой/братом
- Другим родственником
- Я не прихожусь ребёнку родственником
- Я — супруг родственника ребёнка

4. Сколько лет назад Вы взяли ребёнка под опеку? \_\_\_\_\_

5. Пожалуйста, укажите пол ребёнка, которого Вы взяли под опеку:

- Женский
- Мужской

6. Сколько лет сейчас ребёнку, которого Вы взяли под опеку? \_\_\_\_\_

7. Какой в Вашей семье уровень дохода?

- Менее 11 000 рублей на члена семьи в месяц
- От 11 000 до 33 000 рублей на члена семьи в месяц
- Больше 33 000 рублей на члена семьи в месяц

8. Какие у Вашей семьи источники дохода? Можно отметить несколько вариантов:

- Стандартное пособие на ребенка
- Пособие на ребенка с особыми нуждами
- Заработная плата
- Материальная помощь других родственников
- Пенсия
- Другое: \_\_\_\_\_

9. Работаете ли Вы?

- Да
- Нет

10. Есть ли у Вас какие-то другие занятия, кроме работы, например, хобби или увлечения?

- Да
- Нет

11. Есть ли у ребёнка, которого Вы взяли под опеку, хобби, увлечения?

- Да
- Нет

12. На какие оценки в школе учится ребёнок, которого Вы взяли под опеку?

- В основном, успевает плохо — на двойки и тройки
- Достаточно хорошие оценки, всё успевает
- Учится на хорошие или отличные оценки

13. Состоит ли ребёнок, которого Вы взяли под опеку, на учёте в отделе по делам несовершеннолетних?

- Да
- Нет

14. Есть ли у Вас муж или жена?

- Да
- Нет *Инструкция: переходите к вопросу 19*

15. Сколько лет Вы женаты? \_\_\_\_\_
16. Работает ли Ваш супруг/супруга?
- Да
  - Нет
17. Как Ваш супруг/супруга отнесся к Вашему решению взять ребёнка под опеку?
- С поддержкой
  - Был против
  - Принял как должное
18. Какое участие принимает в воспитании опекаемого Ваш супруг?
- Не принимает никакого участия, не помогает ни средствами, ни словом, ни делом
  - Оказывает моральную поддержку
  - Помогает с воспитанием (водит ребенка в школу, кружки)
  - Играет роль второго родителя для ребенка
19. Сколько у Вас других детей, кроме опекаемого? \_\_\_\_\_  
*Инструкция: если ответ "0", то переходите к вопросу 22*
20. Сколько им лет? \_\_\_\_\_
21. Как Ваши дети отнеслись к Вашему решению взять ребёнка под опеку?
- С поддержкой
  - Были против
  - Приняли как должное
22. Как Вы считаете, семья, которая приняла ребёнка под опеку, отличается от других семей?
- Да. Чем, на Ваш взгляд? \_\_\_\_\_
  - Нет
23. Как Вы думаете, должно ли общество помогать Вам в связи с опекой?
- Да
  - Нет

24. Как Вы оцениваете пользу от работы органов опеки?

- Они нам помогают, их помощь эффективна  
 Они не нужны

25. Какие отношения у Вас сложились с работниками органов опеки?

- В основном, хорошие  
 В основном, плохие

Расскажите мне немного об отношениях, которые сложились в Вашей семье. Оцените степень согласия со следующими утверждениями:

	Совершенно не согласен	Не согласен	Затрудняюсь	Согласен	Абсолютно согласен
26. Я уверен, что могу обратиться к своей семье, если меня что-то беспокоит	<input type="radio"/>	<input type="radio"/>	<input type="radio"/>	<input type="radio"/>	<input type="radio"/>
27. Я удовлетворен тем, как в нашей семье обсуждаются возникающие у нас проблемы	<input type="radio"/>	<input type="radio"/>	<input type="radio"/>	<input type="radio"/>	<input type="radio"/>
28. Я удовлетворен тем, как члены моей семьи выражают свои чувства, в том числе чувства в мой адрес	<input type="radio"/>	<input type="radio"/>	<input type="radio"/>	<input type="radio"/>	<input type="radio"/>
29. Я удовлетворен тем, как моя семья отвечает на мои инициативы	<input type="radio"/>	<input type="radio"/>	<input type="radio"/>	<input type="radio"/>	<input type="radio"/>
30. Я удовлетворен тем, как мы с семьей проводим совместный досуг	<input type="radio"/>	<input type="radio"/>	<input type="radio"/>	<input type="radio"/>	<input type="radio"/>

Пожалуйста, расскажите нам подробнее о том, при каких обстоятельствах Вы решили взять под опеку ребёнка

31. С какими жизненными обстоятельствами связана необходимость опеки над ребенком?

- Родители ребёнка умерли  
 Родители лишены родительских прав  
 Родители добровольно отказались от родительских прав  
 Другое: \_\_\_\_\_

32. Жили ли Вы вместе с ребёнком и его родителями до того, как стали опекуном?

- Да
- Нет

33. Насколько близкими, доверительными были отношения с ребёнком до того, как Вы стали опекуном?

- Близкими, доверительными
- Не слишком близкими
- Не общались с ребёнком до опеки

34. Состояли ли кровные родители ребёнка в браке?

- Да
- Нет

35. Какое участие принимает отец/мать в воспитании ребенка, которого Вы взяли под опеку?

- Никогда не принимал участия в воспитании
- Одно время воспитывал ребёнка, потом ушёл
- Участвует в воспитании ребёнка
- Другое: \_\_\_\_\_

36. Хотели ли другие родственники взять опеку над ребёнком?

- У ребёнка больше никого нет
- У ребёнка есть другой родитель, но он не признает своё родительство
- У ребенка есть другой родитель, но он лишён родительских прав
- У ребёнка есть другие родственники, но они отказались от опеки
- У ребенка есть другие родственники. Они хотели взять его под опеку, но решили оставить ребёнка с Вами

---

Расскажите нам немного о том, в какой ситуации находится Ваша семья.

37. Опишите события в жизни семьи, которые представляют для Вас проблему

---

---

38. Опишите основные события в жизни семьи, которые приносят положительные эмоции

---



---

Оцените согласие с утверждениями, исходя из той ситуации, которая сложилась в Вашей семье на данный момент

	Совершенно не согласен	Не согласен	Согласен	Абсолютно согласен
39. Хорошо, что все так происходит. Для меня взять ребёнка под опеку — это ценный опыт.	<input type="radio"/>	<input type="radio"/>	<input type="radio"/>	<input type="radio"/>
40. Ситуация кажется мне очень непростой.	<input type="radio"/>	<input type="radio"/>	<input type="radio"/>	<input type="radio"/>
41. Я верю, что все будет хорошо.	<input type="radio"/>	<input type="radio"/>	<input type="radio"/>	<input type="radio"/>
42. В этой ситуации от меня мало что зависит. Так сложились обстоятельства.	<input type="radio"/>	<input type="radio"/>	<input type="radio"/>	<input type="radio"/>
43. Я принимаю активное участие в данной ситуации.	<input type="radio"/>	<input type="radio"/>	<input type="radio"/>	<input type="radio"/>

---

44. В чем, как Вам кажется, заключается роль опекуна? Совпадает ли она с ролью родителя?

---



---

45. Как Вы думаете, хорошо ли Вы справляетесь с ролью опекуна?

- Да  
 Нет

46. Какие задачи Вы ставите перед собой в отношении ребёнка, которого Вы взяли под опеку?

---



---

47. Относитесь ли Вы к ребёнку, которого взяли под опеку, как к своим детям в том же возрасте?

- У него особая судьба, и отношение к нему другое  
 Отношусь также, как к своим детям

Подберите к каждому из понятий, перечисленных в таблице, подходящие цвета из списка:

**1 — синий, 2 — зеленый, 3 — оранжевый, 4 — желтый,  
 5 — малиновый, 6 — коричневый, 7 — черный, 8 — серый.**

Занесите номер цвета в ячейку напротив каждого понятия. Выбранные цвета могут повторяться.

48. Мой опекаемый ребёнок	
49. Моя семья	
50. Родительство	
51. Я — опекун	
52. Я	
53. Я — родитель	
54. Опекунство	
55. Моя жизнь	
56. Жизнь нашей семьи	

Из восьми цветов, перечисленных ниже, выберите тот, который Вам больше всего нравится. Его номер занесите в первый столбец таблицы в нижней части бланка. Из оставшихся цветов выберите самый приятный и его номер занесите во второй столбец. Далее расположите номера всех цветов в порядке от самого приятного до самого неприятного:

**1 — синий, 2 — зеленый, 3 — оранжевый, 4 — желтый,  
5 — малиновый, 6 — коричневый, 7 — черный, 8 — серый.**

1	2	3	4	5	6	7	8

Пожалуйста, ответьте на несколько вопросов о воспитании детей.  
Согласны ли Вы со следующими утверждениями?

	Совершен- но не со- гласен	Не согла- сен	Согласен	Абсолют- но согла- сен
57. Если дети считают свои взгляды правильными, они могут не соглашаться с мнением старших	<input type="radio"/>	<input type="radio"/>	<input type="radio"/>	<input type="radio"/>
58. Хороший опекун должен оберегать своих детей даже от маленьких трудностей и обид	<input type="radio"/>	<input type="radio"/>	<input type="radio"/>	<input type="radio"/>
59. Некоторые дети настолько плохи, что ради их же блага нужно научить их бояться взрослых	<input type="radio"/>	<input type="radio"/>	<input type="radio"/>	<input type="radio"/>
60. Маленького ребенка всегда следует крепко держать во время мытья, чтобы он не упал	<input type="radio"/>	<input type="radio"/>	<input type="radio"/>	<input type="radio"/>
61. Ребенок, когда повзрослеет, будет благодарить опекуна за строгое воспитание	<input type="radio"/>	<input type="radio"/>	<input type="radio"/>	<input type="radio"/>
62. Пребывание с ребенком целый день может довести до нервного истощения	<input type="radio"/>	<input type="radio"/>	<input type="radio"/>	<input type="radio"/>
63. Лучше, если ребенок не задумывается над тем, правильны ли взгляды его воспитателей	<input type="radio"/>	<input type="radio"/>	<input type="radio"/>	<input type="radio"/>

	Совершенно не согласен	Не согласен	Согласен	Абсолютно согласен
64. Ребенка следует учить избегать драк, независимо от обстоятельств	<input type="radio"/>	<input type="radio"/>	<input type="radio"/>	<input type="radio"/>
65. Опекуну легче приспособиться к детям, чем наоборот	<input type="radio"/>	<input type="radio"/>	<input type="radio"/>	<input type="radio"/>
66. Ребенок должен научиться в жизни многим нужным вещам, и поэтому ему нельзя разрешать терять ценное время	<input type="radio"/>	<input type="radio"/>	<input type="radio"/>	<input type="radio"/>
67. Если один раз согласиться с тем, что ребенок съедничал, он будет это делать постоянно	<input type="radio"/>	<input type="radio"/>	<input type="radio"/>	<input type="radio"/>
68. В присутствии ребенка не надо разговаривать о вопросах пола	<input type="radio"/>	<input type="radio"/>	<input type="radio"/>	<input type="radio"/>
69. Нужно делать все, чтобы знать, о чем думают дети	<input type="radio"/>	<input type="radio"/>	<input type="radio"/>	<input type="radio"/>
70. Если бы опекуны больше интересовались делами своих детей, дети были бы лучше и счастливее	<input type="radio"/>	<input type="radio"/>	<input type="radio"/>	<input type="radio"/>
71. Большинство детей должны самостоятельно справляться с физиологическими нуждами уже с 15 месяцев	<input type="radio"/>	<input type="radio"/>	<input type="radio"/>	<input type="radio"/>

Перечислите наиболее важные события, которые связаны с Вашей семьей и которые, как Вы ожидаете, произойдут в будущем. Каждое событие будет радостным или грустным. Что это за события?

*Инструкция: впишите события в таблицу*

Попробуйте выразить свое отношение к указанным Вами событиям, оценив радостные от +1 до +5, а грустные — от -1 до -5.

*Инструкция: поставьте оценки в таблицу*

Представьте, когда эти события могут произойти.

*Инструкция: Отметьте на бланке примерные даты событий.*

Событие	Оценка	Дата	Примечание

*Спасибо Вам большое за участие в исследовании! Вы очень нам помогли.*

## Анкета для родителей

Добрый день! Спасибо, что согласились принять участие в нашем исследовании. При заполнении анкеты я попрошу Вас ответить на вопросы о Вашей семье и воспитании детей. Здесь нет ответов правильных и неправильных, так как каждый прав по отношению к собственным взглядам. Старайтесь отвечать точно и правдиво.

*Инструкция: отмечайте ответы крестиком или галочкой. Пожалуйста, не отмечайте ответы точкой.*

Код анкеты:  
С \_\_\_ Р \_\_\_ С \_\_\_

---

1. Пожалуйста, укажите Ваш пол:  
 Женский  
 Мужской
2. Сколько Вам лет? \_\_\_\_\_
3. Пожалуйста, укажите пол ребёнка, о котором Вы будете рассказывать:  
 Женский  
 Мужской
4. Сколько лет сейчас ребёнку? \_\_\_\_\_
5. Какой в Вашей семье уровень дохода?  
 Менее 11 000 рублей на члена семьи в месяц  
 От 11 000 до 33 000 рублей на члена семьи в месяц  
 Больше 33 000 рублей на члена семьи в месяц
6. Работаете ли Вы?  
 Да  
 Нет
7. Есть ли у Вас какие-то другие занятия, кроме работы, например, хобби или увлечения?  
 Да  
 Нет

8. Есть ли у ребёнка хобби, увлечения?

- Да  
 Нет

9. На какие оценки в школе учится ребёнок?

- В основном, успевает плохо — на двойки и тройки  
 Достаточно хорошие оценки, всё успевает  
 Учится на хорошие или отличные оценки

10. Состоит ли ребёнок на учёте в отделе по делам несовершеннолетних?

- Да  
 Нет

11. Есть ли у Вас муж или жена?

- Да  
 Нет

12. Сколько лет Вы женаты? \_\_\_\_\_

13. Работает ли Ваш супруг/супруга?

- Да  
 Нет

14. Сколько у Вас других детей, кроме того, о котором Вы рассказываете?

*Инструкция: если ответ "0", то переходите к вопросу 16*

15. Сколько им лет? \_\_\_\_\_

---

Расскажите мне немного об отношениях, которые сложились в Вашей семье. Оцените степень согласия со следующими утверждениями:

	Совершенно не согласен	Не согласен	Затрудняюсь	Согласен	Абсолютно согласен
16. Я уверен, что могу обратиться к своей семье, если меня что-то беспокоит	<input type="radio"/>	<input type="radio"/>	<input type="radio"/>	<input type="radio"/>	<input type="radio"/>

	Совершенно не согласен	Не согласен	Загрудняюсь	Согласен	Абсолютно согласен
17. Я удовлетворен тем, как в нашей семье обсуждаются возникающие у нас проблемы	<input type="radio"/>	<input type="radio"/>	<input type="radio"/>	<input type="radio"/>	<input type="radio"/>
18. Я удовлетворен тем, как члены моей семьи выражают свои чувства, в том числе чувства в мой адрес	<input type="radio"/>	<input type="radio"/>	<input type="radio"/>	<input type="radio"/>	<input type="radio"/>
19. Я удовлетворен тем, как моя семья отвечает на мои инициативы	<input type="radio"/>	<input type="radio"/>	<input type="radio"/>	<input type="radio"/>	<input type="radio"/>
20. Я удовлетворен тем, как мы с семьей проводим совместный досуг	<input type="radio"/>	<input type="radio"/>	<input type="radio"/>	<input type="radio"/>	<input type="radio"/>

Расскажите нам немного о том, в какой ситуации находится Ваша семья.

21. Опишите события в жизни семьи, которые представляют для Вас проблему

---



---

22. Опишите основные события в жизни семьи, которые приносят положительные эмоции

---



---

Оцените согласие с утверждениями, исходя из той ситуации, которая сложилась в Вашей семье на данный момент

	Совершенно не согласен	Не согласен	Согласен	Абсолютно согласен
23. Хорошо, что в нашей семье есть ребенок (дети). Для меня воспитание ребенка — это ценный опыт.	<input type="radio"/>	<input type="radio"/>	<input type="radio"/>	<input type="radio"/>

	Совершенно не согласен	Не согласен	Согласен	Абсолютно согласен
24. Ситуация кажется мне очень непростой.	<input type="radio"/>	<input type="radio"/>	<input type="radio"/>	<input type="radio"/>
25. Я верю, что все будет хорошо.	<input type="radio"/>	<input type="radio"/>	<input type="radio"/>	<input type="radio"/>
26. В этой ситуации от меня мало что зависит. Так сложились обстоятельства.	<input type="radio"/>	<input type="radio"/>	<input type="radio"/>	<input type="radio"/>
27. Я принимаю активное участие в той ситуации, которая сложилась в нашей семье.	<input type="radio"/>	<input type="radio"/>	<input type="radio"/>	<input type="radio"/>

---

28. Как Вы думаете, хорошо ли Вы справляетесь с ролью родителя?

- Да  
 Нет

29. Какие задачи Вы ставите перед собой в отношении ребенка?

---



---



---

Подберите к каждому из понятий, перечисленных в таблице, подходящие цвета из списка:

**1 — синий, 2 — зеленый, 3 — оранжевый, 4 — желтый,  
5 — малиновый, 6 — коричневый, 7 — черный, 8 — серый.**

Занесите номер цвета в ячейку напротив каждого понятия. Выбранные цвета могут повторяться.

30. Мой ребёнок	
31. Моя семья	
32. Родительство	
33. Я — родитель	

34. Я	
35. Моя жизнь	
36. Жизнь нашей семьи	

Из восьми цветов, перечисленных ниже, выберите тот, который Вам больше всего нравится. Его номер занесите в первый столбец таблицы в нижней части бланка. Из оставшихся цветов выберите самый приятный и его номер занесите во второй столбец. Далее расположите номера всех цветов в порядке от самого приятного до самого неприятного:

**1 — синий, 2 — зеленый, 3 — оранжевый, 4 — желтый,  
5 — малиновый, 6 — коричневый, 7 — черный, 8 — серый.**

1	2	3	4	5	6	7	8

Пожалуйста, ответьте на несколько вопросов о воспитании детей. Согласны ли Вы со следующими утверждениями?

	Совершенно не согласен	Не согласен	Согласен	Абсолютно согласен
37. Если дети считают свои взгляды правильными, они могут не соглашаться с мнением старших	<input type="radio"/>	<input type="radio"/>	<input type="radio"/>	<input type="radio"/>
38. Взрослые должны оберегать своих детей даже от маленьких трудностей и обид	<input type="radio"/>	<input type="radio"/>	<input type="radio"/>	<input type="radio"/>
39. Некоторые дети настолько плохи, что ради их же блага нужно научить их бояться взрослых	<input type="radio"/>	<input type="radio"/>	<input type="radio"/>	<input type="radio"/>
40. Маленького ребенка всегда следует крепко держать во время мытья, чтобы он не упал	<input type="radio"/>	<input type="radio"/>	<input type="radio"/>	<input type="radio"/>

	Совершенно не согласен	Не согласен	Согласен	Абсолютно согласен
41. Ребенок, когда повзрослеет, будет благодарить опекуна за строгое воспитание	<input type="radio"/>	<input type="radio"/>	<input type="radio"/>	<input type="radio"/>
42. Пребывание с ребенком целый день может довести до нервного истощения	<input type="radio"/>	<input type="radio"/>	<input type="radio"/>	<input type="radio"/>
43. Лучше, если ребенок не задумывается над тем, правильны ли взгляды его воспитателей	<input type="radio"/>	<input type="radio"/>	<input type="radio"/>	<input type="radio"/>
44. Ребенка следует учить избегать драк, независимо от обстоятельств	<input type="radio"/>	<input type="radio"/>	<input type="radio"/>	<input type="radio"/>
45. Взрослым легче приспособиться к детям, чем наоборот	<input type="radio"/>	<input type="radio"/>	<input type="radio"/>	<input type="radio"/>
46. Ребенок должен научиться в жизни многим нужным вещам, и поэтому ему нельзя разрешать терять ценное время	<input type="radio"/>	<input type="radio"/>	<input type="radio"/>	<input type="radio"/>
47. Если один раз согласиться с тем, что ребенок съедничал, он будет это делать постоянно	<input type="radio"/>	<input type="radio"/>	<input type="radio"/>	<input type="radio"/>
48. В присутствии ребенка не надо разговаривать о вопросах пола	<input type="radio"/>	<input type="radio"/>	<input type="radio"/>	<input type="radio"/>
49. Нужно делать все, чтобы знать, о чем думают дети	<input type="radio"/>	<input type="radio"/>	<input type="radio"/>	<input type="radio"/>
50. Если бы взрослые больше интересовались делами своих детей, дети были бы лучше и счастливее	<input type="radio"/>	<input type="radio"/>	<input type="radio"/>	<input type="radio"/>
51. Большинство детей должны самостоятельно справляться с физиологическими нуждами уже с 15 месяцев	<input type="radio"/>	<input type="radio"/>	<input type="radio"/>	<input type="radio"/>

Перечислите наиболее важные события, которые связаны с Вашей семьей и которые, как Вы ожидаете, произойдут в будущем. Каждое событие будет радостным или грустным. Что это за события?

*Инструкция: впишите события в таблицу*

Попробуйте выразить свое отношение к указанным Вами событиям, оценив радостные от +1 до +5, а грустные — от -1 до -5.

*Инструкция: проставьте оценки в таблицу*

Представьте, когда эти события могут произойти.

*Инструкция: Отметьте на бланке примерные даты событий.*

Событие	Оценка	Дата	Примечание

*Спасибо Вам большое за участие в исследовании! Вы очень нам помогли.*

### Анкета для бабушки или дедушки

Добрый день! Спасибо, что согласились принять участие в нашем исследовании. При заполнении анкеты я попрошу Вас ответить на вопросы о Вашей семье и воспитании детей. Здесь нет ответов правильных и неправильных, так как каждый прав по отношению к собственным взглядам. Старайтесь отвечать точно и правдиво.

*Инструкция: отмечайте ответы крестиком или галочкой. Пожалуйста, не отмечайте ответы точкой.*

Код анкеты:  
С \_\_\_ Р \_\_\_ С \_\_\_

- 
1. Пожалуйста, укажите Ваш пол:  
 Женский  
 Мужской
  2. Сколько Вам лет? \_\_\_\_\_
  3. Пожалуйста, укажите пол ребёнка, о котором Вы будете рассказывать:  
 Женский  
 Мужской
  4. Сколько лет сейчас ребёнку? \_\_\_\_\_
  5. Какой в Вашей семье уровень дохода?  
 Менее 11 000 рублей на члена семьи в месяц  
 От 11 000 до 33 000 рублей на члена семьи в месяц  
 Больше 33 000 рублей на члена семьи в месяц
  6. Работаете ли Вы?  
 Да  
 Нет
  7. Есть ли у Вас какие-то другие занятия, кроме работы, например, хобби или увлечения?  
 Да  
 Нет

8. Есть ли у ребёнка хобби, увлечения?
- Да  
 Нет
9. На какие оценки в школе учится ребёнок?
- В основном, успевает плохо — на двойки и тройки  
 Достаточно хорошие оценки, всё успевает  
 Учится на хорошие или отличные оценки
10. Состоит ли ребёнок на учёте в отделе по делам несовершеннолетних?
- Да  
 Нет
11. Есть ли у Вас муж или жена?
- Да  
 Нет
12. Сколько лет Вы женаты? \_\_\_\_\_
13. Работает ли Ваш супруг/супруга?
- Да  
 Нет
14. Сколько у Вас других детей, кроме того, о котором Вы рассказываете?
- Инструкция: если ответ “0”, то переходите к вопросу 16*
15. Сколько им лет? \_\_\_\_\_
- 

Расскажите мне немного об отношениях, которые сложились в Вашей семье. Оцените степень согласия со следующими утверждениями:

- |   | Совершенно не согласен | Не согласен           | Затрудняюсь           | Согласен              | Абсолютно согласен    |
|---|------------------------|-----------------------|-----------------------|-----------------------|-----------------------|
| 16. Я уверен, что могу обратиться к своей семье, если меня что-то беспокоит | <input type="radio"/>  | <input type="radio"/> | <input type="radio"/> | <input type="radio"/> | <input type="radio"/> |

	Совершенно не согласен	Не согласен	Затрудняюсь	Согласен	Абсолютно согласен
17. Я удовлетворен тем, как в нашей семье обсуждаются возникающие у нас проблемы	<input type="radio"/>	<input type="radio"/>	<input type="radio"/>	<input type="radio"/>	<input type="radio"/>
18. Я удовлетворен тем, как члены моей семьи выражают свои чувства, в том числе чувства в мой адрес	<input type="radio"/>	<input type="radio"/>	<input type="radio"/>	<input type="radio"/>	<input type="radio"/>
19. Я удовлетворен тем, как моя семья отвечает на мои инициативы	<input type="radio"/>	<input type="radio"/>	<input type="radio"/>	<input type="radio"/>	<input type="radio"/>
20. Я удовлетворен тем, как мы с семьей проводим совместный досуг	<input type="radio"/>	<input type="radio"/>	<input type="radio"/>	<input type="radio"/>	<input type="radio"/>

---

Расскажите нам немного о том, в какой ситуации находится Ваша семья.

21. Опишите события в жизни семьи, которые представляют для Вас проблему

---



---

22. Опишите основные события в жизни семьи, которые приносят положительные эмоции

---



---

Оцените согласие с утверждениями, исходя из той ситуации, которая сложилась в Вашей семье на данный момент

	Совершенно не согласен	Не согласен	Согласен	Абсолютно согласен
23. Хорошо, что в нашей семье есть ребенок (дети). Для меня воспитание внуков — это ценный опыт.	<input type="radio"/>	<input type="radio"/>	<input type="radio"/>	<input type="radio"/>
24. Ситуация кажется мне очень непростой.	<input type="radio"/>	<input type="radio"/>	<input type="radio"/>	<input type="radio"/>
25. Я верю, что все будет хорошо.	<input type="radio"/>	<input type="radio"/>	<input type="radio"/>	<input type="radio"/>
26. В этой ситуации от меня мало что зависит. Так сложились обстоятельства.	<input type="radio"/>	<input type="radio"/>	<input type="radio"/>	<input type="radio"/>
27. Я принимаю активное участие в той ситуации, которая сложилась в нашей семье.	<input type="radio"/>	<input type="radio"/>	<input type="radio"/>	<input type="radio"/>

---

28. Как Вы думаете, хорошо ли Вы справляетесь с ролью бабушки/дедушки?

- Да  
 Нет

29. Какие задачи Вы ставите перед собой в отношении своего внука/внучки?

---



---



---

Подберите к каждому из понятий, перечисленных в таблице, подходящие цвета из списка:

**1 — синий, 2 — зеленый, 3 — оранжевый, 4 — желтый,  
5 — малиновый, 6 — коричневый, 7 — черный, 8 — серый.**

Занесите номер цвета в ячейку напротив каждого понятия. Выбранные цвета могут повторяться.

30. Мой внук/внучка	
---------------------	--

31. Моя семья	
32. Внуки	
33. Я — бабушка/дедушка	
34. Я	
35. Моя жизнь	
36. Жизнь нашей семьи	

Из восьми цветов, перечисленных ниже, выберите тот, который Вам больше всего нравится. Его номер занесите в первый столбец таблицы в нижней части бланка. Из оставшихся цветов выберите самый приятный и его номер занесите во второй столбец. Далее расположите номера всех цветов в порядке от самого приятного до самого неприятного:

**1 — синий, 2 — зеленый, 3 — оранжевый, 4 — желтый,  
5 — малиновый, 6 — коричневый, 7 — черный, 8 — серый.**

1	2	3	4	5	6	7	8

Пожалуйста, ответьте на несколько вопросов о воспитании детей. Согласны ли Вы со следующими утверждениями?

	Совершенно не согласен	Не согласен	Согласен	Абсолютно согласен
37. Если дети считают свои взгляды правильными, они могут не соглашаться с мнением старших	<input type="radio"/>	<input type="radio"/>	<input type="radio"/>	<input type="radio"/>
38. Взрослые должны оберегать своих детей даже от маленьких трудностей и обид	<input type="radio"/>	<input type="radio"/>	<input type="radio"/>	<input type="radio"/>

	Совершенно не согласен	Не согласен	Согласен	Абсолютно согласен
39. Некоторые дети настолько плохи, что ради их же блага нужно научить их бояться взрослых	<input type="radio"/>	<input type="radio"/>	<input type="radio"/>	<input type="radio"/>
40. Маленького ребенка всегда следует крепко держать во время мытья, чтобы он не упал	<input type="radio"/>	<input type="radio"/>	<input type="radio"/>	<input type="radio"/>
41. Ребенок, когда повзрослеет, будет благодарить опекуна за строгое воспитание	<input type="radio"/>	<input type="radio"/>	<input type="radio"/>	<input type="radio"/>
42. Пребывание с ребенком целый день может довести до нервного истощения	<input type="radio"/>	<input type="radio"/>	<input type="radio"/>	<input type="radio"/>
43. Лучше, если ребенок не задумывается над тем, правильны ли взгляды его воспитателей	<input type="radio"/>	<input type="radio"/>	<input type="radio"/>	<input type="radio"/>
44. Ребенка следует учить избегать драк, независимо от обстоятельств	<input type="radio"/>	<input type="radio"/>	<input type="radio"/>	<input type="radio"/>
45. Взрослым легче приспособиться к детям, чем наоборот	<input type="radio"/>	<input type="radio"/>	<input type="radio"/>	<input type="radio"/>
46. Ребенок должен научиться в жизни многим нужным вещам, и поэтому ему нельзя разрешать терять ценное время	<input type="radio"/>	<input type="radio"/>	<input type="radio"/>	<input type="radio"/>
47. Если один раз согласиться с тем, что ребенок съябедничал, он будет это делать постоянно	<input type="radio"/>	<input type="radio"/>	<input type="radio"/>	<input type="radio"/>
48. В присутствии ребенка не надо разговаривать о вопросах пола	<input type="radio"/>	<input type="radio"/>	<input type="radio"/>	<input type="radio"/>

	Совершенно не согласен	Не согласен	Согласен	Абсолютно согласен
49. Нужно делать все, чтобы знать, о чем думают дети	<input type="radio"/>	<input type="radio"/>	<input type="radio"/>	<input type="radio"/>
50. Если бы взрослые больше интересовались делами своих детей, дети были бы лучше и счастливее	<input type="radio"/>	<input type="radio"/>	<input type="radio"/>	<input type="radio"/>
51. Большинство детей должны самостоятельно справляться с физиологическими нуждами уже с 15 месяцев	<input type="radio"/>	<input type="radio"/>	<input type="radio"/>	<input type="radio"/>

Перечислите наиболее важные события, которые связаны с Вашей семьей и которые, как Вы ожидаете, произойдут в будущем. Каждое событие будет радостным или грустным. Что это за события?

*Инструкция: впишите события в таблицу*

Попробуйте выразить свое отношение к указанным Вами событиям, оценив радостные от +1 до +5, а грустные — от -1 до -5.

*Инструкция: проставьте оценки в таблицу*

Представьте, когда эти события могут произойти.

*Инструкция: Отметьте на бланке примерные даты событий.*

Событие	Оценка	Дата	Примечание

*Спасибо Вам большое за участие в исследовании! Вы очень нам помогли.*

## Анкета для ребенка

Добрый день! Спасибо, что согласился(ась) принять участие в нашем исследовании. При заполнении анкеты я попрошу тебя ответить на вопросы о твоей семье. Здесь нет ответов правильных и неправильных, так как каждый имеет право на свое мнение. Старайся отвечать точно и правдиво.

*Инструкция: отмечайте ответы крестиком или галочкой. Пожалуйста, не отмечайте ответы точкой.*

Код анкеты:  
С\_\_

1. Есть ли у тебя какие-нибудь хобби, увлечения?

- Да  
 Нет

2. На какие оценки ты учишься в школе?

- Учусь плохо — на двойки и тройки  
 Учусь нормально, в основном тройки и четверки  
 Учусь отлично, на четверки и пятерки

Расскажи, пожалуйста, о своем опекуне. Оцени, насколько поведение твоих опекунов соответствует приведенным описаниям. Как часто это происходит?

	Никогда	Редко	Иногда	Часто	Всегда
3. Если у него (нее) плохое настроение, мое тоже портится	<input type="radio"/>				
4. Помогает мне, если я его прошу	<input type="radio"/>				
5. При споре заставляет меня соглашаться с его (ее) доводами	<input type="radio"/>				
6. Поручает мне ответственные дела	<input type="radio"/>				
7. Знает о моих интересах и увлечениях	<input type="radio"/>				

	Никогда	Редко	Иногда	Часто	Всегда
8. Проверяет, как я выполнил(а) поручение	<input type="radio"/>				
9. Благодарит меня за помощь	<input type="radio"/>				
10. Реагирует на одни и те же события по-разному, в зависимости от настроения	<input type="radio"/>				
11. Сомневается в правильности своих действий и решений	<input type="radio"/>				
12. Находит для меня время, если это мне нужно	<input type="radio"/>				
13. Относится ко мне так, как будто я старше или младше, чем на самом деле	<input type="radio"/>				
14. Если он(а) чем-то расстроена, я чувствую себя так, как будто это происходит со мной	<input type="radio"/>				
15. У нас есть общие дела и интересы	<input type="radio"/>				
16. Не выслушивает мое мнение при споре	<input type="radio"/>				
17. Считает, что я должен(а) выполнять все его (ее) требования	<input type="radio"/>				
18. Ведет себя так, как будто совсем не понимает меня	<input type="radio"/>				
19. Знает моих друзей	<input type="radio"/>				
20. Умеет проявлять свою благодарность	<input type="radio"/>				
21. По-разному ведет себя в похожих ситуациях	<input type="radio"/>				
22. Сменяет свою точку зрения, если я на этом настаиваю	<input type="radio"/>				
23. Прислушивается к моим просьбам и пожеланиям	<input type="radio"/>				

	Никогда	Редко	Иногда	Часто	Всегда
24. Мое отношение к делу зависит от того, как он(а) к нему относится	<input type="radio"/>				
25. Выслушивает мои пожелания и предложения, когда мы делаем что-то вместе	<input type="radio"/>				
26. При обсуждении проблемы навязывает готовое решение	<input type="radio"/>				
27. Требует большего, чем я способен(а) сделать	<input type="radio"/>				
28. Знает, где я провожу свободное время	<input type="radio"/>				
29. Пристально следит за моими успехами и неудачами	<input type="radio"/>				
30. Обращает внимание на мои хорошие поступки	<input type="radio"/>				
31. Тяжело заранее определить, как поступит в ответ на то или иное действие	<input type="radio"/>				
32. Долго откладывает принятие решения, предоставляя событиям идти своим чередом	<input type="radio"/>				
33. Заботится о том, чтобы у меня было все необходимое.	<input type="radio"/>				
34. Я не понимаю его слова и поступки	<input type="radio"/>				
35. Наказывая, может применить силу	<input type="radio"/>				
36. Считает, что хорошие дела и так видно, а на пропускки надо обратить внимание	<input type="radio"/>				
37. Несправедливо меня наказывает	<input type="radio"/>				
38. Проверяет мой школьный дневник	<input type="radio"/>				

39. Насколько близкими были ваши отношения с опекуном до того, как ты попал(а) в его семью?

- Близкими, доверительными  
 Не слишком близкими  
 Мы не общались

40. Опиши события в жизни семьи, которые представляют для тебя проблему

41. Опиши основные события в жизни семьи, которые приносят положительные эмоции

Оцени согласие с утверждениями, исходя из той ситуации, которая сложилась в твоей семье на данный момент

	Совершенно не согласен	Не согласен	Согласен	Абсолютно согласен
42. Хорошо, что все так происходит. Для меня попасть в эту семью — это ценный опыт.	<input type="radio"/>	<input type="radio"/>	<input type="radio"/>	<input type="radio"/>
43. Ситуация кажется мне очень непростой.	<input type="radio"/>	<input type="radio"/>	<input type="radio"/>	<input type="radio"/>
44. Я верю, что все будет хорошо.	<input type="radio"/>	<input type="radio"/>	<input type="radio"/>	<input type="radio"/>
45. В этой ситуации от меня мало что зависит. Так сложились обстоятельства.	<input type="radio"/>	<input type="radio"/>	<input type="radio"/>	<input type="radio"/>
46. Я принимаю активное участие в данной ситуации.	<input type="radio"/>	<input type="radio"/>	<input type="radio"/>	<input type="radio"/>

47. Нарисуй свою семью, где все заняты обычным делом:

48. Кто тут нарисован?

---



---

49. Что они делают?

---



---

50. Какое у них настроение?

---



---

Расскажи мне немного об отношениях, которые сложились в твоей семье. Оцени степень согласия со следующими утверждениями:

	Совер- шенно не согла- сен	Не со- гласен	Затруд- няюсь	Согла- сен	Абсо- лютно согласен
51. Я уверен, что могу обра- титься к своей семье, если меня что-то беспокоит	<input type="radio"/>	<input type="radio"/>	<input type="radio"/>	<input type="radio"/>	<input type="radio"/>
52. Я удовлетворен тем, как в нашей семье обсуждаются возникающие у нас пробле- мы	<input type="radio"/>	<input type="radio"/>	<input type="radio"/>	<input type="radio"/>	<input type="radio"/>

	Совершенно не согласен	Не согласен	Загруд- няюсь	Согла- сен	Абсо- лютно согласен
53. Я удовлетворен тем, как члены моей семьи выражают свои чувства, в том числе чувства в мой адрес	<input type="radio"/>	<input type="radio"/>	<input type="radio"/>	<input type="radio"/>	<input type="radio"/>
54. Я удовлетворен тем, как моя семья отвечает на мои инициативы	<input type="radio"/>	<input type="radio"/>	<input type="radio"/>	<input type="radio"/>	<input type="radio"/>
55. Я удовлетворен тем, как мы с семьей проводим совместный досуг	<input type="radio"/>	<input type="radio"/>	<input type="radio"/>	<input type="radio"/>	<input type="radio"/>

*Спасибо большое за участие в исследовании! Твои ответы очень нам помогли.*

## Анкета для ребенка (группа сравнения: родители)

Добрый день! Спасибо, что согласился(ась) принять участие в нашем исследовании. При заполнении анкеты я попрошу тебя ответить на вопросы о твоей семье. Здесь нет ответов правильных и неправильных, так как каждый имеет право на свое мнение. Старайся отвечать точно и правдиво.

*Инструкция: отмечайте ответы крестиком или галочкой. Пожалуйста, не отмечайте ответы точкой.*

Код анкеты:  
С \_\_\_\_

1. Есть ли у тебя какие-нибудь хобби, увлечения?

- Да  
 Нет

2. На какие оценки ты учишься в школе?

- Учусь плохо — на двойки и тройки  
 Учусь нормально, в основном тройки и четверки  
 Учусь отлично, на четверки и пятерки

Расскажи, пожалуйста, о своих родителях.

*Инструкция: вопросы формулируются в отношении того родителя, на основании ответов которого заполнялась «взрослая» анкета*

Оцени, насколько поведение твоего отца (матери) соответствует приведенным описаниям. Как часто это происходит?

	Никогда	Редко	Иногда	Часто	Всегда
3. Если у него (нее) плохое настроение, мое тоже портится	<input type="radio"/>				
4. Помогает мне, если я его прошу	<input type="radio"/>				
5. При споре заставляет меня соглашаться с его (ее) доводами	<input type="radio"/>				

	Никогда	Редко	Иногда	Часто	Всегда
6. Поручает мне ответственные дела	<input type="radio"/>				
7. Знает о моих интересах и увлечениях	<input type="radio"/>				
8. Проверяет, как я выполнил(а) поручение	<input type="radio"/>				
9. Благодарит меня за помощь	<input type="radio"/>				
10. Реагирует на одни и те же события по-разному, в зависимости от настроения	<input type="radio"/>				
11. Сомневается в правильности своих действий и решений	<input type="radio"/>				
12. Находит для меня время, если это мне нужно	<input type="radio"/>				
13. Относится ко мне так, как будто я старше или младше, чем на самом деле	<input type="radio"/>				
14. Если он(а) чем-то расстроена, я чувствую себя так, как будто это происходит со мной	<input type="radio"/>				
15. У нас есть общие дела и интересы	<input type="radio"/>				
16. Не выслушивает мое мнение при споре	<input type="radio"/>				
17. Считает, что я должен(а) выполнять все его (ее) требования	<input type="radio"/>				
18. Ведет себя так, как будто совсем не понимает меня	<input type="radio"/>				
19. Знает моих друзей	<input type="radio"/>				
20. Умеет проявлять свою благодарность	<input type="radio"/>				
21. По-разному ведет себя в похожих ситуациях	<input type="radio"/>				

	Никогда	Редко	Иногда	Часто	Всегда
22. Сменяет свою точку зрения, если я на этом настаиваю	<input type="radio"/>				
23. Прислушивается к моим просьбам и пожеланиям	<input type="radio"/>				
24. Мое отношение к делу зависит от того, как он(а) к нему относится	<input type="radio"/>				
25. Выслушивает мои пожелания и предложения, когда мы делаем что-то вместе	<input type="radio"/>				
26. При обсуждении проблемы навязывает готовое решение	<input type="radio"/>				
27. Требует большего, чем я способен(а) сделать	<input type="radio"/>				
28. Знает, где я провожу свободное время	<input type="radio"/>				
29. Пристально следит за моими успехами и неудачами	<input type="radio"/>				
30. Обращает внимание на мои хорошие поступки	<input type="radio"/>				
31. Тяжело заранее определить, как поступит в ответ на то или иное действие	<input type="radio"/>				
32. Долго откладывает принятие решения, предоставляя событиям идти своим чередом	<input type="radio"/>				
33. Заботится о том, чтобы у меня было все необходимое.	<input type="radio"/>				
34. Я не понимаю его слова и поступки	<input type="radio"/>				
35. Наказывая, может применить силу	<input type="radio"/>				
36. Считает, что хорошие дела и так видно, а на проступки надо обратить внимание	<input type="radio"/>				

	Никогда	Редко	Иногда	Часто	Всегда
37. Несправедливо меня наказывает	<input type="radio"/>				
38. Проверяет мой школьный дневник	<input type="radio"/>				

---

39. Опиши события в жизни семьи, которые представляют для тебя проблему

---



---

40. Опиши основные события в жизни семьи, которые приносят положительные эмоции

---



---

Оцени согласие с утверждениями, исходя из той ситуации, которая сложилась в твоей семье на данный момент

	Совершенно не согласен	Не согласен	Согласен	Абсолютно согласен
41. Хорошо, что все так происходит. Для меня быть в нашей семье — это ценный опыт.	<input type="radio"/>	<input type="radio"/>	<input type="radio"/>	<input type="radio"/>
42. Ситуация кажется мне очень непростой.	<input type="radio"/>	<input type="radio"/>	<input type="radio"/>	<input type="radio"/>
43. Я верю, что все будет хорошо.	<input type="radio"/>	<input type="radio"/>	<input type="radio"/>	<input type="radio"/>
44. В этой ситуации от меня мало что зависит. Так сложились обстоятельства.	<input type="radio"/>	<input type="radio"/>	<input type="radio"/>	<input type="radio"/>
45. Я принимаю активное участие в данной ситуации.	<input type="radio"/>	<input type="radio"/>	<input type="radio"/>	<input type="radio"/>

---

46. Нарисуй свою семью, где все заняты обычным делом:

47. Кто тут нарисован?

---



---

48. Что они делают?

---



---

49. Какое у них настроение?

---



---

Расскажи мне немного об отношениях, которые сложились в твоей семье. Оцени степень согласия со следующими утверждениями:

	Совершенно не согласен	Не согласен	Затрудняюсь	Согласен	Абсолютно согласен
50. Я уверен, что могу обратиться к своей семье, если меня что-то беспокоит	<input type="radio"/>	<input type="radio"/>	<input type="radio"/>	<input type="radio"/>	<input type="radio"/>
51. Я удовлетворен тем, как в нашей семье обсуждаются возникающие у нас проблемы	<input type="radio"/>	<input type="radio"/>	<input type="radio"/>	<input type="radio"/>	<input type="radio"/>
52. Я удовлетворен тем, как члены моей семьи выражают свои чувства, в том числе чувства в мой адрес	<input type="radio"/>	<input type="radio"/>	<input type="radio"/>	<input type="radio"/>	<input type="radio"/>

53. Я удовлетворен тем, как моя семья отвечает на мои инициативы

54. Я удовлетворен тем, как мы с семьей проводим совместный досуг

*Спасибо большое за участие в исследовании! Твои ответы очень нам помогли.*

## Анкета для ребенка (группа сравнения: бабушки)

Добрый день! Спасибо, что согласился(ась) принять участие в нашем исследовании. При заполнении анкеты я попрошу тебя ответить на вопросы о твоей семье. Здесь нет ответов правильных и неправильных, так как каждый имеет право на свое мнение. Старайся отвечать точно и правдиво.

*Инструкция: отмечайте ответы крестиком или галочкой. Пожалуйста, не отмечайте ответы точкой.*

Код анкеты:  
С \_\_\_

1. Есть ли у тебя какие-нибудь хобби, увлечения?

- Да  
 Нет

2. На какие оценки ты учишься в школе?

- Учусь плохо — на двойки и тройки  
 Учусь нормально, в основном тройки и четверки  
 Учусь отлично, на четверки и пятерки

Расскажи, пожалуйста, о своих родственниках.

*Инструкция: вопросы формулируются в отношении того родственника (бабушки или дедушки), на основании ответов которого заполнялась «взрослая» анкета*

Оцени, насколько поведение твоего дедушки (бабушки) соответствует приведенным описаниям. Как часто это происходит?

	Никогда	Редко	Иногда	Часто	Всегда
3. Если у него (нее) плохое настроение, мое тоже портится	<input type="radio"/>				
4. Помогает мне, если я его прошу	<input type="radio"/>				
5. При споре заставляет меня соглашаться с его (ее) доводами	<input type="radio"/>				

	Никогда	Редко	Иногда	Часто	Всегда
6. Поручает мне ответственные дела	<input type="radio"/>				
7. Знает о моих интересах и увлечениях	<input type="radio"/>				
8. Проверяет, как я выполнил(а) поручение	<input type="radio"/>				
9. Благодарит меня за помощь	<input type="radio"/>				
10. Реагирует на одни и те же события по-разному, в зависимости от настроения	<input type="radio"/>				
11. Сомневается в правильности своих действий и решений	<input type="radio"/>				
12. Находит для меня время, если это мне нужно	<input type="radio"/>				
13. Относится ко мне так, как будто я старше или младше, чем на самом деле	<input type="radio"/>				
14. Если он(а) чем-то расстроена, я чувствую себя так, как будто это происходит со мной	<input type="radio"/>				
15. У нас есть общие дела и интересы	<input type="radio"/>				
16. Не выслушивает мое мнение при споре	<input type="radio"/>				
17. Считает, что я должен(а) выполнять все его (ее) требования	<input type="radio"/>				
18. Ведет себя так, как будто совсем не понимает меня	<input type="radio"/>				
19. Знает моих друзей	<input type="radio"/>				
20. Умеет проявлять свою благодарность	<input type="radio"/>				
21. По-разному ведет себя в похожих ситуациях	<input type="radio"/>				

	Никогда	Редко	Иногда	Часто	Всегда
22. Сменяет свою точку зрения, если я на этом настаиваю	<input type="radio"/>				
23. Прислушивается к моим просьбам и пожеланиям	<input type="radio"/>				
24. Мое отношение к делу зависит от того, как он(а) к нему относится	<input type="radio"/>				
25. Выслушивает мои пожелания и предложения, когда мы делаем что-то вместе	<input type="radio"/>				
26. При обсуждении проблемы навязывает готовое решение	<input type="radio"/>				
27. Требует большего, чем я способен(а) сделать	<input type="radio"/>				
28. Знает, где я провожу свободное время	<input type="radio"/>				
29. Пристально следит за моими успехами и неудачами	<input type="radio"/>				
30. Обращает внимание на мои хорошие поступки	<input type="radio"/>				
31. Тяжело заранее определить, как поступит в ответ на то или иное действие	<input type="radio"/>				
32. Долго откладывает принятие решения, предоставляя событиям идти своим чередом	<input type="radio"/>				
33. Заботится о том, чтобы у меня было все необходимое.	<input type="radio"/>				
34. Я не понимаю его слова и поступки	<input type="radio"/>				
35. Наказывая, может применить силу	<input type="radio"/>				
36. Считает, что хорошие дела и так видно, а на поступки надо обратить внимание	<input type="radio"/>				

	Никогда	Редко	Иногда	Часто	Всегда
37. Несправедливо меня называют	<input type="radio"/>				
38. Проверяет мой школьный дневник	<input type="radio"/>				

---

39. Опиши события в жизни семьи, которые представляют для тебя проблему

---



---

40. Опиши основные события в жизни семьи, которые приносят положительные эмоции

---



---

Оцени согласие с утверждениями, исходя из той ситуации, которая сложилась в твоей семье на данный момент

	Совершенно не согласен	Не согласен	Согласен	Абсолютно согласен
41. Хорошо, что все так происходит. Для меня быть в нашей семье — это ценный опыт.	<input type="radio"/>	<input type="radio"/>	<input type="radio"/>	<input type="radio"/>
42. Ситуация кажется мне очень непростой.	<input type="radio"/>	<input type="radio"/>	<input type="radio"/>	<input type="radio"/>
43. Я верю, что все будет хорошо.	<input type="radio"/>	<input type="radio"/>	<input type="radio"/>	<input type="radio"/>
44. В этой ситуации от меня мало что зависит. Так сложились обстоятельства.	<input type="radio"/>	<input type="radio"/>	<input type="radio"/>	<input type="radio"/>
45. Я принимаю активное участие в данной ситуации.	<input type="radio"/>	<input type="radio"/>	<input type="radio"/>	<input type="radio"/>

---

46. Нарисуй свою семью, где все заняты обычным делом:

47. Кто тут нарисован?

---



---

48. Что они делают?

---



---

49. Какое у них настроение?

---



---

Расскажи мне немного об отношениях, которые сложились в твоей семье. Оцени степень согласия со следующими утверждениями:

	Совершенно не согласен	Не согласен	Затрудняюсь	Согласен	Абсолютно согласен
50. Я уверен, что могу обратиться к своей семье, если меня что-то беспокоит	<input type="radio"/>	<input type="radio"/>	<input type="radio"/>	<input type="radio"/>	<input type="radio"/>
51. Я удовлетворен тем, как в нашей семье обсуждаются возникающие у нас проблемы	<input type="radio"/>	<input type="radio"/>	<input type="radio"/>	<input type="radio"/>	<input type="radio"/>
52. Я удовлетворен тем, как члены моей семьи выражают свои чувства, в том числе чувства в мой адрес	<input type="radio"/>	<input type="radio"/>	<input type="radio"/>	<input type="radio"/>	<input type="radio"/>

53. Я удовлетворен тем, как моя семья отвечает на мои инициативы
54. Я удовлетворен тем, как мы с семьей проводим совместный досуг

*Спасибо большое за участие в исследовании! Твои ответы очень нам помогли.*

## Приложение 2

### Согласие на участие в исследовании (форма для опекуна)

Благодарим Вас за то, что согласились принять участие в нашем исследовании! Оно направлено на изучение особенностей взаимодействия членов семьи и обстановки в опекунских семьях. Благодаря Вашему участию, мы сможем разработать более эффективные рекомендации для оказания качественной помощи опекунам и детям.

Вас попросят ответить на несколько вопросов о Вас и Вашей семье. Это займет около 1 часа. Вы можете отказаться от участия в исследовании в любой момент.

Ваша анкета будет закодирована: мы не будем сохранять Ваше имя, фамилию или отчество. Информация, которую Вы нам предоставите, полностью конфиденциальна, и не будет использоваться ни в каких иных целях, кроме целей данного исследования.

По любым вопросам, связанным с проведением данного исследования, можно обратиться к \_\_\_\_\_.

Некоторые вопросы могут затрагивать эмоционально болезненные темы. В случае необходимости Вы можете обратиться за информационной поддержкой о возможностях получения психологической помощи, написав письмо по данному электронному адресу.

В случае Вашей заинтересованности Вы можете получить личные результаты исследования по электронной почте в течение 1 месяца после интервью.

- ✓ Я согласен (согласна) принять участие в исследовании. Мне понятны цели и процедура проведения исследования, даны ответы на все мои вопросы.
- ✓ Я согласен (согласна), чтобы ребёнок, опекуном которого я являюсь, принял участие в исследовании.
- ✓ Ребенок, которого я опекаю, осведомлен о своем статусе опекаемого.

Я хочу получить результаты исследования по электронной почте: \_\_\_\_\_

Дата \_\_\_\_\_

### Согласие на участие в исследовании (форма для ребенка)

Благодарим тебя за то, что ты согласился(лась) принять участие в нашем исследовании! Оно направлено на изучение обстановки в семьях, в которых ребенок находится под опекой. Благодаря твоему участию, мы сможем разработать более эффективные рекомендации для оказания качественной помощи опекунам и детям.

Тебя попросят ответить на несколько вопросов о тебе и твоей семье. Это займет около 40 минут. Ты можешь отказаться от участия в исследовании в любой момент.

Твоя анкета будет закодирована: мы не будем сохранять твоё имя, фамилию или отчество. Информация, которую ты нам предоставишь, полностью конфиденциальна, и не будет использоваться ни в каких иных целях, кроме целей данного исследования.

По любым вопросам, связанным с проведением данного исследования, можно обратиться к \_\_\_\_\_.

Некоторые вопросы могут затрагивать эмоционально болезненные темы. В случае необходимости ты можешь получить информацию о возможностях психологической помощи по указанному электронному адресу.

В случае заинтересованности ты можешь получить личные результаты исследования по электронной почте в течение 1 месяца после интервью.

✓ Я согласен (согласна) принять участие в исследовании. Мне понятны цели и процедура проведения исследования, даны ответы на все мои вопросы.

Я хочу получить результаты исследования по электронной почте: \_\_\_\_\_

Дата \_\_\_\_\_

Научное издание

**Е. Ю. Коржова, С. А. Безгодова,  
А. В. Микляева, Е. В. Юркова**  
**ПСИХОЛОГИЯ ОПЕКУНСКОЙ СЕМЬИ:  
СИТУАЦИОННЫЙ ПОДХОД**  
Монография

Верстка *Д. В. Лаптухиной*

Подписано в печать 23.12.2020. Формат 60 × 84<sup>1</sup>/<sub>16</sub>.

Бумага офсетная. Печать офсетная.

Усл. печ. л. 15,5. Тираж 500 экз. Заказ №

Издательство РГПУ им. А. И. Герцена.  
191186, С.-Петербург, наб. р. Мойки, 48

Типография РГПУ им. А. И. Герцена.  
191186, С.-Петербург, наб. р. Мойки, 48